



Н.А. ЛАВОНЕН

**КАРЕЛЬСКАЯ
НАРОДНАЯ
ЗАГАДКА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

И. А. ЛАВОНЕН

КАРЕЛЬСКАЯ
НАРОДНАЯ
ЗАГАДКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1977

Ответственный редактор
В. Н. ПУТИЛОВ

Л $\frac{70202-573}{042 (02)-77}$ 307-77

© Издательство «Наука», 1977

ВВЕДЕНИЕ

Красочный мир, поражающий своей самобытностью, предстает перед нами в загадках. Это — жанр международный, поскольку загадкам разных народов присущи общие закономерности структуры, порой даже дословные совпадения. Традиционные, общие черты не исключают, однако, оригинальности: у каждого народа в загадках прослеживаются свои особенности, относящиеся к их художественной природе, бытованию, тематике и историческому развитию. Таким образом, на фоне общих закономерностей необходимо выявлять национальную специфику, национальное своеобразие жанра.

Сказанное относится и к карельским загадкам. Мы имеем дело здесь с материалом, ограниченным определенными национальными рамками, но подлежащим анализу в свете общей проблематики жанра. Вот почему в основу нашей работы положен принцип сравнительно-исторического изучения фольклора (приводятся материалы по загадкам многих народов и делается попытка проследить их типологическое или генетическое сходство).

Методологической основой исследования является марксистско-ленинское положение о связи народного творчества с исторической действительностью, с народным бытом, высказывание В. И. Ленина о том, что «многовековое творчество масс отображает их мирозерцание в разные эпохи» (Бонч-Бруевич, 1954, 120).

Вопросы собирания, публикации и изучения печатного и архивного материала по карельской загадке пересекаются с более общими вопросами историографии

загадки, с проблемами теории жанра, как они освещаются в отечественной и зарубежной науке в наше время. Последнее важно особенно потому, что именно ближайшие к нам десятилетия были временем активного и продуктивного изучения загадки в нашей стране.

К довоенному сборнику М. А. Рыбниковой (1932) и статье И. М. Колесницкой «Загадка в сказке» (1941) за последние годы прибавилась целая серия разного плана работ по загадке — от публикаций полевых экспедиционных материалов (Цинциус, 1957; Воскобойников, 1957, 1967; Жукова, 1957; Пичков, 1959; Ойунская, 1970) и до специальных исследований (Лникип, 1957, 1960; Садовников, 1959, предисловие). Предприняты опыты изучения особенностей и закономерностей в структуре жанра загадки (Левин, 1970, 1973).

Особо нужно сказать о сводном сборнике русских загадок, изданном в серии «Памятники русского фольклора» (Митрофанова, 1968). Сборник составлен на высоком научном уровне и снабжен обширным справочным аппаратом. Составитель сборника, В. В. Митрофанова, продолжает успешно заниматься актуальными проблемами жанра русских загадок (Митрофанова, 1963, 1965, 1966а, 1966б, 1971а, 1971б).

Вышли в свет научные издания загадок многих народов: украинских (Березовский, 1962), марийских (Китиков, 1967), мордовских (Самородов, 1969), белорусских (Фядосик, 1972) и др.

Исследования по загадкам народов СССР, выполненные за последние годы, существенно продвигают нас в понимании вопросов истории и специфики жанра. Исследователей интересуют проблемы происхождения загадок, тематика загадок отдельных народов, их художественные особенности, связь загадок с другими жанрами фольклора. Некоторые авторы обратились к более частным темам: литературно-стилистическим и языковым особенностям загадок (Адамбаева, 1966), роли загадок в воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста (Гучене, 1968).

К настоящему времени уже накапливается материал о функционировании загадок в прошлом, о связи их с обрядами, но закономерности происхождения жанра достаточно убедительно еще не раскрыты. Пока пет основополагающих работ, подобных работам по сказке, эпосу,

исторической песне, которые решали бы общие теоретические проблемы жанра на материале многих народов.

О возрастающем интересе к изучению загадки за рубежом свидетельствуют сборники текстов и исследования (Virtanen, 1960, 1962; Георгиева-Стойкова, 1961, 1970), многочисленные статьи в различного рода фольклорных изданиях, журналах и ежегодниках (Journal of American Folklore, Man, Kalevalaseuran vuosikirja), например «Традиция загадывания в Северной Шотландии» (Goldstein, 1963), «К структурному определению загадки» (Georges, Dundes, 1963), «Новые свидетельства загадок американских индейцев» (Scott, 1963).

Фольклористами Скандинавии составлен словарь терминов и библиография по загадке скандинавских народов: «Скандинавская загадка. Терминология и библиография» (Vadker, 1964). Многочисленные высказывания о роли и функции загадок в жизни общества собраны в книге Донна В. Харта «Загадки в филиппинском фольклоре» (Hart, 1964), где публикация текстов загадок совмещается с их исследованием.

Заметной особенностью последних лет в изучении загадки является определенное перемещение внимания исследователей от проблем формы к вопросам бытования загадок, их производственно-магической функции, функционирования традиции (половозрастные группы носителей традиции, их репертуар и т. д.).

Своих национальных научных кадров в Карелии до Октябрьской революции не было, русские же ученые, путешественники, несмотря на интерес к Карелии и ее населению, не могли широко собирать национальный фольклор из-за незнания языка. В силу этих обстоятельств первоначально собиранием и изучением карельского фольклора, в том числе и загадок, занимались ученые Финляндии (об истории изучения финнами Карелии см.: Sihvo, 1969). Они изучали карельскую загадку совместно с финской, не выделяя ее, ошибочно считая карельский язык диалектом финского. Первые публикации загадок в Финляндии появились в XVII в. в качестве иллюстративного материала в учебниках финского языка Э. Петреуса и М. Мартиинуса (Hautala, 1954, 99—100). И только через сто лет, в 1783 г., вышел первый специальный сборник загадок Кристоффрида Ганаандера «Aenigmata Fennica. Финские загадки с отгадками» (о трех изданиях

сборника см.: Virtanen, 1962). Места записи загадок в сборнике не указаны, но финский фольклорист Е. Хаутала высказал мысль о северофинском происхождении сборника (Hautala, 1945—1946, 104—105). По последним предположениям, ряд загадок мог быть записан от коробейников-карел, посещавших Север Финляндии (Sanauder, 1970, предисловие). Точные доказательства найти теперь уже трудно, поэтому выделить карельские загадки в сборнике Ганандера не представляется возможным. Упомянутое издание можно считать и началом исследования загадок, поскольку сборник снабжен небольшим предисловием составителя, в котором отмечаются глубокая древность жанра загадки, их вариантность, рассказывается об обычае наказания за неумение отгадывать, подчеркивается педагогическая функция загадок.

Следующая публикация финских и карельских загадок связана с именем Элиаса Леннрота. Начиная с 1832 г. Леннрот паряду с другими жанрами записывал и загадки. По мере накопления они публиковались на страницах журналов и газет «Mehiläinen», «Sana Saattaja Viipurista» и др. (Hautala, 1945—1946, 113). В 1844 г. Леннрот выпустил отдельное издание: «Загадки финского народа и 135 эстонских загадок». В сборник вошло 1679 загадок и 144 варианта к ним. Помимо своих записей, Леннротом были использованы материалы из архива Финского литературного общества, основанного в 1831 г., и записи Ганандера. В сборник включены загадки из Карелии, на что сам автор указывал в предисловии.

В 1851 г. сборник Леннрота (Lönngrot, 1851), дополненный новыми материалами, вышел вторым изданием. Теперь он содержал 2188 финских и 189 эстонских загадок. Принцип расположения материала сохранен прежний — алфавитный. Места записи не указаны, следовательно, выделить загадки, записанные в Карелии, нельзя.

Интересна и несколько неожиданна для науки первой половины XIX в. мысль Леннрота о близости загадок финского и русского народов. «Говоря о загадках других народов, — пишет Леннрот, — нельзя не упомянуть, что финский народ как в загадках, так и в древних рунах и преданиях ближе к русскому народу, чем к шведскому» (Lönngrot, 1851, VI). Высказывание это не было никак

аргументировано и в дальнейших исследованиях не получило поддержки (Hautala, 1945—1946, 118; Naavio, Hautala, 1950, VII).

Следующая после Ленирота публикация загадок появилась в 1922 г.: «Загадки финского народа. Избранное» (Aarne, Krohn, 1922). Хотя сборник и был составлен двумя крупнейшими финскими фольклористами — А. Аарне и К. Кроном, — он не стал заметным явлением в фольклористике Финляндии: книга содержала всего 369 загадок, отсутствовало предисловие. Загадки здесь впервые расположены по тематическому принципу.

В 1946 г. издан «Сборник загадок финского народа» (Naavio, Hautala, 1950).¹ Сборник предназначен для массового читателя, даже иллюстрирован, от всех предыдущих он отличается наибольшей полнотой материала. Благодаря указанию мест записи представляется возможным выделить карельские загадки, большая часть которых записана в северной Карелии: средние и южные районы представлены единичными записями. С точки зрения передачи диалектных особенностей карельского языка сборник значительно уступает языковедческим публикациям (Nirvi, 1932; Leskinen, 1934, 1936; Ojansuu, 1934; Virtaranta, 1958, 1964), достоинство которых в том, что они передают загадки в фонетической транскрипции и выделяют карельские загадки из финских.

Исследованию загадок ряд специальных статей посвятил Антти Аарне (Aarne, 1916a, 1916b, 1916c, 1917a, 1917b, 1918). В его работах отразились сильные и слабые стороны «финской школы» в фольклористике. Представители ее вели большую собирательскую работу, систематизировали материал, сохранили для науки ценные сведения, но их методология страдала существенными недостатками (Кюнкка, 1959). Аарне применил историко-географический принцип «финской школы» к изучению загадки. Для «финской школы» был характерен отрыв произведений устного творчества от социально-исторических и бытовых условий жизни народа. Аарне прежде всего интересовали первоначальная форма загадки, место и время ее появления, пути миграции от одного народа к другому, преобразования, происходящие при этом с загадкой.

¹ Мы располагаем 3-м изданием этой книги (1950).

Руководствуясь принципами «финской школы», согласно которым вариант, встречающийся чаще и на более обширной территории, является более древним, и имея в распоряжении многочисленные варианты исследуемой загадки, можно, по Ларне, определить место и время ее возникновения. Наиболее простая форма считалась прототипом.

Проблема происхождения загадок рассматривалась только на уровне заимствования, вопрос о генезисе и об исторических корнях жанра даже не ставился. Впрочем, последнее могло зависеть не только от неправильных методологических установок «финской школы», но и от общего уровня и состояния фольклористической науки в целом.

После отхода Аарне от изучения загадок время от времени в финских изданиях продолжали появляться отдельные статьи о них (Paulaharju, 1924a; Suomen kulturihistoria, 1933, 343—345; Haavio, 1935, 410—411; Väisänen, 1933; Mägiste, 1959; Siukonen, 1952; Korhola, 1961; Kurki-Suonio, 1961; Virtanen, 1966; Kaivola-Bregenhøj, 1974). Это в основном статьи, рассматривающие одну определенную загадку и ее варианты или группу загадок, объединенных одной темой.

В статье «Загадки и древние верования» (Kuusi, 1956; вариант статьи: Kuusi, 1960) М. Кууси рассматривает группу загадок, поэтические образы которых, по его мнению, являются отголосками древних мифологических представлений народа. В статье «Пословицы и загадки» он определил, исходя из стилистических особенностей загадок, возможные периоды их создания (Kuusi, 1962).

Бесспорное достоинство статьи Л. Виртанен в том, что в сферу исследований автора включены вопросы бытования и функции загадок (Virtanen, 1960).

Таким образом, за два столетия, начиная с предисловия к сборнику Ганапдера, загадки не раз привлекали внимание исследователей в Финляндии. Для нас работы финских фольклористов представляют большой интерес, поскольку карельские и финские загадки близки по тематике, по художественным особенностям и в некоторой степени — по условиям бытования.

Непосредственно в Карелии фольклорные жанры до революции собирались редкими местными энтузиастами, краоведами-любителями. Материалы эти печатались

в «Олонецких губернских ведомостях» и в журнале «Живая старина». В 1893 г. на страницах «Живой старины» была опубликована коллекция карельских загадок (162 текста), собранных учителем из карельского села Святозера Н. Ф. Лесковым (Лесков, 1893а). Загадки напечатаны в русской транскрипции на карельском языке с переводом на русский. Тексты записаны в южной Карелии, в районе Святозера—Пряжи. Финский журнал «Virittäjä» перепечатал эту коллекцию латиницей (Ljeskov, 1918). Публикация Н. Ф. Лескова — единственная из дореволюционных публикаций карельских загадок в России.

После Октябрьской революции собрание фольклора в Карелии активизируется. В конце 1925 г. карельское правительство обратилось в Академию наук с просьбой направить внимание на изучение этнографии и устного творчества карел. Уже летом 1927 г. комплексная экспедиция Этнографического отдела государственного Русского музея в составе Д. А. Золотарева, Л. Л. Каницы, Г. Х. Богданова и трагически погибшего в этой экспедиции Х. Ф. Жеребцова работала в Ухтинском (ныне Калевальском) районе Карелии. Наряду с другими жанрами Г. Х. Богданов в 1927 г. записал 32 карельские загадки, положившие начало коллекции загадок Рукописного архива Карельского филиала АН СССР.

В эти же годы создается Общество изучения Карелии. В 1927 г. Общество издает на финском и русском языках специальную «Программу для собирания детского фольклора», составленную О. И. Каница, — с призывом собирать детский фольклор, в том числе и загадки, бытующие среди детей (Каница, 1927).

Выходит краеведческий, общественно-экономический журнал «Карело-Мурманский край», на страницах которого появлялись и фольклорно-этнографические материалы.

С созданием (в 1931 г.) специального научного центра — комплексного Карельского научно-исследовательского института (КНИИ), — в составе которого была и фольклорная секция, собрание народного творчества значительно оживляется.

Плодотворным периодом собирания фольклора явились предвоенные (1936—1940) годы, когда были выявлены талантливые рунопевцы и сказочники и изучался их репертуар. Хотя специальной целенаправленной ра-

боты по загадкам не проводилось (они собирались всегда только попутно), тем не менее фольклористами и языковедами Института было собрано значительное количество загадок. Наиболее активными собирателями в довоенные годы были Г. Богданов, У. Харламова, П. Куйкка, М. Гордеева, К. Белова, К. Луото и др.

В послевоенный период работа по собиранию народного творчества была продолжена. Рукописные материалы сосредоточились в Архиве Карельского филиала АН СССР, а записи на магнитной ленте — в Фонотеке Института языка, литературы и истории. Записи загадок, начиная с 30-х годов нашего века, теперь имеются из всех национальных районов Карелии, но количество записей по районам различно.

Север Карелии¹ представлен наиболее полно. Калевальский район еще со времен Ленирота славился своими богатыми фольклорными традициями, благодаря чему больше других районов привлекал внимание собирателей. Значительным количеством записей, особенно довоенных лет, представлена и южная Карелия. Меньше всего записей загадок из средней Карелии.

Большим пробелом в собирании явилось почти полное отсутствие сведений о времени, месте и условиях загадывания, о наказании за неумение отгадывать и т. д.

Из публикаций нужно отметить соответствующий раздел в сборнике Г. Макарова «Карельские пословицы, поговорки, загадки» (Макаров, 1959). Здесь содержится 196 карельских загадок с переводом на русский язык. Сборник составлен с частичным использованием архивного материала и личных записей автора.

Южнокарельские загадки приведены в книге «Образцы карельской речи» (Макаров, Рягоев, 1969). В республиканском журнале «Пуналиппу» изредка наряду с другими фольклорными жанрами приводятся и образцы загадок (Leskov, 1972, 107; Stepanova, 1973, 102).

За последние годы заметился определенный интерес к изучению карельской загадки. Опубликованы тезисы

¹ Поскольку в фольклорно-этнографическом плане наблюдается существенная разница между карелами разных районов, в нашей работе условно используется деление на северную (Калевальский и Лоухский районы), среднюю (наданские и согозерские карелы) и южную (Олонецкий, Пряжинский и Кондопожский районы) Карелию.

В. Я. Евсеева о сравнительном изучении загадок финно-угорских народов (Евсеев, 1964). В книге В. Я. Евсеева «Карельский фольклор в историческом освещении» (Евсеев, 1968) есть раздел об отражении в загадках исторической действительности разных эпох. Здесь выделяются загадки, в которых отражены черты первобытно-общинного строя, эпохи феодализма, капиталистических отношений. Новейшие загадки советского периода рассмотрены в разделе «Современный фольклор».

В 1973 г. в «Ежегоднике Общества Калевала» (KSV, 53) в Хельсинки появилась статья советской исследовательницы У. С. Кюппа о современном бытовании традиционной загадки в северной Карелии с публикацией 90 текстов.

По карельской загадке до сих пор не было монографических работ, ее изучение ограничивалось отдельными статьями и предисловиями к сборникам, многие сведения в них, естественно, фрагментарны и скудны, отсюда необходимость дальнейших исследований.

Этими обстоятельствами в определенной степени объясняются границы нашего исследования. Из широкой и многогранной темы мы пытались осветить следующие — основные, с нашей точки зрения, — вопросы:

бытовая и обрядовая роль карельской загадки в прошлом, современное состояние жанра;

тематика карельских загадок, связи их с действительностью, с материальным миром, окружавшим крестьян;

художественная организация: взаимоотношение отгадки и текста загадки; роль метафор, сравнений, эпитетов; отражение в загадках количественных, пространственных и временных отношений; приемы звукового строения — аллитерация, звукоподражание.

Поскольку публикации карельской загадки, выполненные в Финляндии и в Карелии, при многих бесспорных достоинствах не отражают в полной мере всего жанрового репертуара, в настоящей книге наряду с печатными источниками привлечены материалы из Архива Карельского филиала АН СССР и Фонотеки Института языка, литературы и истории. Кроме того, мы имели копии загадок из Архива Финского литературного общества в Хельсинки (291 текст).

Все загадки мы приводим на языке оригинала с переводом на русский язык. Там, где перевод выполнен нами,

источник указывается непосредственно за карельским текстом, а где используется перевод источника, ссылка дается после перевода.

Значительное количество примеров о бытовании загадок из фондов Архива и Фонотеки объясняется тем, что эти материалы в основном собраны автором за последние годы и исследуются впервые. В приложении указано, от кого, когда, где и кем записаны цитируемые тексты.

Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Сектора фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, принявшим участие в обсуждении работы.

ЗАГАДКИ В НАРОДНО-БЫТОВОЙ ТРАДИЦИИ

Национальная специфика карельской загадки проявляется в ее бытовании, в особенностях реализации тех общих исторических закономерностей, по которым происходило развитие жанра. Загадки, как и любой фольклорный жанр, являются исторически развивающейся категорией. Они испытали влияние разных эпох, с течением времени изменялась и общественная функция загадывания.

В бытовании карельских загадок прослеживается длительная эволюция: могут быть выделены ранний период, с явными следами магической функции, и более поздний — с очевидным преобладанием развлекательных элементов.

На современном этапе бытования загадки трудно найти прямые свидетельства ее обрядовой функции, равно как и увидеть по-настоящему все ее древние функциональные связи, поскольку загадка, по-видимому, рано отделилась от обряда и в дальнейшем развивалась в качестве самостоятельного жанра. Теперь уже трудно определить, на каком этапе исторического развития это произошло, поскольку мы не располагаем ранними сведениями о бытовании загадок.

Необходимость фиксации бытового фона при записывании фольклорных текстов теоретически была понята наукой уже давно. Н. А. Добролюбов писал: «... нам кажется, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы

и всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку» (Добролюбов, 1962, 237).

При записывании карельских загадок выявление деталей, фона загадывания оставалось вне поля зрения собирателей. Теперь уже многое безвозвратно утеряно, но тем не менее в экспедиционных поездках и наблюдениях последних лет удалось собрать значительный материал, раскрывающий функциональную роль загадок в прошлом, и уточнить картину современного состояния жанра.

Наши соображения в определенной степени могут быть относительны, поскольку мы сталкивались не с самими фактами в период их активного бытования, а только с отдельными остаточными их проявлениями. Поэтому некоторые проблемы можно только наметить, высказать свои суждения по ним лишь предположительно.

Обрядовая функция загадок в прошлом

По мнению исследователей, в древности загадки загадывались в особо важные для жизни коллектива или отдельного его члена моменты: в свадебном и похоронном обрядах, обряде инициации, при подготовке к сбору урожая и т. д. Древние считали, что «правильно отгаданная загадка... может помочь решить большую проблему, может убрать камни с дороги...» (Hart, 1964, 50).

Рассмотрим на различных примерах связь загадывания с похоронными церемониями, общественное значение которых в древности достаточно выяснено. В Англии после похорон старики оставались на кладбище, садились на просвиряк и загадывали друг другу загадки (Frazer, 1920, v. 9, 122). На архипелаге Ару окружающие загадывали загадки, пока умерший не положен в гроб (Frazer, 1920, v. 9, 121). До сих пор распространено загадывание во время похорон в сельских местностях на Филиппинах. Семья покойного, его родственники и друзья бодрствуют всю ночь, это время и является главным временем загадывания. В некоторых местностях не ограничиваются загадыванием загадок, а «шутят, поют, рассказывают истории и болтают во время бодрствования». На Филиппинах загадки популярны также и на поминках (Hart, 1964, 47—49). Часто загадывание не только связано

с похоронными церемониями, по ими и ограничено — в некоторых районах на Филиппинах и в Индонезии загадывание разрешается только тогда, когда в доме есть покойник. При нарушении этого условия какой-нибудь «член семьи может скоро умереть» (Hart, 1964, 48).

Данных о существовании обычая загадывания на похоронах у финно-угорских народов в известной литературе нет. Но некоторые исследователи считают, что загадывание глубокой осенью, в начале зимы, помимо других магических целей, связано и с обрядами в память усопших. В Эстонии, например, время загадывания совпадало со временем поминовения усопших (Виידалепп, 1965, 16).

У эстонцев существовало поверье о том, что при удачном отгадывании загадок не будут теряться ложки в доме (Viidalepp, 1965, 273). По мнению финской исследовательницы Л. Виртанен, потеря ложки обозначала окончание съестных припасов в доме (Virtanen, 1960, 185). Можно, однако, допустить, что потеря ложки связана с похоронными обрядами. Следы этой связи сохранились в Ингерманландии,¹ где ложку ломали при выносе покойника из дому и бросали ему вслед со словами: «Вот тебе твоя доля, больше не получишь» (Kohn K., 1915, 44). Удачное отгадывание могло играть роль своеобразного оберега — предотвращало «потерю ложек», то есть появление покойника в доме.

Близкие приметы, связанные с ложками, известны румынам. Они прислоняли ложки к чему-нибудь в доме, упавшая ложка предвещала смерть ее владельцу (Салманович, 1973, 292).

У многих народов загадывание было связано и со свадебным обрядом. Сохранились сведения о том, что девушки некоторых турецких племен загадывали загадки своим поклонникам. Последние подвергались наказанию, если не знали отгадок (Standard dictionary, 1950, 940). Испытание жениха с помощью загадок известно и в свадебном обряде у русских.

¹ Ингерманландия (Ижорская земля) — историческая область на южном берегу Финского залива между р. Невой и устьем р. Наровы, населенная в прошлом племенами ижоры и води. Входила в состав Новгородских владений, а в XVI—XVII вв. — Швеции. В начале XVIII в. возвращена России. В настоящее время ее территория входит в состав Ленинградской обл. РСФСР.

У эстонов и ингерманландцев записаны песни-загадки в форме диалога, исполняемого двумя группами или двумя лицами: одни поют загадку, другие на нее отвечают. Эти песни-загадки обычно исполнялись и на свадьбах, но отсутствуют сведения, какова была при этом их специальная функция (Virtanen, 1966, 91—95).

В карельском свадебном обряде загадка в ее современном понимании не встречается, но какая-то простейшая форма тайной речи при сватовстве сохранилась: о цели прихода сватов, о женихе и невесте говорят индифференциально. Трудно определить, имеет ли данная форма индифференциальной речи отношение к современной загадке, общие ли у них корни. Древние мотивы испытания жениха загадками при сватовстве сохранились в карельской сказке «Невестины загадки» (Кокка, 1963, № 52, 58; Кокка, Туницына, 1967, № 49; Фон. 1864/5 и др.). Здесь девушка не выходит за парня, который не отгадал загаданных ею загадок. Переложение известного сказочного сюжета — испытание жениха загадками — встречается и в песнях «Кантелетар», записанных и опубликованных Э. Леннротом в 1840—1841 гг. Пятьдесят девятая песня из третьей части «Кантелетар», записанная в северной Карелии, сохранила мудрые загадки, которыми невеста отвечает на вопросы жениха. Жених ни одной из них не смог разгадать. Отец, выслушав рассказ сына, говорит:

...saat siitä valitun vaimon
sekä mielevän miniän.
Mene sie siihen talohon,
tuo minulle minnä siitä!

...будет она женой избранной
и невесткой любимой.
Иди в тот дом,
приведи мне невестку оттуда.

(Kanteletar, 1942, 3, N 59).

Карельская свадьба в живом бытовании не сохранила загадок, но мотивы загадывания в сказочных сюжетах позволяют предположить, что загадка в Карелии могла в древности быть составной частью свадебного обряда.

В литературе отмечены сведения о связи загадывания с обрядом инициации (Frazer, 1920, v. 9, 122; Hart, 1964, 61—62; Воскобойников, 1957, 254), но прибалтийско-финским народам, в том числе и карелам, этот обряд не известен.

Загадывание играло важную роль в хозяйственной жизни древних, его связывали с созреванием сельскохозяйственных культур. Если на Центральном Целебесе

загадка правильно отгадана, толпа восклицает: «Пусть наш рис созревает, пусть тучные колосья зреют и в низинах и на возвышенности» (Frazer, 1920, v. 7, 194).

«В тщательно разработанной церемонии вызова дождя в Южно-Африканском племени банту нагие женщины танцевали, прыгали и пели: „Дождь, падай“. Если в это время появлялся мужчина, его били, затем загадывали загадки, на которые он должен был отвечать наиболее непристойными словами, заимствованными из обряда инициации» (Frazer, 1922, v. 3, 154).

Загадки применялись и в римских сатурналиях (Standard dictionary, 1950, 941). Верили, что загадыванием можно воздействовать на природу в благоприятном для общества направлении.

Считалось, что загадывание благотворно сказывается на результатах охоты, влияет на плодовитость скота. У барабинских татар был обычай во время сборов на охоту коллективно загадывать и отгадывать загадки, что, по их убеждению, положительно влияло на результаты промысла (Махмутов, 1969, 16). Обычай рассказывать сказки перед охотой существовал у многих народностей Сибири: у шорцев, алтайцев, тувинцев, нанайцев и др.; из финно-угорских народов он известен мордве (Вийдалени, 1964, 3).

Временные ограничения в загадывании

Производственно-магической функцией загадывания объясняются и строго определенные его сроки и запреты делать это в неположенное время. Издавна периодом активного загадывания у многих народов являлась зима. У марийцев позволено было загадывать только после того, как «образуется снежная шапка на пнях и столбах ворот» (Китиков, 1971, 7). У забайкальских бурят загадывание разрешалось только в зимние вечера, считалось, что оно благотворно влияет на рост стада (Худяков, 1864, 11). Удмурты, эстонцы, татары и другие народы тоже загадывали только глубокой осенью или зимой.

К. П. Герд, изучая загадки удмуртов, пришел к выводу, что удмурты «дают простор своей фантазии и свободу своему слову лишь тогда, когда все их благосостояние находится в полной безопасности: хлеба с полей убраны

в кладу (кабан), скот в хлесах и вся семья в сборе после благополучно законченного тяжелого летнего труда. . . Загадки начинают загадывать тогда, когда засынает природа, а вместе с ней засыпают или, вернее, затихают и силы природы» (Герд, 1928, 119).

В чем же тогда смысл загадывания у удмуртов, с их специальными вечерами загадок по определенному строгому ритуалу? Вероятно, в зимнее время загадывали не в силу того, что жизнь была в безопасности и можно было не бояться, но были и какие-то другие, более глубокие причины, связанные с древним миропониманием. Если бы в загадывании видели только опасность, тогда проще было бы вообще его избегать.

Часто определялись более конкретные сроки загадывания. У многих народов оно было приурочено к святкам.

Интересные сведения об обычае загадывания сохранились в Эстонии. Эстонцы особое значение придавали темному времени, особо его почитали, их народная мудрость гласит: «Стыдись ночи и праздной темноту и получишь хорошее стадо» (Viidalepp, 1969, 293). По всей Эстонии загадки загадывали в зимние вечера, во время сумерничания (*videviku pidamine*), когда работа во дворе уже закончена, а в избе свет зажигать еще рано. Во время этой вынужденной паузы занимались, кроме загадывания, рассказыванием сказок, преданий, быличек. Такие вечера обычно проводили раз-два в неделю (причем одним обязательным днем был четверг), иногда в кругу своей семьи, а иногда вместе с соседями. Обычно такое сумерничание продолжалось один час, затем возвращались к прерванным работам (Viidalepp, 1969, 283).

Обычай сумерничания (*hämärikkö*) широко бытовал и в Ингерманландии. Женщины шли к соседям с рукоделием, а мужчины, особенно поздней осенью, во время обмолота хлебов, все вечера проводили в ригах. Здесь популярны были рассказы о привидениях (*kummitukset*). Сказки и загадки в Ингерманландии, по крайней мере уже в начале нашего века, были менее распространены, чем, например, в Карелии.

На Северном побережье Эстонии в начале ноября (с 1 по 10) отмечали специальные вечера (*jaguõhtud*), когда с рукоделием ходили к соседям, вот тогда и начиналось раздолье для загадок и сказок. Период этот был связан со временем окончания полевых работ и поминовением

усоинних. У сету обязательно загадывали, начиная с периода перед рождеством и кончая началом отела скота. Эстонцы верили, что загадывание благоприятствует отелу и способствует лучшему росту молодняка. У овец будут пестрые ягнята, если женщины отгадают все загадки. Кроме того, в доме не будут теряться ложки. С появлением же в доме молодняка всякое загадывание и рассказывание запрещалось, ибо считалось, что теперь этим только можно ему повредить.

Близкие верования долго сохранялись и у латышей: если перед рождеством загадывать загадки, то свищи будут хорошо есть и быстро прибавлять в весе (Viidalepp, 1969, 294).

В Карелии и Финляндии не сохранилось столь прямых свидетельств производственно-магической функции загадок. Поэтому М. Кууси и пишет: «Церемония (загадывания, — Н. Л.) не была привязана ни к какому времени года, и у нее, насколько известно, не было магических целей, какие преследовались эстонцами в зимние вечера — например, вызвать прибавление стада» (Kuusi, 1962, 175).

Сведения относительно времени и функций загадывания, собранные нами в Карелии, позволяют не согласиться с предположением М. Кууси. По нашим наблюдениям, загадывание «было привязано» в основном к зиме. Специального запрета загадывать летом никто не помнит, но большинство хранителей традиции утверждает, что летом обычно не загадывали: хватало других забот. Вот несколько высказываний хранителей народных традиций:

1. Oli niin äijä työtä, jotta ei kerittyi piätäh sammuttamah tulesta (Фон. 1598/3). — *Было много работы и без загадывания (буквально: было так много работы, что не успевали горящую голову гасить);*

2. Kesällä ei ollun aikua arvoitella. . . piti heinällä käyvä (Фон. 1860/4). — *Летом некогда было загадывать — на покос ходили;*

3. (Arvoiteltih) talvella, eihän se kesällä joutan arvoitelomah (Фон. 1596/4). — *Загадывали зимой, некогда же летом было загадывать;*

4. (Arvoiteltih) mihi aikua satuttih, talvella paremmin kun pirtissä issuttih. . . (Фон. 1866/3). — *Когда попало загадывали, зимой больше, когда в избе сидели;*

5. (Arvoiteltih) talvella kun issuttih kiukualla (Фон. 1992/11). — *(Загадывали) зимой, когда на печи сидели.*

Более противоречивы сведения о загадывании, связанные со временем суток. Обычным временем загадывания был вечер, данные об этом сохранились у марийцев, удмуртов, чувашей и т. д. У народов Африки в большинстве случаев благоприятным временем загадывания также считался вечер. В некоторых районах Африки дневное загадывание даже было запрещено, ибо существовало поверье: кто нарушит данный запрет, может стать глупым или у него могут вырасти рога на лбу (Hart, 1964, 53).

По другим же сведениям, загадывание разрешалось только в дневное, светлое время.

Эстонцы загадывали в сумерки, но в то же время, по нескольким сообщениям, вечером вообще нельзя было загадывать загадки — «или же делать это надо было очень умеренно, иначе сатана (нечистый дух) мог показаться ночью» (Normann, 1941, № 3).

Наши сведения о времени загадывания в Карелии также неоднородны. По воспоминаниям одних, загадывали только вечерами, так как днем было некогда:

1. Illoilla se oli, huomeneksella ei ollun aikua (Фон. 1536/1). — *Это (загадывание, — Н. Л.) было вечером, утром времени не было;*

2. Illoilla arvoiteltih lapset keskenäh, kiukualla issutih pimiessä (Фон. 1598/3). — *Вечером загадывали дети между собой, сидя на печи в темноте;*

3. Illalla meillä arvauteltih. . . kiukualla da kozinolla (Фон. 1859/12). — *Вечером у нас загадывали. . . на печке и на голбце.*

По другим сообщениям, загадывать загадки вечером вообще было запрещено, вечером рассказывали сказки, а утром загадывали загадки:

1. Illoilla se ei ollun vielä sakona arvoitella, a starinua sanottih. Piti arvoitella huomeneksella. Mie en tiijä, miten oli se sakona, a niin se oli (Фон. 1594/7). — *Вечером не было обычая загадывать, а рассказывали сказки. Загадывать надо было утром. Не знаю, почему был этот закон, но так было;*

2. Arvoitus oli huomeneksella, illalla sanottih starinua (Фон. 1596/4). — *Загадывание было утром, вечером сказки рассказывали;*

3. Ei illalla ni konsa arvoiteltu. . . se ol' huomeneksesta arvoitus, illalla starinan sanonta (Фон. 1995/3). — *Ве-*

чером никогда не загадывали. . . загадывание было утром, вечером сказки рассказывали;

4. Aina sanottih: illalla starinua sanotah, a huomeneksella arvoitellah (Фон. 1594/26). — *Всегда говорили: вечером сказки рассказывают, а утром загадывают;*

5. Ennen kun olim lapsena, ei annettu illoilla arvoitella, muuten se piti huomeneksella arvoitella ta päivällä, illalla starinua sanottih (Фон. 1866/3). — *Раньше, когда мы были детьми, не разрешали вечерами загадывать, надо было загадывать утром и днем, вечером сказки рассказывали.*

Приведенные примеры не единичны и не случайны. Многие помнят этот обычай и предупреждения старших, чтобы не загадывали вечером. Запрет вечернего загадывания объясняли страхом перед «хозяйкой загадок» (arvoituksen akka), возможностью ее ночного появления:

1. Illoilla ei ni arvoiteltu, sanottih jotta arvon akka tulou ta persieh tuukuttau yöllä (Konkka, 1973, 116).¹ — *Вечером не загадывали, говорили, что «хозяйка загадок» придет и в з<. . .>цу постучит ночью;*

2. Illalla kun arvautusta arvautetah, siitä tulou «arvautuksen akka». Huomeneksella pitäy arvautella, illalla starinua sanuo. «Arvautuksen akka kuh tulou. . . siitä pitäy osata vassata. . . (Фон. 1864/3, вариант: A.23/50). — *Если вечером загадки загадывать, придет «хозяйка загадок». Утром надо загадывать, вечером сказки говорить. «Хозяйка загадок» как придет — тогда надо уметь отвечать.*

В случае нарушения запрета вечернего загадывания «хозяйка загадок» появлялась в доме и заявляла: Nyt kun että soattane sanuo semmoista arvautusta mitä mie en tiijä, niin mie syön teät (Virtaranta, 569—570). — *Теперь, если не сумеете загадать такой загадки, которую я не знаю, я вас съем.*

«Хозяйка загадок» была мудрая, знала все загадки, и стоило большого труда и сметливости изгнать ее. По поверью, избавиться от нее можно было так: «Кто-нибудь

¹ В дальнейшем: Konkka, с указанием номера загадки. Без указания года приведены также следующие источники: Лесков, 1893а; Макаров 1959; Макаров, Рягоев, 1969; Гароева, 1965; Митрофанова, 1968; Садовников, 1959; Virtaranta, 1958; Haavio, Hautala, 1950.

разрезал кошке живот, вынимал котенка, поменял на столб, прикрывал сосновыми ветками и загадывал «хозяйке загадок»: *Mi on soatu syntymättä, kavotettu kasvaimatta, puun piähä, petäjän latvah tuotu* (А. 23/50; вариант: *Virtaranta, 570*). — *Что появилось не родясь, не вырастая потерялось, принесено на дерево, на макушку сосны.* Такую загадку и «хозяйка загадок» отгадать не могла и выпущена была покинуть дом.

Вера в «хозяйку загадок» и загадка, с помощью которой ее изгоняют, своим происхождением могут быть связаны с сохранившимися у разных народов верованиями в то, что лесные духи похищают домашних животных (ягнят, телят) еще из утробы матери. Д. К. Зеленин считал, что «рассказывание сказок, как равно и загадывание загадок, привлекает духов и демонов. Хотя сказки и доставляют духам удовольствие, но прибытие демонов в человеческое жилище всегда почти опасно» (Зеленин, 1934, 218, 222). В русской сказке бес загадывает девушкам загадки в заброшенном доме. Девушки спасаются бегством (Смирнов, 1917, 393).

Запрет вечернего загадывания в Карелии мог развиться из боязни привлечь духов к дому ночью, ибо для сознания людей в древности «ночь была временем опасностей и страхов, сверхъестественного, демонов, других темных и непонятных сил» (Гуревич, 1972, 96).

Сведений о существовании «хозяйки загадок» у других народов в известной нам литературе не зафиксировано, по поразительно близкое объяснение запрета вечернего загадывания известно в языческом Filipino Bogobo — плохие духи (*bad spirits*) могут появиться и заявить: «Если вы не сможете разгадать мою загадку, я вас съем» (Hart, 1964, 53). Из других мест сведений нет. Одинаковое, почти дословное объяснение этого запрета у двух столь разных, географически друг от друга отдаленных народов, как карелы и филиппинцы, обязано, конечно, типологическому сходению.

Исследователи обычно подчеркивают, что загадывание загадок и рассказывание сказок проходило параллельно, в одно и то же время, и имело одинаковые функции (Зеленин, 1934, 217; Viidalepp, 1965, 234). В Карелии обнаруживается существенная разница между загадками и сказками во времени исполнения и в функции. Если вечерами загадывание не разрешалось, то сказки, наоборот,

были желанными. Летом 1973 г. в пос. Калевала К. И. Галактионова рассказала нам:

Huomeneksella arvautellah, starinua sanotah. . . illalla, sanotah, jotta siitä rautavanneh tulou ympäri pirtistä, kun starinua sanotah. А kun siitä arvautellah huomeneksella, siitä kun ken arvuau, se rautavanneh lähtöy pois pirtistä. Se oli vanhan kansan tapa. . . А siitä kun et arvuua, ka siitä se lähtöy sen vantehen kera Huikkol'ah (Фон. 1863/12). — Утром загадывают, сказки рассказывают вечером, говорят, что железный обруч образуется вокруг дома, когда сказки рассказывают. А когда загадывают утром и если кто отгадает, тогда этот железный обруч снимается. Это был старый обычай. А если не отгадаешь, иди в Хуйккола с этим обручем.

А на наш вопрос, почему обязательно надо было снять обруч утром, К. И. Галактионова ответила: Jotta rahvas pois piäsis pirtistä (Фон. 1864/2). — А чтобы люди могли выйти из избы.

А. А. Ремшуева из дер. Вокнаволок вспоминала:

Se oli semmoini se zakona, starinua piti sanuo, hot' kolme starinua illassa vierissän kesellä. Se siitä starinua kun sanottih joka starinasta rautani vanne tuli siitä talosta ympäri, jotta paha henki ei piäse taloh tulomah (Фон. 2000/3). — Таким был этот закон, надо было рассказывать сказки во время святок хоть три сказки за вечер. Сказки когда рассказывали, из-за каждой сказки железный обруч образовывался вокруг того дома (где сказки рассказывали. — И. Л.), чтобы плохой дух не мог прийти в дом.

О железных обручах рассказывал и Вилхо Юриной из Аконлахти: «В каждом доме надо бы рассказать три сказки ежедневно вечером. От этого якобы образовалось три железных обруча вокруг жилья, и они защищали дом от всего плохого. Сказку скажешь хоть и похуже, от этого греха не будет, ведь бог шутки любит» (Virrantähti, 570).

Гость считал своей обязанностью рассказать вечером сказку в доме, где он остался почевать. Если было несколько гостей, то, как правило, рассказывали все (устное сообщение П. Пертту). Эта традиция сохранилась в карельской сказке «Безручка». В ней еще интересная деталь — сказочника нельзя прерывать, «кто сказку перебыт, с того сто рублей денег либо в подпол па то время, пока сказку сказывают» (Кюнкка, Тупицына, 1967, 299).

В Эстонии известен обычай предоставления почлега только тем, кто умеет рассказывать сказки (Viidalepp, 1965, 284).

Таким образом, сказкам приписывалась своеобразная функция оберега дома. Это известно и другим народам. Например, на Украине верят, что сказка вредна для упырей (вампиров). Пустив на почь странника, упырица запретила ему рассказывать сказки, но странник хитростью все-таки сумел рассказать, и «ночью упырица, по своему обыкновению, хотела выпить у своего почлежника кровь, но не смогла этого сделать: около спящего странника она увидела ограду (остриг). . . Эта рассказанная странником „байка“ о капусте и стала около него оградой» (Зеленин, 1934, 227).

В связи с загадыванием выявляются два противоположных обстоятельства: с одной стороны — боязнь загадывания и запреты, с ним связанные, а с другой — его непремная необходимость. Эти противоположности ярко проявляются в процессе гадания в период святок в Карелии. Гадание в некоторых своих моментах связано с загадыванием. Святки в Карелии были своеобразным временем, все в этот период имело особую значимость, вся жизнь была подчинена будущему, существовало много примет, запретов, ограничений (Hautala, 1948, 371—427). Даже пол в избе подметали в обратную сторону — от дверей к передней стене (Virtaranta, 440; Фон. 1987/12). Это был определенный переходный период в жизни коллектива, завершение старого и начало нового цикла в природе, поэтому загадывали на будущие урожаи и погоду, а молодежь — на свою судьбу. Карельские обряды и поверья, связанные со святками, не изучены, в литературе встречаются только отдельные его описания.

Центральной фигурой этого периода в северной Карелии была «vierissäñ akka» — крещенская, рождественская, святочная хозяйка: баба Визристэ (Кюнкка, 1963, 515, № 49).

Vierissäñ akka — это сверхъестественное невидимое существо, которое в период святок предсказывает судьбу, раскрывает тайны. В это время ее можно услышать, предирипяв большие предосторожности: выбрать удачное время (ходили, как правило, на рассвете), количество слушателей должно быть нечетное, обязательно идти со знахарем, знающим весь необходимый ритуал. . . Какой

бы страх ни внушала такая таинственная «vierissä akka», но соблазн узнать будущее был сильнее чувства страха, и поэтому шли гадать. Одним из видов гадания было слушание у проруби. На прорубь устанавливали сапи, на которых было перевезено три покойника, на них клали коровью шкуру и садились. Знахарь прочерчивал острым железным предметом (косой, топором, ножом) вокруг сапок два раза «по солнцу» и один раз против, затем уходил, заметая свои следы помелом (см.: Paulaharju, 1924, 144—148; Jyrginoja, 1965, 124—127; Virtaranta, 577; Konkka, 1963, 326; Фоп. 1701/1, 1701/12, 1702/3; 1987/12; 1993/13). Теперь все готово к слушанию. Здесь гадание связано с отгадыванием загадок. От того, насколько хорошо подслушивающий знал загадки, зависел успех гадания и даже будущая судьба. «Vierissä akka» задает слушателям загадки, на которые надо отвечать без запинки. Загадки-вопросы были следующие:

Mikä yksi?	Что один?
— Minä tässä.	— Я тут.
Mikä kaksi?	Что два?
— Silmät piässä.	— Глаза на лбу.
Mikä kolme?	Что три?
— Rukin jalat.	— Ног в самопрялке.
Mikä neljä?	Что четыре?
— Lehmän nännit.	— Сосков у коровы.
Mikä viisi?	Что пять?
— Kiässä sormie.	— Пальцев на руке.
Mikä kuusi?	Что шесть?
— Rejessä kaplasta.	— Кошлыков в санях.
Mikä seitsemän?	Что семь?
— Otavassa tähtie.	— Звезд в Большой Медведице.
Mikä kahdeksan?	Что восемь?
— Tynnyrissä vannehta.	— Обручей в бочке.
Mikä yhdeksän?	Что девять?
— Ihmisessä reikyyä.	— Дырок в человеке.
Mikä kymmenen?	Что десять?
— Kymmenen kynttä varpahissa.	— Десять ногтей на пальцах (ног).

(Фоп. 1864/3; см. также: Virtaranta, 577; Naavio, 1955, 350; Konkka, 119; Фоп. 1702/1, 1993/13, 1996/5). Если слушатели не сумели отгадать загадок «святочной хозяйки», то их ожидало несчастье. По поверьям, она утаивала слушателей под воду или преследовала их до самого дома. В домах должны быть приготовлены глиняные горшки, которые надевались вбегавшим на головы; тогда «святочная хозяйка» разбивала горшки, а головы остава-

лись целы. Иногда даже спали с горшками на голове. За успешное разгадывание «святочная хозяйка», по словам М. И. Койкеровой, дарила ключи: «А ключи кто получит, очень богатым человеком будет. А если не умеешь с ней говорить, тогда она еще голову снимет» (Фон. 1702/1; см. также 1860/14).

В вариантах, близких карельским, по без связи со святочным гаданием, а только в качестве детского фольклора, загадки-вопросы известны и в Эстонии.

Korra tulnud vanapagan Hansu poole. Hakand Hansule mõistatama. — *Раз пришел черт к Гансу. Начал Гансу загадывать:*

Mõista, mõista, mis on üks?	Отгадай, отгадай, что один?
Üks ei ole ühtigi.	— Один — это ни одного.
Mõista, mis on kaks?	Отгадай, что два?
— Kaks silmä kassil pääs.	— Два глаза у кошки на голове.
Mõista, mis on kolm?	Отгадай, что три?
— Kolm jalga vokil all.	— Три ноги у самопрялки.
Mõista, mis on neli?	Отгадай, что четыре?
— Neli nisa lehmäl all.	— Четыре соска у коровы.
Mõistä, mis on viis?	Отгадай, что пять?
— Viis niit viisu kingas.	— Пять нитей у лантя.
Mõista, mis on kuus?	Отгадай, что шесть?
— Kuus naela hobuse kingas.	— Шесть гвоздей в подкове у лошади.
Mõista, mis on seitse?	Отгадай, что семь?
— Seitse tähte taevasöelas.	— Семь звезд в созвездии.
Mõista, mis on kaheksa?	Отгадай, что восемь?
— Kaheksa kanti veski võlvil.	— Восемь лопастей на мельничном валу.
Mõista, mis on üheksä?	Отгадай, что девять?
— Üheksä auku inimese küljes.	— Девять дырок в человеке.
Mõista, mis on kümme?	Отгадай, что десять?
— Kümme kodarat vankri rattas.	— Десять спиц в колесе у телеги.

(Eisen, 1913)

Данная серия вопросов-загадок, общая для Карелии и Финляндии, рассмотрена финским фольклористом М. Хаавио наряду с другими вопросами-загадками. В Финляндии есть загадки, разгадывание которых требует специальных знаний, связанных с христианским вероучением. Рассматриваемую серию М. Хаавио относит к подобным загадкам. Близкие загадки с числами использовались немецкими евреями в пасхальном ритуале. Вопросы-загадки с числами до семи известны и в Швеции (Haavio, 1955, 344—359). Эти вопросы-загадки, по мнению Хаавио,

нио, бытуют не самостоятельно, а входят в состав сказки.

Хаавио — последователь «финской школы», его прежде всего интересуют пути миграции сюжетов и их прародина. Рассмотрев различные варианты сказок с вопросами-загадками, он приходит к выводу, что сказки с загадками возникли в древней Индии и «по тем дорогам, по которым двигались товары и культура, прибыло и знание загадок в Европу» (Haavio, 1955, 358—359).

Более того, Хаавио считает, что сказки с загадками — это не подлинные сказки, они сложены на востоке специально для обучения и развлечения детей высшего сословия и только ошибочно отнесены к сказкам. «Входящие в них серии загадок во многих случаях упрямо сохраняли старое содержание, но во многих из них в той или другой стране произошли большие изменения» (Haavio, 1955, 358).

Невозможно с полной уверенностью доказать происхождение вопросов-загадок с числами, но связь загадывания с гаданием — явление очень древнее и наблюдается у многих народов. В. И. Чичеров подчеркивает одновременное бытование на святках подблюдного гадания и загадывания загадок (Чичеров, 1957, 108).

Впрочем, откуда бы ни вела свое происхождение рассматриваемая серия загадок-вопросов с числами от одного до десяти, она имеет свои национальные черты: в Карелии нет вопросов, касающихся христианского вероучения, здесь загадки-вопросы связывают не со сказками, а со святочным гаданием, с помощью загадок «святочная хозяйка» предсказывает будущее.

Сохранившиеся до сих пор в Карелии сведения о загадывании в основном зимой, запреты на вечернее загадывание, активная роль загадок в святочных гаданиях — все это, надо думать, обусловлено той важной ролью, которую придавали загадыванию в древности. Загадывание могло быть связано с подготовкой к новому циклу жизни. Исследователи (Чичеров, 1957; Пропп, 1963б) объясняют аграрные праздники как акты такой подготовки.

Наказания в системе загадывания

Поскольку загадыванию придавали столь важное значение, загадки пужно было непременно отгадать. В связи с этим у некоторых народов даже выработался определен-

ный обычай, своеобразная хитрость, — загадку помогали отгадывать. Для этого применяли различные способы; в частности, отгадывающий мог задавать уточняющие вопросы. Так, таджики могли спрашивать: «Одушевленный или неодушевленный? Чистый или погапый? Птица или животное? и т. д.» (Суфиев, 1965, 8). Наводящие вопросы задавали и у казахов (Абжанов, 1966, 6). У удмуртов для лучшего отгадывания выработалась целая система, по которой загадки загадывались постепенно расширяющимися концентрическими кругами (Герд, 1928, 124). Начинали с загадок о человеке, затем содержание загадок расширялось.

Если же загадка все-таки не была отгадана, отгадывающий подвергался наказанию. Мотив наказания за неумение отгадывать сохранился в сказках и в эпосе многих народов. Так, у якутов судьба эпического героя зачастую зависит от умения разгадывать загадки (Ионова, Пуговкина, 1936, 243). По преданиям, в древности наказания были жестокими, вплоть до умерщвления (Худяков, 1864, 2—4; Колесницкая, 1941, 113).

Постепенно обычаи суровых наказаний утратились, но определенные отголоски мотива наказания можно встретить в фольклоре у многих народов, где этот мотив, выступая в различных формах, носит теперь шутливый характер.

У таджиков и узбеков «брали штраф» за неразгаданную загадку: «шахр» — город, «дехот» — село (Суфиев, 1965, 9; Хусаинова, 1967, 8). Чуваши не умеющих отгадывать загадки наказывали тем, что припуждали брать жениха или невесту, совершенно не подходящих по возрасту (Романов, 1962, 142). Татары провинившегося «продавали» по частям (Махмутов, 1969, 17).

У карел обычая помогать при отгадывании не было, во всяком случае никаких отголосков его не сохранилось. Зато наказыванию здесь придавали большое значение. Наказывание было достаточно широким понятием, которое, по словам М. Кууси, «является остатком необыкновенного пародного искусства фарса, которому не найдено прямого соответствия у других народов» (Kuusi, 1962, 175).

В качестве наказания использовались специальные припевки-нелепицы (logu). В современном бытовании тексты нелепиц усечены, почти забыты. Но еще в начале на-

шого века, когда нынешнее старшее поколение было детьми, наказание принимало довольно ощутимые формы. И теперь еще многие пожилые люди вспоминают разные фрагменты нелепиц, хотя, судя по записям последних лет, ни одному информатору полностью воспроизвести прищевки не удалось. В качестве образца приведем наиболее характерные из тех, которые мы смогли записать:

1. Hui-hai Huikkol'ah,
Huikkol'an koirat haukkumah,
Mänkyä työ lapset kaččomah,
Kotä sieltä tulou
Huvuyissä-rääsyissä,
Häkäröötti rinnalla,
Kissan suolet ohjaksina,
Koiran suolet päiččinä,
Hiiri on heposena,
Kapusta korjana, . . .
en ielläh muissa.

Ну-ка, ну-ка, в Хуйкколя,
Собаки Хуйкколя лаять.
Идите, дети, посмотрите,
Кто там идет
В отрепьях-лохмотьях,
С «сосулькой» на груди,
Кошачьи кишки — вожжами,
Собачьи кишки — уздечкой,
Мышь — лошадю,
Поварешка — санями. . .
дальше не помню.

(Фон. 1996/4)

2. Kun et kolmie arvua, Huikkol'ah panet sen. — *Если не отгадал трех загадок, отправляют в Хуйкколя:*

Hui-hui Huikkol'ah. . .
Hiiri heposeksi,
Ta hiiren suolet ohjaksiksi,
Ta kapusta rejeksi,
Ta siitä toimitat mänömäh,
miksi oi arvannun.

Ну-ка, ну-ка, в Хуйкколя. . .
Мышь — лошадю,
Да мышинные кишки — вожжами
Да поварешка — санями.
Да отправляйся, раз не отгадал.

(Фон. 1696/5)

3. Kolmie (arvoitusta) kun ei arvua, ni työnetäh Huikkol'ah.

- Mitäpäsinne?
- Arvoituksie eččimäh.
- Mistäpä löyvät?
- Mäne tervapuseh.

Hiän mäni tervapuseh, sieltä piäsöy. A minnepä mie nyt olen hyvä?

— Mäne sulkapuseh. Mäni sulkapuseh, en muissa, kunne se joutu. . . Huikkol'ah arvoituksie eččimäh (Фон. 1598/3). — *Три (загадки) если не отгадал, отправляли в Хуйкколя.*

- А зачем туда?
- Отгадки искать.
- Где найдешь?
- Иди в бочку с дегтем.
- Он идет, оттуда выходит.
- А куда я теперь, такой?
- Иди в бочку с перьями.

Пошел. . . не помню, куда он попадает. . . В Хуйкколя загадки искать.

4. Hui-hui Huikkol'ah,
Huikkol'an koirat haukkumah.
Ketä sieltä tulou?
Tulou sieltä Ol'ona.

Ну-ка, ну-ка, в Хуйкколя,
Собаки Хуйкколя лаять.
Кто там идет?
Идет там Олёна.

(А. 169/16)

5. Hui-hui Huikkol'ah,
Huikkol'an koirat haukkumah.
Kenpä sieltä tulou
Ruusyissä, rääsyissä,
Räkäryötti rinnalla,
Hiiri heposena,
Kapusta korjana,
Koiran suolet ohjaksena?

Ну-ка, ну-ка, в Хуйкколя,
Собаки Хуйкколя лаять.
Кто там идет
В отреньях, в лохмотьях,
С «сосулькой» на груди,
Мышь — лошадию,
Поварешка — санями,
Собацьи кишки — вожжами?

Ajettih hyö emännän avannolla. Emäntä mänöy vejellä.

- Mitäpä sie tiälä uiskentelet? .
- Kun en arvannun, niin tiälä pitäy uiskennella.
- Ka mi se ol'?
- Etulukku, takalukku, ruoöcin lukku lattiessa.

A voi-voi, stukoit-stakoit, hiän korennolla, — tuas piähä. —
Oksa lattiessa. . . (Фон. 1993/5). — Прогнали его на прорубь. Хо-
зяйка идет за водой:

- Что ты тут плаваешь? .
- Как не отгадал, так тут вынужден плавать.
- Что не отгадал?
- Передний замок, задний замок, шведский замок на полу.
- Ай-ай, такой-сякой, этого не знал, — и коромыслом по го-
лове. — Это же сучок в полу, и т. д.

Нужно отметить своеобразный, специфически карель-
ский момент игры в Хуйкколя, в котором важное место
отводится крестной матери. По дороге в Хуйкколя про-
винившийся встречает крестную, к ней он обращается
за помощью? Крестная выполняет все то, что обычно де-
лают жители Хуйкколя: дает «советы», в результате
выполнения которых наказуемый вымазан дегтем и облеп-
лен перьями, после чего крестная называет отгадки —
выручает из беды.

Hui-hui Huikkol'ah, Huikkol'an koirat haukkumah. Ris-
timuamo pirtin piällä kezryäy ta kaččou niitä tulijie. . .
Sielä on ristimuamo Huikkol'assa (Фон. 1866/3; см. также:
Virtaranta, 569; Jyrinoja, 1965, 219; Фон. 1862/34;
1867/9; А 169/16). — Ну-ка, ну-ка, в Хуйкколя, собаки
Хуйкколя лаять. Крестная на крыше избы прядет и смот-
рит на пришедших. . . Крестная там в Хуйкколя.

Подробнее других об этом нам рассказала Т. Ф. Фе-
дорова (77 лет):

Ristimuamo kesryäy ylähänä. . .

— Hoi, ristimuamo, kunne mie suan?

— Mäne sulkavakkah.

Hiän mänöy, köpertäy.

— Hoi, ristimuamoseni, kunne mie suan?

— Mäne villavakkah.

Kotih juoksou. Muamo pesöy häntä, puhastau, hyvästäy. Mänöy ristimuamon luoksi vastauksie kysymäh, ottau kapustan korjaksi, koiran suolet ohjaksiksi ta hiiren hepöäksi.

— Ka onnako ristityttö olet Huikkol'assa ollut?

— Olen.

— Mintäh silma käytettih?

— Kellä on suu kesellä piätä, sil'on korvat hörpälläh?

— Semmoista et kehtua arvata, eihän semmoisesta pie

Huikkol'ah lähtie. . . (Фон. 1864/3). — *Крестная прядет сверху.*

— Ой, крестная, куда я теперь?

— Иди в корзину с перьями.

Она идет, ковыляет.

— Ой, крестная, куда я теперь?

— Иди в корзину с мякиной.

— Ой, крестная, куда я теперь?

— Иди в корзину с шерстью.

Бежит домой. Мать моет, чистит хорошенько. Затем идет к крестной за отгадками, взяв поварешку вместо саней, собачьи кишки вместо возжей, мышь вместо лошади.

— Да, однако, крестница, попала в Хуйкколя?

— Да.

— За что попала?

— У кого рот посреди головы, у того уши растопырены.

— И такое не смогла отгадать? Нельзя из-за этого а Хуйкколя попадать. . .

Крестной матери вообще отводится в карельских поверьях и обрядах (рождения, свадьбы) большая роль. Очевидно, традиционна ее роль и в разгадывании загадок.

Сопоставляя разрозненные, может быть, несколько отрывочные теперь уже сведения, отдельные моменты игры, записанные нами, и используя краткие описания в литературе (Kanteletar, I, 235; Lönnrot, 1851; Virtanen, 1960; Suomen kirjallisuus, 1963, 413), можно составить представление о наказании в целом. Состояло оно в следующем: после того как отгадывающий не смог отгадать положенного количества загадок (3, 6 или 9), ему говорили:

Hui-hui Huikkol'ah
pakanoa linoa viessoamah,
hiiri heposeks, kapusta
korjaks,
koiran suolet ohjaksiksi.

(А. 17/25)

Этим наказываемого изгоняли из числа присутствующих. Теперь как бы начиналось новое действие, следующий акт. Играющие становились обитателями Хуйкколя — места, куда изгнали наказываемого. Кого-нибудь из присутствующих отправляли посмотреть, кто едет с таким «треском и шумом»:

Hui-hui, Huikkol'ah,
Huikkol'an koirat haukkumah
Mänkyä lapset kaččomah,
ketäpä sielä tulou.
— Tulou yksi kerjäläinen
Ruusyssä, rääsyssä,
Rekäryötti rinnalla,
Hiiri heposena,
Kapusta korjana,
Koiran suolet ohjaksina
— Mitä hiän sieltä tulou?
Ei arvannu.

(Фон. 1995/4)

Пу-ка, пу-ка, в Хуйкколя
поганое олово взвешивать,
мышь — лошадью, поварешка —
санями,
собачьи кишки — вожжами.

Пу-ка, пу-ка, в Хуйкколя,
Собаки Хуйкколя лаять.
Идите, дети, посмотрите,
Кто там идет.
— Идет один нищий
В отрепьях, лохмотьях,
С «сосулькой» на груди,
Мышь — лошадью,
Поварешка — санями.
Собачьи кишки — вожжами.
— Зачем он идет?
Не отгадал.

«Гостя» обмазывали дегтем, перьями, мякишой, отправляли на прорубь умыться, затем окружающие под общий смех пазывали отгадки неразгаданных загадок, за каждую стыдя его отдельно.

В условном третьем действии неудачник «возвращается» из Хуйкколя, зная отгадки всех загаданных ему загадок и рассказывая невероятное из жизни Хуйкколя. Там все не так, как у здешних людей, мир выступает в искаженном виде, это мир «наоборот»:

Kuulin kummat, näin imehet
Nymylässä käydessäni.
Orava ahoja kynti,
Repo hännin puuhun juoksi,

Lammas lattian lakasi,
Lehmät leipoi taikinata,
Porsahat pani olutta,
Akat ammoi kytkyessä,
Emännät sikana röhki. . .

(Lönnrot, 1851, XIV)

Слышал чудо, видел диво,
Побывав в Хююля.
Белка в поле пахала,
Лиса хвостом вперед
на дерево лезла,
Овца пол подметала,
Коровы тесто месили,
Поросята пиво варили,
Бабы на привязи мычали,
Хозяйки свињями хрюкали. . .

Нелепицы, приводимые Ленирротом, удивительно совпадают с русскими скоморошинами-небылицами (см.: Иванова, 1972):

На горе корова бяку лаяла...
Еще овца в гнезде яйцо садит,
Еще курица по осекам траву секет...
По поднебесью да сер медведь летит.

(Ирощ, Путилов, 1958, 455)

В наших архивных записях нет столь подробного описания Хуйкколя, нелепицы в отрывках известны, но их не связывают с загадками. Наказание выступает как бы в двуактном усеченном виде. Поскольку наши записи поздние — 70-х годов нашего века, — некоторые звенья игры вполне естественно могли выпасть. А может быть, двуактность была изначальной.

Общая канва «наказания» была приблизительно постоянной, в деталях же различалась во множестве вариантов, зависела от местной традиции и индивидуальных способностей участников игры. Иногда наказываемого одевали в необычные одежды, напоминающие те, в которых ходили ряженые (huuhel'nikka). Встречаются припевки с элементами непристойности.

Хотя наказание и носило шуточный характер, никто не хотел оказаться в Хуйкколя. «Tulijat ollah vain pahoilla, kun sinne joutti» (Фоп. 1866/3). — *Прибывшие (в Хуйкколя. — Н. Л.) очень расстроены, что туда попали.* Неумения отгадывать стеснялись, а некоторые, боясь быть наказанными, даже предпочитали не играть (Paulaharju, 1924a, 185—192).

Если с позиций современного человека такое наказание воспринимается как шутка, то с точки зрения древних людей оно могло выглядеть делом серьезным. Известно, что осмеяние — это достаточно древняя и сильная форма общественного осуждения, что уже в примитивном обществе наказание могло иметь специфическую форму — наказание смехом (Elliott, 1960, 66—87; Дземидок, 1974, 156—160).

Место, куда «ездили» за отгадками, в Финляндии называли по-разному: Нувälä, Нимола, Нумуля и т. д. В Карелии эти названия не известны, здесь в основном преобладает название Нуиккол'а, и в двух случаях (в Кестеньгском районе) нами встречен вариант Пуиккол'а (Pui, pui Пуиккол'а) (Фоп. 1699/8, 2213/10).

В Падапах нам рассказали, что тех, кто не мог отгадать загадок, посылали в Хийзи. «Et arvua — mene Hiizuh». — *Не отгадал — иди в Хийзи*. Но каково было дальнейшее наказание, объяснить не могли (Фон. 1530/13, 1526/2). Известно несколько толкований слова «Хийзи». Это — место языческих жертвоприношений, глухое, страшное место, хозяин леса и т. д. (SKES, 1955, 74). В современном карельском языке hiisi — *леший, черт*.

Финские исследователи, начиная с Ганаандера, описывали игру-наказание Хуйкколя с разной степенью подробности, но объяснения его происхождения и значения до сих пор нет. Ганаандер считал, что «Hymölä — это, вероятно, еще с языческих времен какое-то место, где стыдятся» (Ganander, 1970, 4).

Э. Салола сближает данное название с Hölmölä — местом, где живут добрые, но глупые герои финских сказок-анекдотов (Salola, 1960, 7—8).

Леаа Виртанен, называя это «изгнание» в Хуйкколя фарсом, тоже не находит ему объяснения. Ясно, по мнению исследовательницы, только то, что наказуемый побывал в каком-то нелепом мире, совсем не в таком, в каком живут все люди. Некоторые из припевов, используемых в наказание, близки заклинаниям. Большое место иногда заговаривают словами (в различных вариантах), взятыми из фарса: «Hui, hui, Huöhölään, Huöhölän koirat haukkumaan» (SKVR, XII, 1984; Virtanen, 1960).

М. Кууси считает, что эти припевки по форме принадлежат к позднекалевальской метрике, но сама церемония наказания могла возникнуть гораздо раньше (Suomen kirjallisuus, 1963, 417).

Карельский материал подтверждает правильность предположения Ганаандера, если допустимо соотношение слова Huikkol'a с huikie — *стыд, стеснение*; huijata — *опозорить*; huijota — *стыдиться* (KKS, 1974).

Наши попытки в полевых условиях выяснить, как носители традиции понимают Хуйкколя, не продвинули решение вопроса; ответы были приблизительно одинаковы:

1. Ei sitä vanhemmat selitetty, en tiijä, kus on Huikkol'a (Фон. 1594/26). — *Старшие этого не объясняли; не знаю, где Хуйкколя*.

2. Paha paikka ja sielä Huikkol'an koirat haukutah (Фон. 1866/3). — *Плохое место, да там собаки Хуйкколя лают*.

3. Huikkol'assa kysytäh: mitä teilä arvautettih? —
 Stukoi-stakoi semmoista et arvannu; so hän on... (Фон.
 1999/14). — В Хуйкколя спрашивают: «Что вам зага-
 дали?» — Такой-сякой такого не отгадал; это же ...
 (и называется отгадка, — Н. Л.).

На первый взгляд «паказание» выглядит как развле-
 чение, даже с элементами пародийности и театральности,
 но по происхождению оно может быть и обрядово-маги-
 ческим: у многих народов наблюдаются синкретические
 театрально-ритуальные действия в обрядах (Мелетинский,
 1972, 152).

Не утверждая категорически, пока в качестве пред-
 положения можно сказать, что Хуйкколя как-то соотно-
 сится с загробным, потусторонним миром.

В рунах близкие названия — Нуумölä или Нух-
 mölä — выступают синонимами севера (Pohjola) или тем-
 ноты (Pimentola):

Tuli neiti Pohjolasta,
 lämpi kylmästä kylästä.
 Tule neiti Нуумölästä,
 tuo hyytä Нуумölään kylästä.

(Krohn K., 1915, 271)

Пришла девушка с Севера,
 из холодной деревни.
 Приди, девушка, из Хююмёля,
 принеси холод из деревни
 Хююмёля.

Oluella ukset voiti,
 kaljalla saranat kasto,
 jottei ulvo Pohjan ukset,

nau'u Hiitolan saranat.

(SKVR, VII, 1, N 679;
 (Kemppinen, 1967, 89)

Пивом двери намочил,
 квасом петли смазал,
 чтобы не скрипели двери
 Севера,
 не были петли Хиитолы.

С севером в верованиях карел ассоциируется поту-
 сторонний мир Манала, или Туонела (Kemppinen, 1967,
 52—56 и др.). У многих народов представления о поту-
 стороннем мире связано с понятием мира «паоборот».
 Потусторонний мир является зеркальным отражением
 нашего мира, там жизнь подобна земной, но в обратном
 предомлении (Haavio, 1967, 293; Holmberg, 1923, 16—60;
 Аврорин, Кузьминский, 1949, 326). Понятие, встречаю-
 щееся в славянском фольклоре и обозначающее «никогда»,
 «ни в коем случае этого не может случиться», П. Г. Бо-
 гатырев назвал «поэтической формулой невозможного»
 (Богатырев, 1963, 99). Формула невозможного приме-
 нима и в нашем случае. То, что невозможно в обычном

мире, совершается в загадочном мире Хуйкколя, в мире «наоборот». При сопоставлении потустороннего мира Туонелы с Хуйкколя обнаруживаются достаточно близкие параллели.

В Туонела собраны все знания и разум, поскольку знахари (tietäjät) и умельцы (taitajat), отправляясь в Туонела, берут свои знания и умения с собой (Kemppinen, 1967, 109). Неслучайно Вяйнямейнен ездил в Туонелу, «чтобы достать себе три слова, чтобы выучить заклятья» (перевод Бельского), недостающие ему для сооружения лодки. За знаниями — отгадками трудных загадок — отправляются и в Хуйкколя.

Ворота и в Туонела и в Хуйкколя охраняли собаки:

Mitä haukku Halli-koira,
soaren vartija valitti?

Почему пес лаял,
на что жаловался караульный
острова?

(Kemppinen, 1967, 78)

Hui-hui, Huikkol'ah,
Huikkol'an koirat haukkumah. . .

Ну-ка, пу-ка, в Хуйкколя,
собаки Хуйкколя лаять. . .

Потусторонним миром правит «хозяйка» (Kemppinen, 1967, 97), и в загадочном мире своя владычица — «хозяйка загадок» (arvoituksen akka).

В Туонела всех пришедших встречают вопросом, что их привело сюда (Kemppinen, 1967, 74); подобные же вопросы задавали и в Хуйкколя.

Еще одно наблюдение в пользу предположения, что Хуйкколя связано с понятием загробного мира: существует поверье, что заблудившийся человек попадает в потусторонний мир, где все наоборот, в том числе и представления о времени и пространстве (Holmberg, 1923, 18). А ведь незнание отгадок — это своеобразная форма заблуждения: отгадывающий заблуждается и, таким образом, отчуждается от человеческого общества, попадает в «антимир».

Одновременно с этим в игре Хуйкколя наблюдаются общие моменты со средневековыми пародными карнавалами. Понятие мира «паизнакку», мира «наоборот», элементы которого сохранились в рассматриваемой игре, широко бытовало и в средневековых карнавалах. Для карнавалов же было характерно использование словесной бессмыслицы, алогизмов, использование предметов и действий в прямой противоположности их нормальному при-

менению (Бахтин, 1965). Все эти особенности в той или иной степени характерны и для игры Хуйкколя. Достаточно древними являются и элементы переодевания.

Кроме игры Хуйкколя, в Карелии применялись и другие наказания за неумение отгадать загадку. Весьма распространённое — такое: не отгадавшего определённое количество загадок заставляли водить лбом по стене:

1. Kun et arvannun, vejä očallas 3 hirttä seinästä poikki puolin, jyyytä (Фон. 1598/3). — *Если не отгадал, води лбом по трём поперечным бревнам, грохочи;*

2. Mäne hirttä vejä seinäh, seinällä kun on ravot, se vain rotajan, kun vejät očalla (Фон. 1542/1; см. также: Фон. 1530/13, 1544/20, 1547/6). — *Иди води бревно в стене, в стене щели. . . только скрипит, когда ведешь лбом.*

Аналогичное наказание — «лбом везти бревно» — зафиксировано, как указывает М. А. Рыбникова, на реке Иркуте в Иркутской области (Рыбникова, 1932, 53). А информаторы из Шомбозера и Пизьмагубы (Калевальский р-н) рассказывали, что у них в качестве наказания надо было при всех назвать имя своего возлюбленного: Kolme arvautusta kun et arvua siitä pitäy mielitettäväs sano (Фон. 1860/28; А. 169/12). — *Три загадки как не отгадаешь, надо возлюбленного назвать.*

В виде наказания также щёлкали по лбу. При загадывании были в ходу и такие наказания: расколоть полено, спеть, сплясать и т. д. Но это уже более поздняя традиция. Все эти способы наказания были далеко не одинаково распространены в Карелии. Игра Хуйкколя бытовала только в северной Карелии, в средней и южной о ней никаких сведений найти не удалось. Наказание же «водить бревно лбом» отмечено в северной и в средней Карелии. И только наказание щёлчками было распространено по всей Карелии.

Очевидно, самым древним является наказание, связанное с отпращиванием в Хуйкколя. Остальные виды наказания — более позднего происхождения и скорее всего связаны с нарушением традиции, когда первоначальный смысл наказания уже утратился. По мнению Д. К. Зеленина, «наказания для нарушителей сказочных запретов обобщились и стали разнообразиться после того, как самые запреты на сказки сделались непонятными» (Зеленин, 1934, 223). Наказание за неумение разгадывать генетически может быть связано с наказаниями, которые

существовали у первобытных охотников для нарушителей запрета произносить определенные слова (Зелениц, 1929, 118).

Если за незнание загадок наказывали, то возникает вопрос, были ли поощрения за успешно разгаданные загадки. Поощрение наблюдается значительно реже, чем наказание, хотя в древности то и другое зачастую выступали в единстве. Позже награждение постепенно забылось, сохранились лишь отдельные его отголоски. Мотивы награждения за умное разгадывание загадок сохранились в сказках. У таджиков «тот, кто быстро отгадает загадку, получает право загадывать в свою очередь следующую загадку» (Суфиев, 1965, 8). У узбеков человека, вышедшего победителем из состязания, ставили во главе «крепости», которую сдал проигравший (Хусаннова, 1967, 8).

Интересный обычай сохранялся вплоть до второй мировой войны на Маршалльских островах, где на больших сборищах выкрикивали загадку, «предлагая 50 или 100 ен в качестве приза для того, кто может назвать ответ». Иногда даже награждали землей (reward lands) (Davenport, 1952, 265).

В Карелии сведений о поощрении за успешное разгадывание загадок найти почти не удалось. Единственный пример поощрения зафиксирован А. С. Степановой в 1971 г. в Калевальском районе: существовало специальное почетное место на возвышении для тех, кто успешно разгадывал загадки. *Kun hyvin arvasi — mene raččan piäh. Se oli niinkuin lässä nurkassa meilä (kiukua) kozinon piä, sinne piti männä, istuo sielä. Se oli niinkuin počotta paikka* (Фон. 1596/4). — *Кто хорошо отгадывал — садись у печного столба. Это было как у нас тут в углу голбец («козоно», — Тароева, 101).* Место у печи считалось почетным, однако чаще печь называется просто в качестве излюбленного места, где загадывались загадки и рассказывались сказки.

В эстонском фольклоре тоже упоминается возвышение, но не в связи с поощрением, а как специальное место для рассказчика, чтобы слушатели его лучше видели (Viidalepp, 1969, 297).

Очевидно, наказание за неудачное разгадывание загадок в своей основе древнее и связано с той производственно-магической функцией загадывания, отголоски которой в Карелии сохранились до наших дней. По

мере того как загадывание теряло связь с производственно-магической функцией, наказание, как и загадывание, все больше могло приобретать характер развлечения.

Рассмотренный нами фон загадывания позволяет сказать, что в Карелии прослеживается определенная система бытования загадок и наказаний за неумение отгадать. Многие обнаруживаемые детали интересны и важны не только сами по себе; они в какой-то мере позволяют проследить эволюцию жанра и в дальнейшем могут пролить свет на его генетические основы.

О позднейшем периоде бытования карельских загадок

Характеризуя позднейший период бытования загадок, исследователи подчеркивают значение загадок для развития ассоциативного мышления, сообразительности, то есть их педагогическую функцию. Действительно, загадка могла способствовать познанию окружающей действительности. Однако ее педагогическая функция преувеличена исследователями. Трудно согласиться с утверждением Э. Леннрота, писавшего даже, что загадки в домашнем быту играют ту же роль, что математика в школе (Naavia, Nautala, IX). Вряд ли можно найти какие-то конкретные доказательства обучающей и развивающей силы загадок.

В живом бытовании, с тех пор когда загадку начали записывать, для Карелии известна только развлекательная функция загадывания, которое еще в первые десятилетия нашего века служило своеобразной формой досуга. В связи с изучением бытовой обстановки, фона загадывания, важно выяснить, существовали ли определенные условия, нормы и ограничения, связанные с местом загадывания, с числом принимавших в нем участие, с порядком загадывания и отгадывания, были ли половозрастные ограничения для участников, существовал ли специальный возрастной репертуар загадок или он был общий для всех. Столь же интересно знать, каков индивидуальный репертуар исполнителей загадок.

Загадывание загадок, как и исполнение других произведений устнопоэтического творчества, могло происходить дома и вне дома. В Карелии загадывание вне дома

было связано с коллективными работами: охотой и рыболовством, позже — заготовкой и сплавом леса, разными хозяйственными работами летом. Во время работ, удаленных от дома, и в непогоду люди оставались в лесных избушках (mešsäpirtti), здесь-то и наступала естественная возможность услышать всякие рассказы. Но в этих условиях больше бытовали «крупные» жанры — исполнялись руны, рассказывались сказки, загадки же были преимущественно домашним жанром. Может быть, объяснялось это ограничениями, которыми связано загадывание в Карелии; кроме того, основными исполнителями загадок уже на протяжении длительного времени были пожилые женщины и дети, не принимавшие обычно участия в работах, отдаленных от дома. Излюбленным домашним местом загадывания была печь.

Обязательным условием загадывания является участие нескольких человек. Жанры фольклора в большинстве своем — монологические; загадка же требует только диалога, обязательного участия противостоящих групп (или нескольких человек, по крайней мере двоих) — загадывающих и отгадывающих. Хотя двое в принципе уже могут загадывать, но практически крайне редко, так как в ходе загадывания между сторонами обязательно создается атмосфера соревнования, веселья, смеха — важное условие, которое нарушается при участии только двоих.

Обычно количество участников, по всей вероятности, не ограничивалось. Соотношение в группах могло быть самое различное. Это могли быть две равные по количеству «команды», но допускалось и другое соотношение: один загадывал, остальные отгадывали, и обратно — группа загадывала одному человеку. В Карелии нет определенной строгой системы в отношении числа людей, принимающих участие в загадывании.

Исходя из игры-наказания Хуйкколя, можно предположить, что наиболее распространенным был способ, при котором группа загадывала загадки одному человеку. Позже, когда загадка преимущественно ограничилась кругом семьи, кто-нибудь из старших загадывал детям. В Карелии последние десятилетия загадки повсеместно бытовали в основном в детской аудитории с участием тех, кто занимался с детьми. Исследователи считают, что дети только определенного возраста увлекаются загад-

ками, примерно с 4 до 8—10 лет, а в дальнейшем интерес к ним пропадает (Hart, 1964, 38; Гучене, 1968).

На материале карельских загадок установить точные возрастные границы интереса детей к загадкам не представляется возможным, так как даже в деревнях, где еще сравнительно хорошо сохранился в быту карельский язык, дети очень мало знают карельских загадок. Из пятерых внуков А. М. Ватанен, присутствовавших при записи на магнитофон загадок от их бабушки, никто не смог привести ни одной карельской загадки. Не знали загадок и многочисленные внуки Е. Т. Лукиной из Юшкозера; Т. Ф. Федорова — лучшая хранительница традиции загадывания, а из трех ее правнуков — 7, 9 и 11 лет — лишь девятилетний Иван смог привести три карельские загадки, хотя все они дома говорили только по-карельски. Знание детьми карельских загадок сегодня скорее исключение, чем правило.

У европейских народов отсутствуют сведения о специфическом возрастном репертуаре исполнителей или репертуаре загадок к какому-то определенному моменту. На Маршалльских островах загадки распределялись по возрастным группам, исходя из их содержания. Очень популярные, широко известные загадки бытовали только среди детей, взрослые их обычно не загадывали. Парни и молодые мужчины в своей среде загадывали непристойные загадки, которые считались запрещенными в смешанных компаниях. Люди пожилого возраста предпочитали традиционные, часто трудные для отгадывания загадки (Davenport, 1952, 265).

Такого четкого разграничения репертуара загадок у других народов не отмечено; нужно сказать, что у одних народов не существовало запрета на непристойные загадки и они загадывались в присутствии любых возрастных групп (удмурты), а у других — двусмысленные и непристойные загадки разрешались только в однородных по возрасту и полу компаниях. Например, в Финляндии двусмысленными загадками обычно пользовались только в мужских компаниях, или же парни в отсутствие старших вводили ими в смущение девушек. Старшие сердились, если такие загадки загадывались при детях (Virtanen, 1966, 84—85). Замечено, что в Карелии излюбленный репертуар мужчин — двусмысленные загадки, но собирателям они загадывают их не охотно, явно смущаясь.

Интересным представляется вопрос о репертуаре загадок одного человека. Какое их количество знает один человек, является ли его репертуар постоянным, устоявшимся, все ли загадки он может воспроизвести в любом случае или всегда остается какой-то пассивный запас?

Количество загадок, записанных от одного человека колеблется от единичных (3—5) до нескольких десятков (30—40). Чаще всего от одного человека записывают до 10—15 загадок, значительно реже 30—40. Так, В. Я. Енсейным записано от А. М. Климовой 42 загадки (1962), Э. С. Хуттари записала от М. Линкиной 52 загадки (1948) от Е. С. Леттневой — 33 загадки (1947), П. Куйкка от А. Ф. Никифоровой — 41 загадку (1940).

Интересное наблюдение относительно репертуара исполнителей загадок сделала У. С. Конкка. Летом 1970 г. в Калевальском районе случай свел ее с местными жителями из Вокпаволока. Чтобы скоротать время в ожидании, пока окончится дождь, она предложила загадывать загадки. Загадывали две женщины и один мужчина. Вместе они вспомнили в общей сложности 90 загадок, причем первые 40—50 вспоминались очень активно, без пауз (успевай записывать!), возник настоящий азарт. На следующий день женщины и на рыбной ловле продолжали загадывать и привезли неплохой «улов» загадок. Когда загадывание перевалило уже за 70, загадки стали вспоминаться с трудом, интерес к загадыванию пропал и постепенно все «запасы» были исчерпаны. Не вспоминались они больше и в последующие дни (Конкка, 113—120).

В 1964 г. А. П. Разумовой и в дер. Гридино в русском Поморье удалось записать 50 загадок от А. В. Ивановой. Летом 1973 г. в поселке Калевала Т. Ф. Федорова загадала нам 49 загадок, а к следующему дню вспомнила еще 18. Эта запись загадок от одного лица является рекордной. Т. Ф. Федорова же с интересными деталями воспроизвела картину наказания. Таким образом, репертуар даже лучших знатоков, судя по записям, ныне не превышает 40—50 загадок. В. Серебряников, составитель русского сборника «Загадки как народное развлечение», также считал, что «в народе из числа любителей загадок редко кто знает более 50 загадок» (Серебряников, 1918, 8).

Индивидуальный репертуар исполнителей загадок не является строго постоянным, неизменным, о чем свиде-

тельствуют повторные записи от одних и тех же лиц. Мы располагаем несколькими такими записями. От известной карельской сказительницы А. Ф. Никифоровой из Вохтозера загадки записаны трижды: в 1940 г. от нее в разное время записывали П. Я. Куйкка и М. Гордеева, а в 1960 г. — В. Я. Евсеев. М. Гордеевой записано 25 загадок, П. Я. Куйкка — 40, из них только 17 повторяют предыдущую запись, а 23 исполнительница вспоминала дополнительно, но забыла 8 загадок, названных в первом случае. А в 1960 г., в основном повторив репертуар 1940 г., она все-таки дополнила его 3 новыми загадками.

От М. И. Федоровой из пос. Калевала записи делались дважды: в 1959 г. У. С. Кошкка записала от нее 19 загадок, а в 1968 г. В. П. Федотова — 18. Количество почти совпало, а при сравнении самих текстов выясняется, что при вторичной записи из 18 загадок 13 повторились, а 5 — новые.

Дважды записывались загадки от К. И. Галактионовой, в 1971 г. она загадала их 12, а в 1973 г. — 19, из них 9 повторили предыдущую запись. От А. П. Липкина в 1966 г. записано 10 загадок, а в 1974 была проведена повторная, уже специальная контрольная запись, записано 13 загадок, но из них только 4 совпадают с предыдущей записью.

Навряд ли в этих случаях можно говорить об усвоении новых загадок в период между записями (поскольку сейчас практически не загадывают), просто пассивный репертуар любителей загадок шире, чем они могут воспроизвести в нужный момент. Основа же у них постоянная, повторяющаяся от записи к записи.

По имеющимся архивным материалам трудно установить, насколько индивидуальным является репертуар каждого отдельного исполнителя и как он соотносится с общим репертуаром региона, каким количественно является репертуар одного определенного села, одной деревни.

Не выяснен до конца вопрос о том, кто активнее участвовал в загадывании, кто являлся главным носителем данного жанра. Часто в загадывании участвовали и мужчины и женщины, никаких особых ограничений, по видимому, не существовало. Некоторые исследователи выделяют главенствующую роль женщины в исполнении и даже в создании загадок. Исследователь чувашских

загадок Н. Р. Романов считает, что абсолютное большинство их посвящено женскому миру, орудиям и видам женского труда, одежде, пище и т. д. и создателями этих загадок могли быть только женщины (Романов, 1962, 142—154).

У эстонцев рассказчиками были в большинстве своем мужчины, так как они вели более подвижный образ жизни и имели возможность обновлять свой репертуар (Viidalepp, 1969, 286), а в загадывании загадок все-таки более важная роль принадлежала женщинам. С правильным разгадыванием связывали прибавление стада и избежание потери ложек в доме (Normann, 1941, 212).

Традицию женского начала в загадывании сохранили сказки и предания: в них, как правило, загадки загадывают существа женского пола — русалки, мудрые девы, в Карелии «святочная хозяйка»; в сказках, в свадебном обряде загадывают невеста или ее родственники.

Доказательств большего участия в загадывании мужчин или женщин в Карелии не сохранилось, но в последние десятилетия, когда стали складываться наши архивные записи, первенствующая роль явно принадлежит женщине, как, впрочем, и в других жанрах фольклора. Раньше самыми знаменитыми рунопевцами и сказочниками были мужчины, а за последние десятилетия более активная роль в фольклоре перешла к женщине. Кроме того, загадки в Карелии, по крайней мере в начале нашего века, бытовали в основном в детской аудитории, а с детьми во все времена больше занимались женщины. Может быть, только этими обстоятельствами объясняется более активная роль женщин в загадывании.

Если количество участников и репертуар загадывания строго не оговаривались, то в самом процессе загадывания у многих народов существовал определенный порядок. Начипали его всегда старшие, обычно самый старший участник загадывал первую загадку. Сведения об этом сохранились у удмуртов, литовцев, казахов, каракалпачков и др.

По воспоминаниям информаторов, в Карелии взрослые (чаще бабушки) обычно загадывали детям. Часто не просто называли загадку, а предваряли или завершали ее вопросом: *Alla ähkäy, piällä löyhkäy, mi se on?* (Фон. 1701/12). — *Внизу крихтит, наверху мелькает, что это? Париться в бане.* Некоторые загадки-шутки по-

строены так, что уже в самом вопросе содержится отгадка: *Ken kenkän arvuau, yksi hiiri, kaksi häntyä* (Konkka, № 86). — *Кто обувь отгадает, одна мышь, два хвоста? Лапоть.*

Собирателями и исследователями не выяснен вопрос, сколько времени давали на обдумывание отгадки. Единственное упоминание о времени имеется из Северной Шотландии — там для нахождения ответа отводилось 5—6 минут (Goldstein, 1963, 76).

Уточнить этот вопрос мы не смогли, поскольку загадывание в естественной обстановке, возникающее само по себе, стихийно, наблюдать нам не удалось. Загадывали всегда по нашей просьбе, а вопросы, связанные с загадыванием, выяснялись путем опроса информаторов.

По результатам экспедиций в среднюю и южную Карелию можно прийти к выводу, что загадка как массовый фольклорный жанр здесь практически забыта. Вспоминаются они только отдельными любителями жанра, и то репертуар их очень ограничен.

Если Н. Лесков в конце прошлого столетия у «одной бойкой старушки» из местных крестьянок записал полсотни загадок (Лесков, 1893б, 435), то теперь все реже в южной Карелии можно встретить людей, знающих хотя бы 8—10 загадок. Многие же не могут привести ни одной, а загадки, предложенные собирателями, отгадывают — и затем вспоминают, что загадки были.

Пожилые информаторы обычно объясняют свое незнание загадок тем, что они неграмотны и в школу не ходили, а загадки «ведь из книг можно узнать». По общему утверждению, мало загадывали даже в пору их детства. Активного бытования загадки, каким оно было на севере, — с наказанием, гаданием, — в средней и южной Карелии, по воспоминаниям даже самых пожилых людей, в их поколении не было. Из наказаний за неумение отгадывать загадки здесь помнят только щелчки.

На севере Карелии загадка живет дольше, чем в других районах. Многие люди старшего, реже среднего поколения еще и сегодня помнят загадки, отдельные припевки из игры Хуйкколя, запрет вечернего загадывания, но в последние годы и здесь практически не загадывают. По просьбе собирателей загадки вспоминают, и часто с большим удовольствием, увлеченно.

Летом 1972 г. наша экспедиция выезжала для сбора фольклорного материала в деревню Колвицы Каудалакинского района Мурманской области. Предки современных жителей этой деревни основали ее в конце XIX в., переехав сюда из районов Калевалы и Кестельги. Причиной переселения послужили тяжелые экономические условия на севере Карелии, а из Колвиц был удобный водный путь для вывоза рыбы в Архангельск. Жители в силу сравнительной отдаленности редко навещали родные места.

Сегодняшние старожилы (70—75-летние) уже родились здесь, и многие из них никогда не были на родине своих родителей. Колвица сохранила многое из старого карельского быта и культуры, в том числе и произведения устного творчества. Здесь мы записали свадебный и похоронный обряды, карельские свадебные песни, детский фольклор, приметы, заговоры и загадки. В Колвице еще помнят очень редкое теперь исполнение ёйги.¹ Весь этот довольно богатый запас устного творчества был усвоен их родителями в северной Карелии, где он в конце XIX—начале XX в. еще широко бытовал, а в Колвице сохранен и передан детям.

Почти все пожилые люди загадывали нам по нескольку загадок, все они помнят о существовании игры-наказания Хуйкколя, хотя полностью воспроизвести ее никто не мог. М. К. Архипова, которая, по ее собственному признанию, была очень «памятливая», загадала нам за один раз более двадцати загадок. По ее словам, загадки в период ее детства «были в большой силе» (arvoitukset ne oltih oikein voimassah — Фоп. 1696/5).

Но в последние годы и на севере обычай загадывания постепенно угасает; загадка уже активно не бытует. В пос. Калевала А. М. Ватанен, приведя несколько загадок, с сожалением констатировала: «Olihan niitä vaikka kuin äijä, kun ei juohu mieleh» (Фоп. 1863/3). — *Было ведь их хоть сколько, да никак не вспоминаются.*

Об угасании загадки свидетельствует и такое явление. Происходит как бы отсоединение отгадки от загадки, часто сама загадка еще вспоминается в силу ее меткости, выразительности, а отгадка к ней забыта. Загадывающий пы-

¹ Ёйги — один из древнейших жанров народной лирики, песни-импровизации сатирического характера, исполняемые в основном пежепатым мужчинам.

тается «приставить» к данной загадке разные отгадки — они не подходят, а затем следует признание: «Забыла, не помню»; или: «Ведь была еще загадка о . . . (и называется предмет — отгадка), точно помню, что была, . . . забыла, всё забыла».

Теперешнее поколение пожилых людей в Карелии, по-видимому, является последним, перенявшим опыт загадывания от своих родителей. По наблюдениям, эта традиция уже следующим поколениям не передается, точнее ими не воспринимается. Причины постепенного угасания загадывания в Карелии лежат, вероятно, в новых условиях быта и новой культуре, дошедших до самых глухих раньше уголков. Средства массовой информации — газета, книга, радио, кино, а теперь и телевидение — создали другие условия досуга. «Какие могут быть загадки при телевизоре, когда тут загадывать», — ответил наш собеседник в дер. Судалица Олонецкого района на наш вопрос.

Определенным источником сохранения загадок в наше время является книга, она способствует распространению их среди детей. В Карелии же загадки передаваться посредством книги не могут, поскольку карельский язык бесписьменный.

Таким образом, хотя загадка и была одним из наиболее устойчивых фольклорных жанров и сохранилась до наших дней, но в сегодняшней карельской деревне происходит угасание загадывания, в южной и средней Карелии более быстрое, в северной — более медленное. Явление это естественное и закономерное, связанное с общей тенденцией отхода от традиционных форм и приобщения к новым формам культуры.

КАРЕЛЬСКАЯ ЗАГАДКА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Связи фольклорных жанров с действительностью сложны и многообразны. Это особенно относится к тем жанрам, генетические корни которых уходят в глубь истории. Специфичность таких связей обуславливается характером происхождения, особенностями исторического развития жанров, их художественной природой и бытовым назначением. В каждом жанре по-своему преломляется и отражается историческая действительность и народный быт. Изучение таких отражений дает подчас неожиданные результаты, проливая свет на многое в содержании, в образах, в поэтике фольклорных произведений (Путилов, 1960; Пропп, 1963а; Чистов, 1970).

С этой точки зрения определенный интерес представляет и загадка, которая как жанр специфична не только по своей поэтике и бытованию, но и по характеру отражения действительности. Специфика жанра обуславливает отношение загадки к действительности, характер, масштабы и возможности отражения исторических событий и постановки социальных проблем. Не будем забывать, что мир загадок — это прежде всего и преимущественно материальный, предметный мир крестьянской жизни, старого быта, хозяйства, окружающей крестьянина природы и т. д. Основной комплекс идей, свойственных загадке, выражается через изображение этого мира. Загадка как бы погружена своим содержанием и образной системой в мир бытовой повседневности, она постоянно и органично обращается к подробностям и деталям быта. То, что для других жанров представляется чем-то несуществен-

ным и второстепенным, для загадки составляет ее суть, ее основу.

По тематике карельские загадки во многом совпадают с загадками других народов, но различия в экономических, географических и исторических условиях, получившие свое выражение в особенностях быта, ремесла, производственной деятельности, отразились в загадках: в них есть только то, что было близко и понятно народу, было связано с его бытом, с его жизненными представлениями. В большинстве карельских загадок нашли отражение бытовые детали, трудовые навыки, условия жизни, подчас такие, которые связаны уже с историей материальной культуры народа.

Поэтому загадки могут служить дополнительным материалом при изучении этнографии народа, из них можно почерпнуть реальные сведения, дающие представление о крестьянской избе, ее убранстве, утвари, о многих промыслах и орудиях труда, о средствах сообщения и т. д.

При рассмотрении связей карельской загадки с исторической действительностью материал распределяется по тематическим группам. В науке нет общепринятых критериев для систематизации загадок, поэтому при отнесении их в тот или иной раздел возможна определенная доля субъективности. При этом нужно отметить, что загадки в выделенных тематических группах представлены неравномерно, какие-то темы очень популярны в загадках, а другие, напротив, отражены в незначительном их количестве.

Крестьянский быт

Из окружающего человека мира самое подробное отражение в загадках нашло жилище, его внутреннее убранство. Здесь загадка заметила всё, начиная от трубы и кончая скрипом дверей; кажется, ни одна мельчайшая деталь не ускользнула от внимания создателей загадок. Например, изба загадывается так: *Multa alla, multa piällä, särit siämessä kutou* (А. 15/108). — *Земля снизу, земля сверху, внутри плотва нерестится*. «Земля сверху» оказывается конкретной бытовой деталью: потолки в домах утепляют слоем земли в 20—30 см (Тароева, 90).

Данные этнографии позволяют не только объяснить загадки, но и приблизиться к пониманию их структуры.

Так, загадка о рубке углов строения загадывается: Lukku lukun piäl', lukku lukun piäl; ruočin lukku piällimäizenny (А. 97/10). — *Замок над замком, замок над замком, шведский замок верхний.*

В приведенной загадке «замок» воспринимается как метафора, но в свете данных этнографии метафора оказывается конкретной деталью быта. Дело в том, что в Карелии было известно несколько способов рубки углов у строений, в том числе и рубка «в замок» (lukkusalmo — Тароева, 88), отсюда в загадке — «замок над замком». Матицы обычно устанавливали из обтесанных с четырех сторон брусьев, подобные же брусья использовались в «финской рубке» (suomen salmo), финнов же в Карелии издавна называли «руоо́си» (швед), поэтому — «шведский замок верхний».

Мох между бревнами сруба — это «болото в избе», а сучок — «бычий глаз» или «глаз беса» (Фон. 1860/4; А. 38/196). При создании загадки о щелях в бревнах используется то обстоятельство, что щели возникают как бы сами собой: Mi on pertis luadimatoi? (А. 97/10). — *Что в избе само делается?* Другая загадка сравнивает щели с улыбкой: Ken ensimmäkse nakrau, kun pirttih tulee? (А. 31/25). — *Кто первый улыбается, когда в избу приходишь?*

Загадка об окнах звучит так: Pieldared kallehed, peldod on vie kallehemhad (А. 94/22). — *Между дорогие, поля еще дороже.*

О дверях загадки многообразны: Kaksi makuau, kaksi seisou, yksi edestakaisin soutau (А. 68/117). — *Двое снят, двое стоят, один вперед-назад бороздит (гребет);* Niraajau, paraajau, seinällä seisou, koissa syntyu, mečässä kasvau (Фон. 1862/3). — *Скрипит, поскрипывает, в стене стоит, дома рождается, в лесу растет.*

Дверь и косяк противопоставляются как русский и швед: Ruočš da venäläini vastakkah käydäh (А. 157/10). *Швед и русский друг против друга ходят.* И в других карельских загадках русские и шведы выступают как противники. Объясняется это историческими условиями. Известно, что и в русском фольклоре шведы являются врагами русской земли.

Труднообъяснимо в загадке о двери выражение lemмен lehti: Lemмен lehti lekahti, kaikki kansa kačahti (Фон. 1860/28). — *Лист любви (?) колыхнулся, весь народ оглянулся.*

Финский исследователь Л. Хакулинен посвятил изучению происхождения слова *lempi* специальную статью (Hakulinen, 1942). По его мнению, *lempi* первоначально обозначало огонь, пламя; затем, благодаря использованию слова в переносном смысле, развилось значение «желание» (*halu*), «страсть» (*kiihko*), и уже из них абстрактные — «любовь», «благосклонность».

В современном карельском языке *lempi* близко по значению слову «любовь» (SKES, 1955), может быть, точнее — сила обаяния, очарования, благосклонность, страсть, умение пленять, прельщать, «славутность».

В рунах *lempi* связано с деревом, обычно с дубом:

Kuka siitä oksan otti,
se otti ikusen onnen.
Kuka siitä lehen leikko,
se leikko ikusen lemmen.

Кто отсюда ветку взял,
тот взял вечное счастье.
Кто отсюда лист отрезал,
тот отрезал вечную любовь.

(Franssila, 1900, 375)

Синонимом *lemmen lehti* выступает *tammen lastu* (дубовая щепка); из *lemmen lehti* вырастает дуб:

Oli ennen nel'ä neittä,
koko kolme morsianta.
Löyettih he lemen lehti,
lemen lehti, tammen lastu.
Vietih maalle kasvavalle,
orolle ylenevälle.
Siitä kasvo kaunis tammi.

Было раньше четыре деви,
целых три невесты.
Нашли они лист любви,
лист любви, дубовую щепку.
Отнесли в плодородную землю,
к поднимающимся всходам.
Из него вырос красивый дуб.

(Franssila, 1900, 421;
Hautala, 1947, 139)

В экспедициях информаторы нам сообщили, что в быту *lemmen lehti* называли своеобразный крест с украшениями, который носили на шею (Фон. 1696/5; 1987/11), и еще четырехдольный лист клевера, с отысканием которого связывали счастливую любовь (Фон. 2000/8).

Но почему в загадке дверь уподоблена *lemmen lehti* (листу любви)? Не потому ли, что у карел многие поверья о любви связаны с дверью? В некоторых домах за косяком двери хранили засушенную пуповину девочки, чтобы она выросла «славутной» (Тароева, 95—96). Над дверью же прятали волосы девушки, чтобы парни, проходя в двери, влюблялись. Верили, что если гость в доме, где есть дочери, наступит на порог, то от девушек «уйдет» *lempi*, и они не смогут выйти замуж (Virtaranta, 720;

Фон. 1862/26; 1865/10).¹ Иногда в случае отказа сватам даже садились на порог, чтобы сваты, уходя, не могли наступить на порог и «унести» lempi.

Что имели в виду составители загадки, уподобляя дверь lemмен lehti, на которую все оглядывались? Из имеющегося у нас материала больше всего подходит объяснение, связанное с поверьем в то, что через дверь могли унести lempi: всегда оглядывались на вошедшего, не наступил ли он на порог, не «выпустил» ли lempi.

Непосредственно с дверью связаны порог, дверная ручка, крючок на двери — все эти предметы нашли отражение в карельских загадках.

Так же подробно, до мельчайших деталей, загадываются предметы внутреннего убранства карельской избы (pirtti). Важное, если не главное, место в избе занимает печь. О печи много загадок; в них отмечают и ее размеры, и место в избе, дается описание топящейся печи и т. д. Огромные размеры русской печи и ее положение в углу используют следующие загадки: D'oga pertis kondii čupus (А. 157/10). — *В каждой избе медведь в углу; Istuu kui čorttu čupus, a joga päivää syvvä rakiččou* (А. 115/29). — *Сидит как черт в углу, но каждый день есть просит; Akka čupussa istuu, keät čiihallah, suu kahallah* (А. 12/79). — *Сидит баба в углу, руки расставлены, рот раскрыт.* Подробное описание всех деталей печки приводит загадка: Kiät čiihallah, hampahat irvallah, tulipuikko hampahissa, kivikesseli selässä (Фон. 1216/4). — *Руки расставлены, зубы оскалены, горящая лучина в зубах, кошель с камнями на спине.*

Топящаяся печь тоже отразилась в загадках: Ruskie härkä liävän ovilta heinyä kuutustau (Фон. 1594/20). — *Красный бык с дверей хлева за сеном тянется; Suu suuri, kita leveä, kieli väärin väänteleikse* (Haavio, Hautala, 115). — *Рот большой, пасть широкая, язык неправильно ворочается.* С печью связаны загадки о дыме, огне, искрах: Orih juoksou, oččuah nuolou (Конкка, № 19). — *Бежит жеребец, лижет свой лоб. Огонь в печи.* Международ-

¹ И на русском Севере «существовала примета, которую выполняли все девушки в возрасте невест еще задолго до свадьбы: девушке запрещалось при входе в избу (свою или чужую) останавливаться и стоять, разговаривая, на пороге, следовало войти в избу, иначе, как гласила примета, девушка долго (или совсем) могла не выйти замуж» (Колпакова, 1965, 274—275).

пая загадка: Vaste izä ilmah syndyy, rojat jo meččäh kävväh (А. 101/14). — *Отец только родился, а сыновья уже в лес идут* — подробно исследована Антти Аарне (Aarne, 1917b, 36—64). По его мнению, эта загадка была известна еще в Древней Греции.

Для освещения избы повсеместно пользовались лучшей: Valgiedu syöv, mustua heittäv (А. 135/183). — *Белое ест, черное оставляет*. Позже лучину заменили лампы: Tuli siämessä palau, valkieta vilkuttau (Virtaranta, 522). — *Огонь внутри горит, свет мигает*; Piä palau, perse märkänä on (Фон. 1868/2). — *Голова горит, з < . . > ца мокрая*.

Кроме общераспространенной загадки о столе («четыре сестрицы под одной крышей»), широко известна загадка о столешнице, обычно состоящей из одной широкой доски: Aijan ravosta sopiu, ikkunasta ei sovi (Konkka, № 61). — *В щель изгороди вмещается, в окно не вмещается*.

Скамейка в загадке имеет четыре ноги, четыре глаза, две головы, без носу, без рта, без хвоста — Nel'lä jalkua, nel'lä silmyä, kaksi piätä,¹ ilman penyä, ilman suuta, ilman häntyä (А. 25/128). Лавки в избе располагались вдоль трех стен, конец упирался в печку; в загадке такое расположение лавок передается в образе цепи: Sierrä ёierpis kiinni, ёierin agju räčin ual (А. 102/39). — *Цепь за цепь, конец цепи под печкой*. Эта же загадка бытовала и на русском Севере: *Цепь за цепь, а конец за печь* (Колпакова, 1935). И еще загадка о лавке: On minul oršoi, ken istuheze, kaikii kannav. — *Есть у меня жеребец; кто ни сядет, всех везет* (Лесков, № 61).

Загадок о кровати нет. Кровать появились поздно — в XIX в., а в некоторых районах — и в XX в. Загадывается постель, которую стелили на полу, а днем сворачивали и складывали в сених или в избе: Päiväd pölkkinü — yöd lavtannu. — *Днем брезном, ночью плотом* (Лесков, № 28); Yöt viiplona, päivät kolaččuna (А. 26/82). — *Ночью лоттем, днем калачом*; Yöt stel'kkana, päivät pölkkyä, arvua mi on? (Фон. 1862/11). — *Ночью стелькой, днем чурбаном, отгадай, что это?*

Загадываются также подвесные — более древние — люльки: Pedru (jänöi) pellol hurpiu, d'allat muah ei koskei (А. 102/39). — *Олень (заяц) на поле скачет, ноги до земли не достают*. Длинная привязь люльки удачно

¹ Слово piä имеет два значения — голова и конец.

передается в образе журавля: Kurgí pertiz seizov. — *Журавль в избе стоит* (Лесков, № 108).

В Карелии долгое время пользовались деревянной и изготовленной из бересты посудой. Этот набор домашней утвари тоже отражен в загадках.

Умыванию карелы приписывали не только гигиеническую, но и магическую функцию, так как признавали за водой очистительную силу. Поэтому считалось обязательным мыть руки после прикосновения к железу (Virta-ranta, 206). Рукомойник всегда был наполнен водой. Первый ковш принесенной воды обычно наливали в рукомойник (Фон. 2000/5). Долгое время в Карелии бытовали берестяные рукомойники, и о них сохранилась загадка: *Čiu, čau čolovannikka, tuohini kabakka* (Л. 26/82). — *Чиу, чау целовальник, берестяной кабак*. А со сменой берестяных рукомойников на медные изменилась и загадка: *Čiu, čoi čolovannikka, vaskine kabakka* (Л. 138/8). — *Чиу, чау целовальник, медный кабак* (вариант: *Cui-čui čubakka, vaskini kabakka* — Фон. 1862/11). Близкая загадка есть и у русских: *Медный кабачок, воробушка целовальничек* (Садовников, № 262). Отсюда понятны звукоподражания «чиу, чау», которые в карельской загадке заменили слово «воробей».

Популярны загадки о деревянных ушатах: *Kellä on silmät korvissa?* (Konkka, № 87). — *У кого глаза в ушах?* *On korvat — ei kuule, on sil'mät — ei näi* (Л. 73/22). — *Уши есть — не слышит, глаза есть — не видит*; *Yöt kaččou, päivät kaččou, silmieh ei räpähytä* (Konkka, № 30). — *Дни смотрит, ночи смотрит, глазами не моргает*.

Ложки также были деревянными: *Puinen pistää, luinen leikkaa, pikkarainen hämmentää. Lusikka, hampraat, kieli* (Haavio, Hautala, 81). — *Деревянный подносит, костяной режет, маленький помешивает. Ложка, зубы, язык*.

Щицу варили обычно в чугунных котлах: *Kiriläisen kinnas, puoli mustua, toini valkieta* (Л. 2/28). — *У Курилы рукавица, половила черная, другая белая*. М. Кууси предполагает, что данная загадка является вариантом загадки: *Puoli mustaa, puoli valkeaa äijän pojan rukkasessa*. — *Получерная, полубелая рукавица у дедушкиного сына*. Более древними ее отгадками Кууси считает — *небо и земля или день и ночь*. (Kuusi, 1956, 200; 1960, 120—131).

С древними представлениями о двух противоположных мирах связаны и другие загадки о котле: Tuol ilmal turkki tuodih, täl ilmal kaglus pandih (А. 97/10). — *С того света шубу привезли, а на этом — воротник пришили; Tuoppi tehty Tuonelassa, täällä vantchet valettu* (Kuusi, 1956, 191—192). — *Кружку сделали в Туонела,¹ здесь обручи отлили.*

А в загадке с отгадкой «котел на огне» используется опять противопоставление русских и шведов: Rusked guoõc da ven'alaine vedehine toine toizch kačotah (А. 157/10). — *Красный швед и русский водяной друг на друга смотрят.*

Масло хранили в специальных бочонках: Igenitöi, aganitöi, aitan čupuz istuv. — *Без морды (рыла) и без отрубей в углу чулана сидит. Кадка с коровьим маслом* (Лесков, № 79).² К загадке Лесков приводит такое пояснение: «Отрицательный эпитет „без отрубей“ приложен по отношению к маслу, вероятно, потому, что в чуланах же и часто в кадках кореляки держат яйца, прикрывая их отрубями, чтобы не испортились» (Лесков, 1893а, 536).

Зерно мололи на ручных жерновах: Silmästäh syö, kylestäh sittuu (Фон. 1864/3). — *Глазом ест, а из бока опрастывается; Mustua syö, valkieta sittuu* (Фон. 1868/2). — *Черное ест, белым опрастывается.* Жернова в Карелии держали, как правило, в подполье, что тоже отражено в загадке: Sika vinkui sillan alla entisittä emännittä, kultaisitta korenoitta (Haavio, Hautala, 237). — *Свинья визжит в подполье без прежних хозяек, без золотых коромысел; Kaksi miestä karsinassa, ei kivi kolahda* (Haavio, Hautala, 237). — *Два человека в подполье, камень не стукнет.* Очевидно, загадка имеет в виду деревянные жернова, которыми долгое время пользовались в южной Карелии (о них см.: Тароева, 124). «Биографию» камня-жернова рисует такая загадка: Pimeästä otettu, pimeään pantu, prestolalle asetettu; min enemmän kumartaa, sen enemmän piissua antaa (Haavio, Hautala, 237). — *Из темноты извлечен, в темноту помещен, на престол определен; чем больше (ему) кланяешься, тем больше пищи дает.* Нужно отметить еще одну загадку о жерновах: Kivi

¹ Туонела — потусторонний, загробный мир.

² Более точный перевод; *Без десен, без мякины (высвок) в углу амбара сидит.*

sanou: Kijeva dobra (Л. 65/102). — *Камень говорит: Киев добрый*» (см.: Евсеев, 1968, 53—54). Действительно, существовало поверье, что жернова могут по-своему «сказать» о чем-то сокровенном. В святки, например, девушки разламывали на жерновах иголки и по скрипу определяли имя своего суженого (Hautala, 1948, 427; Фол. 1860/15). В других загадках Киев не встречается, а вообще он популярен в карельском фольклоре; например, в плачах: kiviset Kijovan linnaset — *каменные крепости Киева*; Kijovan kiriköt — *церкви Киева*.

При сопоставлении этнографического описания внутреннего убранства крестьянской избы и предметов быта с миром загадок оказывается трудным найти такие предметы старого быта, которые бы не загадывались в загадках. Но по мере удаления от избы предметы загадываются уже выборочно. Загадываются мельница, рига, баня (каменка), а хлев и амбар не являются отгадками, они встречаются лишь в тексте загадок.

В загадках об орудиях труда и о трудовых процессах отражены занятия, которыми нестари занимались карелы. Здесь так же, как и вообще в мире загадок, не все находит одинаковое отражение. В некоторых случаях избирательность объясняется конкретными бытовыми условиями. Так, не случайно в Карелии многочисленны загадки об охоте и рыболовстве. Рыболовство было древним занятием местного населения, оно занимало не только важное место в хозяйстве крестьянина, но и было связано с духовной жизнью народа: оно сопровождалось множеством предостережений и обрядов, важную роль играли заговоры от дурного глаза завистливых людей, поиски удачного места лова, обращение к «водяному царю» с просьбой дать хороший улов и т. д. Рыболовные предостережения, приметы и обряды — это целый мир со своими сложными взаимосвязями (Virtaranta, 257—307).

Своеобразное отражение рыболовство нашло и в загадках. Хотя с детства каждый карел был знаком с рыбным промыслом, знал все о рыбах и их повадках, но загадки о рыбе как таковой встречаются единично. Загадка из южной Карелии — прямая калька с русского: Siivet on — lendiä ei voi, a jalgoi ei ole, a kävelöw. — *Крылья есть — летать не может, ног не имеет, а ходит* (Макаров, Рягоев, 127; ср.: Митрофанова, № 554). О сетях и о ловле рыбы загадки бытовали шире:

Puukello, kivikarie,
läksi soita sotkomah,
meren vettä vellomah.
Nuotta.

Деревянный колокол, каменное
копыто,
пошло болото месить,
воды моря бороздить.
Невод.

(Фон. 1864/3)

Поплавки («колокола») действительно были деревянные или берестяные: по их форме и по бречаннию, которое они издают при выбирании сети, их можно уподобить колокольчикам; грузила же делали из камня, отсюда — «каменное копыто».

Ячеи в неводе — «глаза» или «окна», а грузила — «камни»: Yksi pirtti, tuhat ikkunua (A. 2/212). — *Имба одна, окон тысяча*; Тухат сильмät, сада кивет. — *Тысячу глаз и сотню камней имеет* (Макаров, 207). Здесь не характерное для загадки округление числительных в сторону уменьшения — «сто камней». На самом деле «на маленький невод требовалось до 150 камней, на большой — до 200» (Таросва, 38).

Указывается на характерное свойство сетей: Виэс сейзоу, муал куадуу. — *В воде стоит, на земле валится* (Макаров, 208). Загадка подмечает и кропотливый однообразный труд по починке сетей: Eੱঁйу-еੱঁйу, löytävän ei suvaੱঁis (Фон. 1865/4). — *Ищут, ищут, находят не любят*; Emättäy ta revittäy, rajattau ta paikkuau (Konkka, № 67). — *Рвется — ругается, чинит — поет*. Передко во время починки сетей действительно пели руны.

Сборы на рыбную ловлю отражены в такой загадке:

Silkkit, vilkit selkäh,
suven kengät jalkah,
suorie sukkelaisch
vikkelläistä vuottamah.

Шелка, кружева на спицу,
летнюю обувь на ноги,
собирайся быстренько
шустренького ждатель.

(A. 15/98)

Загадка:

Musta mies merestä nousi
lengolle levähtämäh
ja karankalle katsomah.

Черный человек из моря
поднялся
на островке отдохнуть,
на вешалах оглянуться —

(A. 68/114)

перекликается со словами заговора, с которым опускали невод в воду:

Mänet mustana mereh,
nouse moalla valkiena.

(Virtaranta, 259)

Идень черным в море,
поднимись на землю белым.

Если невод поднимается «белым», это значит — он полон рыбы.

Возвращение с рыбной ловли описывается в таких загадках: Varas puuh hirtettih, tie kumoon kuadettih, kuolleet kotiin kannettih. Verkot, vene, kalat (А. 68/106). — *Вора на дерево повесили, дорогу опрокинули, мертвых домой выносили. Сети, лодка, рыба; Surman hirteh, sukset kumual'l'ah* (Фон. 1864/3). — *Смерть повесили, лыжи опрокинули.*

Загадывается и зимний лов рыбы: Pertti otэтах, ikkunat ятетэх. — *Дом увозят, а окна на месте оставляют* (Макаров, 208). Широкое распространение получила в южной Карелии загадка о valki, который представляет собой «особого рода шест, очень длинный, употребляющийся при закидывании невода зимою»: Pertih (kirikköh) ei sündü, kobrah sündüv. Valki. (Лесков, № 63). — *В избе (церкви) не вмещается, в руке умещается.*

В заключение обзора загадок о рыболовстве приведем загадку о ловле на удочку: Нуора нууи перäшшä, шурма нуорап пэпшшä. — *Нитка на конце палки, смерть на конце нитки* (Макаров, 208).

Охота также была древним занятием местного населения, по загадок о птицах и о зверях в Карелии мало.

С медведем у карел связано множество поверий и обрядов. Охота на него сопровождалась заклинаниями и магическими предостережениями (Virtaranta, 308; Тароева, 40—43), сохранилось много слов-замен для обозначения медведя: Pörrö, Mössi, Mesikämmen, Pörö, Metsäläinen (Nirvi, 1944, 26). А загадка о медведе известна только одна (и в единственной записи): Yheksän miehen vägi, yhen mieli (А. 157/9). — *Сила девяти человек, ум одного.*

Нам не известны загадки о волке и лисе, а об охоте на белку есть несколько выразительных загадок, например: Tupa tuuti, latva liehu, mies tuuti tuvan sisässä (А. 26/82). — *Изда качалась, вершина развевалась, мужчина покачивался в избе.*

Следующая загадка описывает древнюю картину охоты на белку с помощью лука и собаки: Onni puussa, jänni muassa, karva kitti kuusen alla (А. 23/50). — *Счастье на дереве, тетива на земле, меховой визг (писк) под деревом.*

Об этой загадке финский фольклорист М. Хаавио писал: «Действительно, можно ли точнее и короче описать картину одного типично охотничьего эпизода и передать напряжение ожидания: на дереве белка; счастье, если охотник ее добудет, тетива лука уже туго натянута, стрела сейчас полетит, лохматая собака показывает усердие, прыгая и ожесточенно лая на белку, застывшую на ветке» (Haavio, 1935, 413). О белке говорит и другая загадка: Kukkaro kuuzes, helykivi juurel (A. 115/29). — *Кошелек на ели, погремушка у корня*. Первоначально функцию денег (raha) выполняли беличьи шкурки (Haavio, 1935, 413). В данной загадке понятие «деньги» заменено понятием «кошелек». Постепенно связь между беличьей шкуркой и деньгами стала более отдаленной, и в вариантах данной загадки kukkaro (*кошелек*) по близкому созвучию перешел в kukkani (*изгрушка, цветок*, — A. 26/120; 18/90).

Известна загадка о рябчике: Суо сорахти, муа ярӑхти, мечӑлӑн верет вӑрӑхти. Пюун аммунда. — *Вздогнуло болото, и задрожала земля, в лесу горячая кровь пролилась. Выстрел по рябчику* (Макаров, 209).

Объектом загадывания служили часто со́рка и гуси: Mussempi nokie, valkiempi vitie, korkiempi kotua, matalampi rekie (Konkka, № 70). — *Чернее сажу, белее снега, выше дома, ниже саней. Сорока; Ora, ora iellä, kerä, kerä kesellä, keräiččimet jälellä* (A. 28/158). — *Шло впереди, клубок посередине, пожницы сзади. Сорока; Lauttani lahella läksi, lautta täysi laulajia* (A. 23/50). — *Плот в залив поплыл, полный плот певцов. Стая уток*.

Загадки, связанные с земледелием, загадывают орудия труда — соху, серп, борону. В загадке о сохе изображается процесс пахоты, борозды уподобляются волнам: Kylän koira kuuykyläh kaikki lainehet lukou, nurmen uallot argvau (A. 26/82). — *Деревенская собака, пригибаясь, волны считает, все волны на лугу знает*. Известны следующие загадки о бороне: Пелтох ни пиэнех шопиу, мечӑх эй ни шуурех шови. — *На поле, даже маленьком, помещается, а в лес, и большой, не входит* (Макаров, 203). D'algad äijy ga peldol selgäh kandetah (A. 157/10). — *Ног много, а на поле на спине несут*. (Ср.: Митрофанова, № 1990).

Популярность и пути распространения тех или иных загадок часто необъяснимы. В такой сельскохозяйственной стране, как Болгария, «неизвестно почему значительно

меньше и ограниченнее распространение загадок второго по важности в прошлом земледельческого орудия — серпа» (Георгиева-Стойкова, 1961, 47), а в Карелии, наоборот, серп и сноп являлись зачастую предметами загадывания. Загадки обыгрывают своеобразную форму серпа и его функцию — очистить поле: Ies kiverä, tuas kiverä, onpa niin kiverä ettei arvuakaan (A. 28/127). — *Спереди изогнуто, сзади изогнуто, так изогнуто, что и не отгадаешь*; Gurbseig hukk peldon puhastau (A. 157/10). *Горбатый волк поле очищает*; Kuikeroinen, kaukeroinen kaikki pellot puhastau (A. 68/173). — *Кривой, изогнутый все поля очищает*; Suogurboi pellod myöti huppiv. — *Цапля по полю скачет* (Лесков, № 43).

Популярны загадки о снопе: Шада веллештэ кай юхеллә вьюёллә вьюётеттү. — *Сто братьев одним кушаком опоясаны. Кубач — сноп соломы* (Макаров, 204); Sata sanččie, tuhat tunččie yhellä vyyhellä vyyhetty (Фон. 1860/4). (Suat satoja, tuhat tuhansia. . .). — *Сто сотен, тысяча тысячей в один моток намотаны*.

Широко известна загадка о возе сена:

Mi on piässä kiirin kuarin,

mi on kiäritty perässä,
mi on kiiltäjä kiärityssä?
Heroni, heinäreki, kirves.

Что на голове (т. е. впереди)
вкривь-вкось,
что перевязано сзади,
что блестит на перевязанном?
Лошадь, воз сена на санях,
топор.

(A. 29/1)

Стога складывались на месте покоса, а вывозились только зимой по льду, когда болота и дороги промерзали: Jänöi juoksou diädy myö, karvat ribistäy muadu myö. Heinyreki (A. 133/54). — *Заяц по льду бежит, шерсть по земле рассыпается*. Загадка известна в нескольких вариантах: Uukoni kotih tulou, villaset muata vetäy (A. 26/11). — *Овца домой идет, шерсть по земле тянется*; Lammas matkuau mečästä, villat muata viilletäh (Фон. 701/12). — *Овца идет из леса, шерсть по земле волочится*; Kodih tulov koččijen, tahnale mänöv tačitta-jen. — *Домой приходит на возу, на двор заходит охапками* (Лесков, № 60).

Помимо охоты, рыболовства и земледелия, большое место в хозяйстве занимали и домашние ремесла. Если условно все трудовые процессы разделить на мужские и женские, то загадок больше посвящено женскому труду и

орудиям, с ним связанным, а о мужских занятиях загадок меньше. К числу последних можно отнести международные загадки о топоре (Aarne, 1916b, 1916c), получившие распространение и в Карелии: Halli mäellä haukkuu, mie hallie hännästä pien (Фон. 1860/4). — *Собака лает на горе, я ее за хвост держу; Mi on selin pirtillä?* (Фон. 1864/3). — *Что спиной к избе? Meččäh mänöy — kodih kaččou, kodih tulou — meččäh kaččou* (A. 157/12). — *В лес идет — домой смотрит, домой идет — в лес смотрит; Mužikka meččäh astuv, zirkalo sellän tagan* (A. 113/30). — *Мужик в лес идет, зеркало за спиной.*

Загадки о топоре популярны, поскольку топор веками оставался единственным инструментом при заготовке леса, строительстве жилищ. Пила, по утверждению этнографов (Тароева, 87), появилась в Карелии только во второй половине XIX в. Загадка о пиле — поздняя и явно финского происхождения: Riikinkukko rautaharja huutaa ja harгаа (A. 18/32). — *Павлин с железным гребнем кричит и визжит.*

Данные по истории материальной культуры могут помочь при определении времени возникновения какой-то конкретной загадки. Так как загадка не может возникнуть раньше предмета загадывания, то «для многих загадок можно определить границу, ранее которой загадка не могла появиться» (Митрофанова, 1965, 290).

В загадках о женских ремеслах отражается выработанная веками цикличность в выполнении крестьянских работ, когда все делалось в строго определенные периоды и заканчивалось к определенному сроку. Например, лен и коноплю всегда обрабатывали глубокой осенью. Загадка, записанная в Кивиярви, называет точный период работ: Kylän koira kolmijalka lokakuussa loukuttaa (Naavio, Hautala, 146). — *Деревенская собака-трехножка лает в октябре.* Загадка удачно совмещает аллитерацию и этнографическую точность: лен действительно обрабатывали в октябре (Hautala, 1948, 350). У русских в период уборки льна отмечался даже специальный день Параскевы-льняницы (28 октября), когда женщины не работали в знак уважения к св. Параскеве (Чичеров, 1957, 59). Загадка конкретна и в метафорической части: снаряд для обработки льна, мялица, был на трех ногах, и треск, издаваемый при трепании льна, логично уподобить лаю собаки.

На звуковом уподоблении лаю собаки построена и другая загадка о трепании льна: Халли хауккуу, луут сууста типпуу. — *Лайка лает, кости из рта сыплются* (Макаров, 200). В русских загадках о мялице также использовано звуковое уподобление стука мялицы лаю собаки: *С году на год собаки лают* (Митрофанова, № 4587); *Без черев собачка: «Вяк-Вяк!»* (Митрофанова, № 4594).

Для чистки льна применялись специальные чесалки: Akku loukos, sada hammastu suus, ruгоо, ei niele (Наавио, Навтала, 146). — *Бабка в щели, сто зубов во рту, кусает, а не глотает*. Щетка для чесания льна: Люют акка люллеройни, паксу акка паллеройни, икӱх он тьютӱ техпюн, солмулойста пайта ниӱллӱ. Хардя. — *Баба-коротышка, баба-толстушка, всю жизнь волокно чесала, а на себе рубаха вся в заплатках* (Макаров, 200).

Стрижка овец и чесание шерсти, прядение и вязание — все эти виды женского труда подробнейшим образом отражены в карельских загадках: Nipšau, napšau, käyvӱ karšau tiheässä viitakošša (А. 28/254). — *Хлопает-щелкает, идет-спешит в густых зарослях. Рожницы для стрижки овец*.

Шерсть обрабатывали своеобразными щетками-чесалками (villakartat). Чесалки в Карелии заимствованы из Финляндии, а вместе с ними пришла, очевидно, и загадка: Sata sanččie, tuhat tunččie¹ yhellӱ tammen lassulla seisotah (Фон. 1867/4). — *Сто щетинок, тысяча иголок на одной дубовой щетке стоят*. В последние десятилетия чесалки изготавливали не из дуба, но так как загадки в абсолютном большинстве случаев этнографически точны, то, возможно, раньше они действительно были дубовыми, но данных об этом у нас нет. В Финляндию загадка в свою очередь могла прийти из Эстонии, где дуб распространен.

Прядение — один из древних трудовых процессов — было распространено и у карел. Более древним способом было прядение на ручных прядках (kuožali). С конца XVIII—начала XIX в. в северной Карелии стали применять самопрядки (tukki). Сюда они пришли из Финляндии, где были известны уже с 1700-х годов (Тароева, 56). В южной Карелии самопрядки не получили такого широ-

¹ Перевод sanččie и tunččie очень приблизительный, так как слова не имеют конкретного значения.

кого распространения, как на севере. Бытование разного рода прялок в северной и южной Карелии нашло прямое отражение в загадках.

Южнокарельские загадки — это загадки о старом способе прядения. Здесь загадывается веретено: *Рoёёiine рuёriw — ваёёaine тäwdüw. Tainu. — Поросячонок вертится — животик у него толстеет. Веретено* (Макаров, Рягоев, 127); *Üksi sil'mü Siidaril, segi seihähän piäv. Kezgu, keöoi. — Сидор имеет один глаз, и тот на колу. Пряслице и веретено* (Макаров, Рягоев, 127); *Ligo liinua, pino puudu, rago gaudua. Kuožali (A. 38/245). — Пять льна, поленища дров, железная щель; Tikku (kukko, meöö, tedri) puus, suolet muas (A. 75/57). — Дятел (петух, глухарь, тетерев) на дереве, кишки на земле.*

А в северной Карелии распространены загадки о самопрялке (rukki): *Kontie korolla seisou, kolme jalkua perässä (A. 2/184). — Медведь на возвышении стоит на трех ногах.*

Звучны, красивы загадки, передающие движение rukki: *Нипсаа, напсаа, кäувä капсаа, шикку хенкселит шелäшшä (Макаров, 201). — Стучит, бречит, идет, торопится, тоненькие подтяжки на спине; Orih juoksi, ohjas lekku, reki rautani kročasi (Konkka, № 4). — Бежал жеребец, хлопали вожжи, железные сани скрипели; Reki vieri, tie račasi, kaikki val'l'ahat vapisi (Фон. 1865/10). — Сани катились, дорога скрипела, вся сбруя сотрясалась.*

После обработки шерсти или льна женщины приступают к следующему циклу работ — ткут, вяжут, шьют. Об этих процессах также имеются загадки. Таким образом, все основные виды древней производственной деятельности — рыболовство, охота, земледелие, домашние ремесла — нашли отражение в карельских загадках.

С социально-экономическими и с географическими условиями связана и тематика загадок о средствах и способах передвижения.

В силу специфических природных условий одним из основных средств передвижения в Карелии была лодка. Она связывала карельские деревни с внешним миром, на ней рыбачили, — словом, с лодкой связана вся жизнь карела от рождения до смерти. Недаром карельская поговорка предостерегает от дырявой лодки и плохой жены: *Varjele vakani luoja vuotajasta venehestä ja naisesta pahantapa-*

sesta (Фоп. 1863/4). — *Спаси, создатель, от лодки с тещью и от жены с плохим нравом.*

Всего о лодке в Карелии записано более двадцати загадок. Вот некоторые из них: Kandaju ei v^äžu, kannettaw v^äžuw. Venchel ajai. — *Кто несет — не устанет, а кого несут, тот устанет* (Макаров, Рягоев, 127); Hebo hengengetöi, pletti kielelöi, dorogu barhatnoi (Фоп. 1869/4). — *Лошадь без души, плетъ без языка, дорога бархатная*; Mies veti, aisat notku, reki piti, tie hajosi (А. 12/78). — *Мужчина вез, оглобли сгибались, сани выдержали, дорога развалилась*; Musta mies meren takainen, lammissa laikkuu, koskissa kumartelee (Haavio, Hautala, 273). — *Заморский черный человек на озере покачивается, на порогах кланяется.*

В загадках лодка изготавливается быстро: Koissa kolahti, me^ässä räpähti, sinisotkani vesillä (Фоп. 1860/28). — *Дома постучало, в лесу громынуло, — и синяя утка на воде*; Nel'lä lautua alahassa. Vene: aivot ja huoparit (Konkka, № 78). — *Четыре доски в корыте. Весла. В северной Карелии в лодке всегда было две пары весел* (Тароева, 68).

Движение лодки упрощается летящей птицей: Korppi lenti korven rantah, vesi seinistä tirisi (А. 12/78). — *Ворон летел на край глухого леса, вода со стен стекала*; Kaarne lenteä liipotteli, vesi siivistä sirisi (А. 68/106). — *Ворон летел, вода с крыльев струилась.*

В Карелии из-за множества озер и болот дорог в настоящем понимании этого слова не было, поэтому и телеги здесь почти не использовались. «Колесные средства передвижения к началу XX в. имели некоторое распространение только в южной Карелии, а в северных волостях телег не знали очень долго» (Тароева, 76). В южной Карелии телеги были заимствованы у русских.

Загадки о телеге из южной Карелии, встречающиеся в одиночных записях, являются кальками русских: Nelli vellesty d'uostah, toine toistu tabata ei voida (А. 96/12). — *Четыре брата бегут, друг друга догнать не могут* (ср.: Митрофанова, № 4414).

Сани, напротив, были древним средством передвижения, ими в Карелии пользовались даже летом. Отсюда и распространенность загадок о санях и их деталях. Популярна в южной Карелии такая загадка: Aijan ravos sündiw, a ikkunas ei sünnü. Sarju. — *Вмещается в щель*

изгороди, в окно не влезает. Решетка из лущины к саням (Макаров, Рягосв, 127—128).

Сапи были с тремя и четырьмя парами копыльев, трехкопыльные более древние, их и описывает загадка: *Kuuzi d'algad, kaks d'alged. Regi (A. 157/10). — Шесть ног, два следа. Сапи; Kuusi ukkoa ulkona seisoo, yhtä tuumaa pitävät ja taivaalle katsovat. Reen kaplaat (Haavio, Hautala, 291). — Шесть стариков на улице стоят, одну думу думают и на небо глядят. Копылья у саней.* «Шесть ног» и «шесть стариков» — это шесть копыльев, по три с обеих сторон, «два следа» — это двое полозьев.

Зимним средством передвижения наряду с санями в Карелии, особенно у охотников, были лыжи: *Миэси mänöу меччäh, какси оюа яллелlä. Шукшиэн лату. — Человек в лес идет, за ним два ручья бегут. Следы от лыж (Макаров, 209); Mies meččäh mänöу, althah jälellä jiäу (Konkka, 15). — Мужчина в лес идет, сзади корыта остаются; Mies meččäh mänöу, rieskaset jälellä jiäу (Konkka, 16). — Мужчина в лес идет, сзади лепешки остаются. Следы от колец лыжных палок.*

О дороге в Карелии известно только две загадки. Первая из них: *Kuuykeröini, koukeroini ympärі kylän kiertäу, kylän piäh куукistäутуу. Tie (Konkka, № 5). — Кривая, изогнутая всю деревню обойдет, в конце деревни присядет. Дорога.*

Загадка этнографически точна: дороги в Карелии, особенно на севере, действительно за деревней и кончались, то есть, по существу, их не было, не считая зимников по озерам и рекам (Гароева, 1959, 40).

Вторая загадка о дороге по своему смысловому содержанию как бы противопоставлена предыдущей: *Питемпи питкиесэ пуйта, маталамии муан руохоу. — Длиннее высоких деревьев, ниже придорожной травы (Макаров, 203).* Эта же загадка известна и на русском севере: *Долее долгого дерева, а ниже низкой травы (Колпакова, 1935, № 6).*

Одежда и пища — элементы материальной культуры, которые меньше всего отражены в карельских загадках. Есть несколько единичных загадок о перчатках, о сапогах, зато широко известны загадки о поясе, рукавицах, лаптях — древнейших элементах одежды. Пояс и рукавицы играли в жизни карела не только бытовую, но и определенную магическую функцию (оберег), не случайно их важная роль в свадебной обрядности (Гароева, 152).

Пояс был обязательной принадлежностью как мужчин, так и женщин на протяжении всей жизни, с детства до смерти (Virtaranta, 193—194; Фон. 1987/10; 1997/1). Может быть, в этом и причина распространенности загадки о поясе: Sie, äikkon'i, sikäli, mie, äikkon'i, täkäli, yhteh yöksi. Vuö. (Фон. 1600/12). — *Ты, сестричка, оттуда, я, сестричка, отсюда, вместе почесать будем.*

Обувь у карел была берестяной, валяной, кожаной, а в загадках нашли отражение только лапти: Юкши хийри, какши хяндюя. — *Одна мышь, два хвоста* (Макаров, 187).

Из загадок, относящихся к пище, распространенными являются загадки о яйце и муке. Загадки о яйце международные, они рассмотрены в книге Ларне «Сравнительное изучение загадок» (Larne, 1917b, 89—149).

Мешок муки — это «Люхют акка люллеройни кайкен перехен руоккину». — *Баба-коротышка всю семью кормит* (Макаров, 189). Мука в карельской семье была самой большой ценностью, и если карелы свои дома никогда не запирали, то амбары, где хранились мука и одежда, были закрыты. Не случайна карельская загадка о ключе от амбара, где хранится хлеб: Neitonä nenä nykerö, perehen leipä takana. Aitan avuaïn (Konkka, № 75). — *Девушка курносая, хлеб для всей семьи за ней.* Тесто загадывается так: Yhkäy, ähkäy kiukualla nousou (Konkka, № 45). — *Пыхтит, кряхтит, на печке поднимается; Kiätöin, jalatoin seinällä nousou* (Фон. 1696/5). — *Без рук, без ног по стене поднимается.*

Выпекали различные виды пирогов, но загадывают только об овсяных блинах — древнейшем блюде карел: Раудане латэхут, кагране катэхут. — *Железный пол, а крыша овсяная. Блин на сковороде* (Макаров, 188); Riïhi raudaine, kate kagraine (Л. 138/8). — *Рига железная, крыша овсяная.* А в северной Карелии эта же загадка уже несколько изменилась: Рийхи раутани палау, кайки пиälä киäнтэлэксше. — *Железная рига горит, кукушка на ней кувыркается* (Макаров, 188). Загадки о тесте, о блинах очень распространены; в нашем архиве имеется более 30 записей таких загадок. До революции в Карелии часто не хватало хлеба, в пищу добавляли сосновую кору: Meilä härkä tapettih, sarvet muaha hauvattih, veri vietih Viipurihin, nahka syötih piimän kanssa (Л. 22/62). — *У нас быка убили, рога в землю зарыли, кровь в Выборге*

увезли, кожу съели с молоком. Если не было муки, то из сосновой коры готовили на молоке «кашу» (Таросва, 127). Вот почему и в загадке «кожу съели с молоком».

С нищей связана еще одна загадка, общая для Карелии и Финляндии: *Puu lenti Puhäjokeh, Puhäjoki ruõrimäh. Pärkkimellä huttuo hämmennetäh* (Konkka, № 32). — *В Святую реку рябчик залетел, Святая река закружилась. Мутовка.*

Финская исследовательница Анна-Мария Рейпиля посвятила рассмотрению данной загадки специальную статью (Reinilä, 1957, 201—212). Она считает, что первоначально загадка связана с завариванием ритуального пива, отсюда легко объясняется и название реки (озера) — Святая. Постепенно с исчезновением обычая использования пива в ритуальных празднествах содержание загадки было перенесено на заваривание загусты из муки при помощи мутовки. Новая отгадка теперь распространена больше, чем первоначальная. В Карелии известен только вариант отгадки с мутовкой.

Природа и человек

Загадки, посвященные человеку, не касаются никаких качественных категорий, то есть они не дают оценки ни его внешности, ни морали. Предпочтение отдается отдельным частям тела и органам человека: чаще всего загадываются глаза, зубы, язык, рука (с пальцами, ногтями).

Нужно отметить широкую распространенность и многовариантность загадок о глазах и ресницах: *Tinani tilkettäy katajaisen kuoren alla* (Konkka, № 7). — *Оловянный мелькает под можжевелевой корой; Kaksi kultaista keryä yli orren kaččelou* (A. 26/82). — *Два золотых клубка через жердочку посматривают; Kaksi kultaista käkie yli orren tappelou* (A. 25/102a). — *Две золотые кукушки через жердочку дерутся.*

Многообразны загадки о зубах, о языке: *Lampahaista liävä täynä, keritty bokko kesellä* (Фон. 1697/4). — *Полный хлев овец, стриженный баран посередине; Luine lukku, ruine avain* (A. 22/62). — *Костяной замок, деревянный ключ. Зубы и ложка; Valgieda lammasta karžina täyzi* (A. 38/204). — *Полное стойло белых овец; Valgedad kanad ruskedal ordel* (A. 157/10). — *Белые курицы на красном насесте. Luikkau, laikkau luisien lukkujen takana*

(Konkka, № 6). — *Щебечет, стрекочет за костяными замками. Язык.*

О других частях тела и органах человека загадки не столь популярны и разнообразны; совсем нет загадок о носе, загадки об ушах единичны. Известна в Карелии международная загадка о человеке в разные периоды его жизни — на четырех, двух и трех ногах. Интересно, что здесь эта загадка встретилась и в своеобразном варианте: Huomeneksen kulkou kuuvelle jalalla, päivän kahella jalalla, illan kolmella jalalla (Virtaranta, 528). — *Утром ходит на шести ногах, днем на двух, вечером на трех. Шесть ног утром — это ребенок, стоящий в ходь-лях.*

В северной Карелии человек загадывается: Aitta alla, mylly piällä, myllyn piällä tihkumeččä, tihkumeččässä orava. Vatsa, suu, tukka ja tää (Konkka, № 84). — *Внизу амбар, над ним мельница, над мельницей густой лес, в густом лесу белка. В южной Карелии: Ennenpäi on juwret, juwril piäl on šuarat, šuaroil piäl on pačas, paččan piäs on kerä, keräl piäl on korbi, a korves ollah eläjät. Kaikineh ristikanzu. — Сначала идут корни, потом сучья (развилки), на сучьях столб, на столбе — шар, на шаре — густой лес, а в лесу жители. Человек (Макаров, Рягоев, 127—128).*

Загадка о беременной женщине, вероятно, очень древняя, так как уже затемнен смысл слов загадки: Šulkkamo šurussa, šurihiiri šulkkamossa (Фон. 1864/3). — *Лукошко в углу, землеройка (бурозубка) внутри.*

Вариант Лескова из южной Карелии: Šulkan šuruz, šubuhiiri vačas (südämez). Kohtuino akku. — *Скребется в углу, пузырчатый мышонок в брюхе (внутри). Беременная женщина (Лесков, № 81; см. также: Ljeskov, 1918, 87). Р. Нирви объясняет слово šulkkamo как особый вид хлеба (eräs leipälaji — Nirvi, 1932, 87).*

В экспедиции мы уточнили, что šulkkamo — это то же самое, что kliemiččä: своеобразное лукошко, короб (бочонок) из тонких досок (Фон. 1863/6; 2000/5). Приблизительно такое же объяснение слову kliemiččä (kliemittša) дает Словарь карельского языка (KKS, 1974). Сестры А. Я. Кузьмина и А. Я. Степанова загадали эту же загадку в таком варианте: Šurkka šurussa, šurihiiri siämessä (Фон. 1860/21). — *Чурка в углу, землеройка внутри.*

Растительный и животный мир в карельских загадках представлен менее подробно, здесь больше «пропусков», даже если брать ближайший к карелам круг явлений и предметов. Популярны загадки о тростнике, которым богаты озера: Яллат муанша, нийä илмаанша, кескинайкка вешшä. — *Поги в земле, голова в воздухе, туловище в воде* (Макаров, 192); *Mi on suora vuolomatta, silie kovertamatta?* (Virtaranta, 573). — *Что гладкое без строгания, прямое без выпрямления?* Загадывается также и хвост: *Yöt, päivät kumartelou. Korteh* (Фон. 1862/11). — *День и ночь кланяется. Хвост.*

Со многими овощами карелы познакомились довольно поздно, поэтому и загадки о капусте, огурце (см.: Евсеев, 1968, 56), моркови не получили широкого распространения. Репу же выращивали издавна, готовили из нее карельские национальные блюда, и загадки о репе известны на территории всей Карелии: *Оп круглой, га эй куудамайнэ, он зеленой, га эй педäхäйнэ.* — *Круглая, но не луна, зеленая, но не сосна* (Макаров, 190).

On kuin vasta,
eikä ole vasta,
on kuin keträ,
eikä ole keträ,
häntä kuin hiirellä,
eikä ole hiiri.

Как веник,
по не веник,
как клубок,
по не клубок,
хвост как у мыши,
по не мышь.

(Haavio, Hautala, 252)

Фрукты появились в Карелии только в последние десятилетия, многие пожилые женщины их до сих пор не признают, поэтому вполне закономерно, что о них загадок нет. Зато встречаются загадки о ягодах — бруснике, чернике, клюкве, малине и особенно о морошке: *Suo суури, мändю пиэни — мәннюн пиäs мбуккю.* — *Болото большое, сосна маленькая — на макушке сосны пирожок* (Макаров, 191); *Suo pitkä, räme¹ kaita, syötävää täysi* (A. 68/173). — *Болото длинное, бор узкий, еды полный;* *Ruskoini rubipiä, heinäni kytkyt* (A. 73/28). — *Краснуха с коростовой головой на травяной привязи.* Морошка же входит составной частью и в многочисленные загадки-шутки с предметами выбора «Что предпочтешь...?».

Из домашних животных загадываются лошадь, корова, овца, ягненок. Северные карелы занимались и оле-

¹ Räme — болото, но очень топкое, поросшее чахлой сосной.

неводством (Таросва, 34—35), но загадки об оленях карелам не известны.

Домашние животные являются объектом загадывания чаще лесных; загадки о лесных зверях и птицах рассмотрены в связи с охотничьими промыслами.

Вполне естественно, что тематика загадок о явлениях природы отражает природные условия Карелии; здесь встречаются загадки о снеге, о морозе, о метели, о проруби во льду, о шуме водопадов, о камнях на речных порогах. Ukko ull'aska, piä pall'aska, kosessa kumartelou (A. 31/25). — *Старик храбрый, голова лысая, в пороге кланяется. Камень в речном пороге.*

Istu hoapana havolla,
vesilintu vempelällä,
suutoin söi, keätöin ampu.
Lumi sulau kannolta.

Сидит свиязь¹ на валежине,
Водонплавающая на дуге, безро-
тый съел, безрукий застрелил.
Снег тает на пне.

(Virtaranta, 573)

Карельские загадки снег называют шубой: Valkie turkki piällä, kesällä kauhtana (A. 12/20). — *В белую шубу одет, а летом в кафтан.*

Tuleo kuin turkki,
elaä kuin pajari,
potkitaan kuin koiraa.

Появляется, как шуба,
живет, как боярин,
пищают, как собаку.

Снег.

(Haavio, Hautala, 425)

Снег уподобляется шубе и в русских загадках: *Шуба бела весь свет одела* (Митрофанова, № 363); *Худенька шубенка все поле покрыла* (Митрофанова, № 365).

О дожде всего одна загадка: Muah langioo, muast ei pouse. Vihma (SKS, N 965). — *На землю падает, с земли не поднимается.*

Общезвестны загадки о солнце: Arvuai, kun gasva kuatu lattiella eikä lähe kirvehillä, eikä veičilöillä (Фон. 1596/4). — *Отгадай-ка, жир разлился по полу, не отходит ни топором, ни ножом.* А в южной Карелии эта же загадка встречается в следующем варианте: Rieskad maidod lat't'iele kuattih, kyndel i hambahal ei sua porottai. Päi pasto lat'ail. — *Пресное молоко по полу разлито, ни ногтями, ни зубами достать нельзя. Солнечный свет на полу* (Лесков, № 54). Свет луны уподоблен золоту и серебру: Kultaa kujaset täynnä, hopeaista tanhuaiset,

¹ Свиязь, свияга, свистун — птица подсемейства утиных.

eikä ole omistajaa (А. 68/173). — *Золота полны дворы, серебра — загоны, и нет владельца; Kaksi kantoista merellä upotah ta kupletah. Kuu ja päivä (Konkka, 64). — Два пня в море погружаются и выплывают. Луна и солнце.*

По аналогии с данной загадкой составлена и следующая: Pölkkyнен merellä nousee ja painuu (А. 2/148). — *Чурка в море поднимается и опускается. Луна.*

Гром загадывается так: Piiterissä pino kuatu, tänne kuulu räjähdys (Фон. 1864/3). — *В Питере поленица упала, сюда грохот донесся.* В другой загадке истоки грома рядом: Ukko uunilla urahti, muori nurkassa välahti (А. 25/112). — *Старик на печке пробурчал, старуха в углу блеснула.*

Загадки о явлениях природы издавна привлекали внимание исследователей, так как считалось, что данный цикл загадок — один из древнейших и что в нем отразились древние представления народа о вселенной.

Представители мифологической школы в каждой загадке готовы были видеть прямое отражение взглядов народа на мир и явления природы: «В них (загадках, — Н. Л.) запечатлел народ свои старинные воззрения на мир божий: смелые вопросы, заданные пытливым умом человека о могучих силах природы, выразились именно в этой форме. Такое близкое отношение загадки к мифу придавало ей значение таинственного видения, священной мудрости, доступной преимущественно существам божественным» (Афанасьев, 1865, 25).

О. Миллер писал: «Загадки — это те же мифы, сокращения, сжатые формулы мифов» (Миллер, 1865, ч. I вып. I).

Э. Тейлор также связывал загадки с мифами: «Сочинение загадок до такой степени связано с мифологическим периодом в истории, что всякое поэтическое сравнение, если оно не очень темпо и отдаленно, при известной небольшой перестановке, может стать загадкой» (Тейлор, 1939, 54).

Сравнение мифа с загадкой приводит и А. Jolles, отмечая их сходство в том, что и там, и тут — вопрос и ответ, а разница — «миф — это ответ, в котором содержится вопрос, загадка — это вопрос, который требует ответа» (Jolles, 1956).

«Теперь большинство исследователей, — утверждает Л. Виртанен, — больше не считает загадки остатками мифов, но некоторые все же ищут и по-прежнему находят

в них материалы, связанные с народными верованиями» (Virtanen, 1960, 148).

Таким ярко выраженным сторонником связи загадок с мифологией является австрийский филолог Л. Садник. Она пришла к выводу, что значительная часть болгарских и македонских загадок, которые она изучала, основывается на старых мифологических представлениях; особенно это относится к загадкам о небесных телах и атмосферных явлениях (Георгиева-Стойкова, 1961, 10—11).

Ст. Георгиева-Стойкова также считает, что загадки о небе и небесных телах «отражают примитивные представления о солнце, небе, луне и звездах» (Георгиева-Стойкова, 1961, 26).

По мнению Виртанен, если принять, что космогонические загадки связаны с мифологическими представлениями, тогда с одинаковым основанием можно утверждать, что вообще все загадки основаны на верованиях и представлениях, так как космогонические загадки по стилю ничем не отличаются от других загадок; не сохранилось сведений и об их какой-то специальной функции в быту (Virtanen, 1960, 149). М. Кууси пишет: «Надо убедительнее подчеркивать, что загадки не являются остатками мифов в том смысле, как космогонические руны или мифические предания. Конечно, создатели загадок берут во внимание общие представления о земных, о подземных и о небесных явлениях» (Kuusi, 1960, 142).

«Видимо, — указывает В. В. Митрофанова, — нельзя все олицетворения предметов и явлений природы в загадках считать остатком древнейших мифологических представлений, уподобления предметов загадывания животным — следами скотоводческого, а злакам — земледельческого быта» (Митрофанова, 1965, 298).

Действительно, было бы крайностью думать, что все современные космогонические загадки являются прямым отражением мировоззрения древних людей. Вряд ли стоит утверждать, что метель представлялась карелам в образе зайца:

Jänis juoksuu jäätä myöten,
pil'pettelöy pilhua myöten,
pisteleksi pinon loukkoh,
suojeleski čunalah.

Заяц по льду бежит,
мчится по двору,
залезает в щель поленницы,
прячется в клетю.

(Фон. 1546/3)

Едва ли звездное небо видели они таким, как в загадке: Akan räččinä aijalla, täitä täysi (Konkka, № 24). — *Бабуя сорочка на изгороди, полная вшей.* Но определенные мотивы древних верований и представлений, ассоциации с рунами загадка в той или иной степени сохранила. Локи — популярный герой скандинавской мифологии — встречается и в карельской загадке о проруби: Lokinalla uusi turkki, loukko helmah leikattih (Konkka, № 23). — *У Локи(ны) новая шуба, прорезу в подоле прорезали. Прорубь осенью.*

Некоторые исследователи интерпретируют Локи как хозяина водной стихии и рыболовства (Мелетинский, 1968). Ю. Кроп считал, что мифическое имя Lokina общего корня с Louhi, хозяйкой Севера (Krohn J., 1885, 254). Очевидно, память о Лоухи, сохранившаяся в рунах, перенесена и в загадку.

Следы древних мифологических связей и представлений прослеживаются и в карельских загадках о помеле: Pörön jalka kiukuassa, pörön jalka karsinassa (Haavio, Hautala, 125). — *Медвежья лапа в печке, медвежья лапа в подполье;* Kontien luappa karsinassa (Фон. 1860/4). *Медвежья лапа в подполье;* Pöpöi da Mat'oi yhteh pezäh kävväh (A. 101/14). — *Медведь и Мотя в одну берлогу ходят. Помело и кочерга.*

Уподобление помела медвежьей лапе можно понять, обратившись к древним верованиям карел. Оказывается, медведь и сосна самым тесным образом взаимосвязаны (Haavio, 1967, 15—44). В обряде медвежьего праздника череп медведя (karhunkallo) уносили в лес на сосну: Panin ruuhun puhtaaseen, Petäjähän pienoischen, Nonkahan havusattoon. . . (Haavio, 1967, 22). — *Положил на дерево чистое, на маленькую сосну, на конну из хвои.*

Сосну считали прародительницей медведя: Hongikosta sinun sucusi, Hongotar¹ sinun sucusi (Haavio, 1967, 22). — *Из сосняка твой род, Сосновица твоя родня.* Верили, что Сосновица, хозяйка леса, держит в «строгости» медведей, ее просили беречь стадо:

Nonkatar hyvä emäntä,
Tapiotar vaimo tauno,
tule, kato karjoasi,

Сосновица, хозяйка хорошая,
Тапиотар, женщина славная,
иди, смотри свои стада,

¹ Hongotar — слово, трудно переводимое; может быть, хозяйка сосняка, Сосновица.

viihyttele viljoasi,
jottei karvaa katoosi,
puolikkaa pois menisi.

(Haavio, 1967, 23)

успокаивай посевы,
чтобы шерстинка не терялась,
волосинка не ушла.

А если медведи панадали на стадо, опять-таки обраща-
лись к Сосновице:

Pongas, Pohjolan emäntä,
Tapiotar vaimo tarkka,
poikas on pahoilla töillä,
lapseis tuiki turmioilla. . .

(Haavio, 1967, 23)

Сосновица, хозяйка Севера,
Тапиотар, женщина мудрая,
сыновья твои в набсгах,
дети причиняют бедч. . .

Помелу карелы также приписывали особые магиче-
ские свойства. Во время святок после обметения печи
помело уносили в овчарню, к овцам, думая, что от этого
будет больше ягнят у овец (Virtaranta, 580—581).

При святочном гадании у проруби знахарь, совершив
магические действия, заметая свои следы помелом
(Juginoja, 1965, 125). Весной к неводу вместе с зернами
ячменя и лягушкой привязывали ветки от помела, украд-
кой взятые в трех домах, считая, что это приносит удачу
в рыбной ловле (Virtaranta, 262).

Уподобление же помела медвежьей лапе или медведю
в народном сознании может быть связано с пережитками
представлений о родстве сосны и медведя.

В следующей загадке о помеле используется слово-
замена «мохнач» (tutturi, tuitturi, tuuhakka), тоже, оче-
видно, ассоциируемое с медведем: Tuli tutturi mečästä,
otti kullat, otti mullat, otti huokiet hopiet (Фон. 1864/3). —
*Пришел мохнач из лесу, забрал золото, золу (букв: почву),
дешевое серебро.* Данная загадка построена на цветовых
ассоциациях: яркие горящие угли по цвету напоминают
золото, а зола — землю, почву.

Тема социального протеста

Хотя предмет загадывания сам по себе и не выражает
каких-то социальных отношений, но уже в выборе пред-
метов загадывания проявляется определенная позиция
народа, обнаруживаются его симпатии и антипатии.
В основном же народное отношение к социальным явле-
ниям проявляется в способе загадывания, в образности

загадок. По наблюдениям В. В. Митрофановой, «социальные и классовые противоречия отражаются в подборе предметов загадывания, некоторых оттенках смысла, а главным образом в картинах уподобления» (Митрофанова, 1965, 298).

Социальное содержание в карельских загадках чаще всего выражается смысловыми контрастами между предметами загадывания и предметами уподобления. В зависимости от этого загадки можно условно разделить на две группы.

В загадках первой группы «высокий» предмет загадывания (церковь, колокол, пасха) уподобляется чему-то презрительно «низкому», обыденному: волку, башпой шайке и даже коровьему помету. В загадках второй группы, наоборот, отгадки — предметы простые, обыденные (соль, солонка) — неожиданно уподобляются «высоким» понятиям: попу, старосте, царю.

Эти неожиданные и резко противоположные уподобления и создают сатиричность загадки и довольно откровенно выражают отношение народа «к высокому» миру — к церкви, к властям. В первой группе мы видим в основном загадки, связанные с христианской религией, выражающие отношение народа к церкви и христианской вере. Отношение это было достаточно противоречивым. С одной стороны, карелами восприняты некоторые черты христианства и традиции, с ним связанные, а с другой — христианство оставалось далеким и непонятным и не играло определяющей роли в духовной жизни народа. Церкви в Карелии были редки, служба велась на непонятном для карел церковнославянском языке. В редконаселенных местах, как например в северной Карелии, священнослужитель бывал в каждой деревне своего прихода не чаще двух раз в году и задним числом совершал обряды крещения, венчания, отпевания умерших (Lönnrot, 1902, 154). В свадьбе беломорской Карелии роль церкви была минимальной. Венчались, когда было удобнее, до свадьбы или после — когда как. «В свадьбе священник не выполнял главной функции, а руководил всеми действиями патъвашка вместе с «плачсей» (Virvantta, 691). Детей крестили не сразу после рождения, а только при удобном случае.

В силу таких исторических обстоятельств сложилось своеобразное отношение к религии: даже усвоив внешние

черты христианства, карелы сохранили древние языческие верования и обычаи.

Такое отношение к христианству отразилось и в загадках. Загадка: *Keh ensimmäkse kaçahat, kun pirttiä tulet?* (А. 164/7). — *На кого первого взглянешь, когда в избу войдешь?* — связана с христианским обычаем при входе в избу в первую очередь посмотреть в передний угол на икону и перекреститься.

Явно иронична широко распространенная южнокарельская загадка об иконе: *Os'kaine orrel, Vas'kaine varnal, Simanaine seinäl. Trubaruu, käzipaikka, obras.* — *Осиу на полке, Васька на вешалке, Симон на стене. Палка, которой подпирают доску в курной избе, полотенце и икона* (Лесков, № 72).

Загадки о церкви: *Неро hirvi, häntä torvi seisou pyhällä moalla, pyhän pellon pientarella* (А. 14/18). — *Лошадь-лось, хвост-труба, стоит на святой земле, на меже святого поля.* В следующей загадке церковь уподоблена корове: *Möllikkö mäjellä seisou kaheksalla kantapiällä* (Virtaranta, 722). — *Корова на горе стоит на восьми копытах.* Möllikkö в буквальном переводе даже не корова, а что-то мычащее, ревушее. В уподоблении церкви корове и лошади, стоящей «на святой земле, на меже святого поля», сквозит ирония. Место лошади — не на «святой земле», тем более что обычно вокруг часовен и церквей даже строили специальные ограды, чтобы животные не могли подойти близко (Virtaranta, 724). В варианте предыдущей загадки церковь — шайка на восьми ногах: *Kарра seisou kankahalla kaheksalla kantapiällä* (А. 17/27). — *Шайка стоит на пригорке на восьми пятках.* Число восемь к приведенной загадке — это конкретная деталь: церкви на Севере строили восьмериковые (Ополовников, 1955, 10).

Talo on pohatta,
suuret puotsat pirtin päällä,
miilostia ei koskaan anna.

(Haavio, Hautala, 311)

Дом богатый,
большие столбы над домом,
милостыню никогда не даст.

В этой загадке уже не переносная, а прямая социальная характеристика церкви.

Звон церковного колокола уподобляется вою волка: *Hukka ulvou huhmarez, pitkän peldon piendares, kaijan lambin kainalos.* — *Волк воет в ступе, на меже длинного*

поля, у узкого лесного озера (Лесков, № 102). В другой загадке звон колокола — это лай собаки: Koira haukkua kolkuttau, mäen piällä mölkyttäy, sopimusta solkuttau, mies kielestä pitelöy (A. 169/12). — Собака лает, на горе твоякает, мир предвещает, мужчина за язык держит. Глаголы kolkuttau, mölkyttäy придают лаю какой-то дополнительный пренебрежительный оттенок.

Великий пост перед пасхой был очень длинным, семинедельным, в загадке он ассоциируется с болотом длиной в семь верст: Seičendy virstua suo, suon piäs pačas, pačahan piäs kuldaine jäičču (A.101/14). — Болото в семь верст длиной, на конце болота столб, на столбе золотое яйцо.

Следующая загадка о пасхе уничижительно изображает столь почитаемый церковью праздник: Kuuluv kui kuningas, leviey kui lehmän kogo (A. 103/47). — Известен, как король, широка, как коровья лепешка.

Загадок, в которых загадываются предметы, относящиеся к христианской церкви, в Карелии хоть и немного, но почти все они пронизаны иронией.

Во второй группе загадок обычные предметы крестьянского быта неожиданно метко уподобляются представителям церковных и светских властей.

Явно ироническое отношение к «духовному отцу» сказалось в загадке о навозном жуке, жужжание которого сравнивается с монотонным голосом попа во время церковной службы: Pöräjäy, kuin rappi, ei ole rappi, tuaha mänpöy, kuin tappi, ei ole tappi, lentäy kuin lintu, ei ole lintu (A. 25/106). — Жужжит, как поп, но не поп; в землю входит, как кол, но не кол; летит, как птица, но не птица.

Загадка о соли интересна своими резкими неожиданными противопоставлениями: Herrojen herkkü, kuningasten ruoka, ei syö siat, eikä koske koirat. Suola. (A. 68/173). — Лакомство господ, пища царей, свиньи не едят, и собаки не притрагиваются. Соль.

В южнокарельской загадке солонка уподоблена кулаку старосты. Stuarostan kulakku stolal (A. 38/265). — Кулак старосты на столе. Как староста был важным лицом в деревне, так и солонка на столе (ср. с пословицей: Без соли стол кривой — Даль, 1955, IV, 268).

В другой загадке светец уподобляется старосте шведскому (цыганскому): Ruočin (čiganan) stuarostu pertiz. —

Шведский (цыганский) староста в избе (Лесков, № 105).

У многих народов есть группа загадок, которая образовалась — вернее, проникла в народную среду — книжным путем после принятия христианства. По мнению исследователей, данные загадки созданы духовными лицами, а от них они попали в книгу (Георгиева-Стойкова, 1961, 68—69). В общей массе загадок процент их велик. Это не загадки в обычном смысле, а загадки-вопросы, связанные с христианской религией, для своего разгадывания требующие специальных книжных знаний о христианском вероучении, загадки типа: *Когда была такая битва, что брат брата побил? — Каин Авеля убил* (Митрофанова, № 5173). Подобные загадки известны и в Финляндии («Загадки монахов»): *Koska oli maailman suurin tappelu, niin että neljäs osa koko maailman väestä kuoli? Kainin tappaessa Apeli* (Haavio, Hautala, 329). — *Когда была самая большая в мире битва, при которой четверть мирового населения погибла? Когда Каин убил Авеля.* Несмотря на то что такие загадки существовали у обоих ближайших соседей карел — русских и финнов, у карел загадок, связанных с христианским вероучением, нет.

Многие загадки, общие в Финляндии и в Карелии, в Финляндии наряду с другими отгадками имеют и религиозные. В Карелии же отгадки религиозного содержания не известны, здесь они получили бытовую окраску. В Финляндии загадка: *Missä ihminen silloin oli, kun ei se ollut maassa eikä taivaassa? — Joones valaskalan vatsassa* (Haavio, Hautala, 333). — *Где был человек, когда не был ни на земле, ни на небе?* — имеет отгадку, связанную с христианской легендой: в чреве кита. Карелам же эта загадка известна только в качестве сказочного трудного задания: человек был ни на небе, ни на земле — а верхом на лошади.

В серии загадок, которые задает «vierissä akka» при святочном гадании, в некоторых финских вариантах на вопрос «Что один?» отвечают: «Бог»; «Что два?» — «Старый и Новый завет»; «Что десять?» — «Десять заповедей в законе» (Haavio, 1955, 349—350). У карел на первый вопрос отвечают: «Я тут»; на второй — «Глаза»; на десятый — «Десять ногтей на пальцах». Варианты с отгадками религиозного содержания здесь не получили

распространения. В этом одна из национальных особенностей карельской загадки, вызванная своеобразными историческими условиями проникновения христианства в Карелию.

Выражение социального отношения к загадываемому предмету иногда проявляется даже не в выборе предмета угодления, а в перенесении акцента на другую часть загадки: это то, что В. В. Митрофанова назвала «некоторыми оттенками смысла». Onsi puu, ränäkkä rauta onnettoman olkapiällä. Pyssy sotamiehen olalla (Konkka, 49). — *Полое дерево, дребезжащее железо у несчастного на плече. Ружье на плече у солдата.* Вариант: Ontto puu, kono honka, onnettoman olkapiällä (А. 68/173). — *Полое дерево, пустоствольная сосна у несчастного на плече.*

Загадка, называя солдата несчастным, совершенно определенно высказала свое отношение к условиям долгой царской службы, когда «ружье выдали в жены, меч на радость» — pyssy annettih akaksi, miekka mieliksi huviksi (Евсеев, 1960, 256).

Нами рассмотрены загадки по основным тематическим группам: жилище и его внутреннее убранство, предметы утвари, виды трудовой деятельности и орудий труда, способы и средства передвижения, одежда и пища, загадки о человеке, о растительном и животном мире и о явлениях природы, социальная тема в карельских загадках.

Тематика отгадок в значительной степени зависит от конкретных исторических, географических и бытовых условий жизни народа. Связь с исторической действительностью обнаруживается не только через предметы загадывания, но и через образную систему загадки. В художественной структуре загадок нашли отражение конкретные элементы, связанные с материальной культурой народа.

Загадки об окнах дома, записанные в северной Карелии, постоянно повторяют цифру шесть: Kuuši teillä, kuuši meillä, kuuši kaikella kylällä (Фон. 1862/11). — *Шесть у вас, шесть у нас, (но) шесть у всей деревни.* Числительное здесь использовано не только для аллитерации, но загадка точна и этнографически: для карельской избы было характерно именно шесть окон (Зеленин 1915, 914; Кекконен, 1929, 52, 54, таблицы).

В тексте загадки связь с историей материальной культуры может выражаться и не столь прямолинейно, как в отгадках. Иногда в загадке нет видимой аналогии с предметом быта, хозяйственной деятельностью человека, а связь эта выражена через определенную функциональную общность, как например в загадках о водопаде: *Yöt huhuou, päivät huhuou, venehtä ei tuuva. Koski* (Konkka, № 28). — *Дни и ночи кричит, лодку не пригонят. Водопад*; *(Yöt huutau, päivät huutau, ehätystä ei sua. Koski* (Фон. 1600/12). — *Дни и ночи кричит, переправу никак не получит. Водопад.*

В Карелии при необходимости путнику переправиться на другой берег реки или пролива вызывали лодку для переправы; перевозил тот, кто первым услышал крик, причем делали это всегда бесплатно. Этот способ переправы и нашел отражение в загадке о водопаде.

То, что загадка во многом достоверна и конкретна, понимается и носителями традиции. Ф. З. Степанова, загадав нам загадку о безмене: *Kieletöin, mieletöin, kaikella kylällä viestin vieu. — Без языка, без разума всей деревне вести носят,* — пояснила: *Kun tullah bezmenie kysymäh, sanotah mitä viessatah, se viestiei vieu.* (Фон. 1862/11). — *Как приходят безмен просить, говорят, что взвешивают, вот он вести и носят.*

Приведенную загадку о сетях и лодке: *Surman hirteh, sukset kumual'ah. — Смерть повесили, лыжи опрокинули* — Т. Ф. Федорова прокомментировала: *Ennen vejetit nuotat vuatolla, talveksi veneh kumoh kiännettih. — Раньше развешивали сети на вешалах, лодку на зиму опрокидывали* (Фон. 1864/3).

Загадку о скамейке: *Tšiep tšiepis, tšiep tšiepis, tšiep pätsin al. — Цепь за цепь, цепь за цепь, цепь под печью* — информатор так дополняет: *Katšo kui Kard'alas tulet pertii, lautsad on ümbäri pertin üks n'ok mänöu pätsin alle* (Virtaranta, 1964, 387). — *Видишь ли, в Карелии как в избу заходишь, лавки вдоль стен, один конец уходит под печь.*

Такими конкретными бытовыми деталями и определяется отношение загадки к действительности. Как правило, все загадки составлены о близких предметах из повседневного окружения крестьянина, из мира, который он видел вокруг себя. Иногда на выбор могли повлиять

и какие-то дополнительные факторы, конкретные в каждом отдельном случае. Из широкого мира, окружающего человека, загадка активнее изображает более древние и давно знакомые предметы и явления. Значительно больше сохранилось в Карелии загадок о старых предметах, ушедших из быта, чем создавалось о новых. Это и позволяет использовать загадки в качестве материала для этнографии, но данную возможность нельзя переоценивать. В. К. Соколова писала: «Конечно, в различных фольклорных произведениях встречаются описания жилища, одежды, домашней утвари, орудий труда, вооружения и пр. (в их числе встречаются и предметы, уже исчезнувшие из быта), но обо всем этом, как правило, известно более полно из археологических и этнографических материалов; фольклор может дать лишь дополнительные штрихи» (Соколова, 1960, 12). Эта характеристика вполне приложима и к карельской загадке.

Разгадывание загадок в свою очередь требует знания быта, материальной и духовной культуры народа, так как загадку возможно разгадать только с учетом того, что она загадывает предметы близкие и хорошо знакомые. И как следствие этого с исчезновением предмета из быта должна исчезнуть и загадка о нем. Но это нельзя представлять как явления одновременные. Бывает, что в быту какие-то детали уже забылись, стерлись, а загадка их сохраняет на протяжении длительного времени или в предметах отгадывания, или непосредственно в тексте загадки. Как правило, древние мотивы, верования, их отголоски находят свое отражение в тексте загадки, в ее художественной структуре. Загадка более консервативна, чем отгадка, но отгадка в свою очередь консервативнее, чем быт. Примеров в карельских загадках тому множество. До сих пор известны загадки о горячей лучине, о берестяном рукомоёйнике, хотя в домах их давно уже нет. Никто не печет хлеб из муки с сосновой корой, а загадку об этом еще помнят. Загадываются загадки о жерновах, мельницах, лаптях и многих других предметах, ушедших из быта (современные записи данных загадок см.: А. 164/7, 158/36, 79/174, 37/20; Фон. 1040/1, 1412/9, 1860—1868 и др.).

Окружающая жизнь, особенно в последние десятилетия, подвергается коренным изменениям, появляется много новых предметов и понятий, однако они не стано-

вятся материалом для загадок. Не только современные, новейшие предметы, но даже предметы, вошедшие в обиход карел сравнительно поздно (конец XIX—начало XX в.), такие, например, как овощи, лампа, пила, телега и т. д., загадываются сравнительно меньше, чем предметы, известные исстари. Лишь очень немногие из относительно поздних для Карелии вещей (часы, безмен, самовар) нашли отражение в загадках. В сороковые-пятидесятые годы были попытки создать новые загадки на современную тематику, но такие искусственные загадки не получили распространения, оставшись лишь в репертуаре своих создателей.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ЗАГАДОК**

С художественной стороны карельские загадки во многом соотносятся с другими фольклорными жанрами, но в то же время загадке свойственна и своя специфика. Несмотря на общие с другими фольклорными жанрами черты, загадки трудно отнести к какому-либо из трех родов фольклора.

Карельские загадки могут быть и прозаическими, и стихотворными. Загадки в стихотворной форме целым рядом мотивов связаны с традицией рун. Многие из них сохранили размер калевальского стиха, для которого характерен восьмисложник с хорейческой стопой:

Jänis juoksou jäätä myöten,
pil'pettelöy pihua myöten,
pisteleksi pinon loukkoh,
suojeleksi eunalah.

Tuisku.

(Фон. 1546/3)

Orih juoksi, ohjas lekku,
reki rautani kročasi.

Rukki.

(Konkka, № 4)

Lampahat lahen takana
syyväh kultaista kuluo,
hopiaista heinän piätä.
Hiilet hinkalossa.

(Konkka, № 18)

Некоторые информаторы до сих пор загадки калевальской метрики пытаются петь или произносить речитативом (Фон. 1860/16). В стихотворных загадках сильнее

сказывается традиционность, свойственная поэтическим формам вообще, по сравнению с прозаическими загадками. Однако и последние сохраняют многие особенности художественной структуры поэтических загадок, поэтому мы вправе рассматривать те и другие вместе.

Прозаические загадки представляются нам более поздними. Они могли возникнуть в результате начавшегося разрушения традиции поэтических загадок или параллельно с ними. О некоторых же прозаических загадках, имеющих международное распространение, вполне определенно можно сказать, что они пришли в Карелию путем заимствования. Севернокарельская традиция сохранила большую поэтичность загадок, в южнокарельских загадках преобладают прозаические формы.

Не претендуя на решение общетеоретических проблем художественного стиля загадок, рассмотрим, каким образом поэтические приемы — метафора, сравнение, эпитет, гиперболы, аллитерация — используются карельской загадкой.

Отношения загадки и отгадки

Загадка состоит из двух частей — самой загадки и отгадки. Эта двухчастность структуры загадки — одна из ее общих жанровых особенностей, имеющая международный характер. Исследователи пытались ответить на вопрос, что является главным в системе — загадка или отгадка. А. Аарне явное предпочтение отдавал отгадке: «Мы отличаем в загадке две части: саму загадку и ее решение, или отгадку. Отгадка — это что-то правдивое, загадка же является только иносказательным портретом отгадки. Отгадка существует раньше загадки, она основа всего» (Aarne, 1917b, 8).

Считая, что отгадка существовала раньше загадки, Аарне ошибочно ставил знак равенства между предметом, о котором создана загадка, и отгадкой. Предмет как таковой действительно существовал до того, как стал отгадкой, отгадка же едва ли могла возникнуть самостоятельно и раньше текста загадки. Наука пока со всей определенностью не может сказать, как и когда возникли загадки, но совершенно очевидно, что загадки создавались только на основе существующих предметов. Некоторые исследователи считают, что ведущее место

принадлежит не отгадке, а содержанию, художественному строю самой загадки (Гасанов, 1968, 14).

Очевидно, правильнее говорить о единстве загадки и отгадки как о взаимосвязанной системе. Вне этой связи теряется смысл загадки, так как загадка всегда подразумевает отгадку, а объект загадывания вне системы становится обычным предметом, не имеющим отношения к загадыванию. Поэтому правильной кажется точка зрения В. В. Митрофановой, считающей, что текст загадки и отгадка всегда взаимообусловлены и выступают вместе: «Отгадка — необходимая часть загадки и как смыслового, и как художественного целого. Если отгадки нет, загадка разрушается, утрачивается ее смысл, разрушается художественный образ» (Митрофанова, 1966а, 83).

Напрашивается вопрос, насколько прочна связь между загадкой и отгадкой. Обычно каждая загадка имеет одну определенную отгадку, но одна отгадка может иметь несколько разных загадок. Возможность существования нескольких загадок на одну отгадку зависит от свойства загадки описывать предмет не полностью, не давать его законченную характеристику, а подмечать какие-то наиболее яркие, характерные для данного предмета свойства и качества и обобщать их. Одна загадка подмечает какую-то одну деталь, особенность предмета, а другая — другое свойство, другую сторону этого же предмета. Вот, например, загадки о дыме: *Katoksel kondie plässi* (A. 157/10). — *Медведь на крыше пляшет*. Другая загадка без всякого иносказания указывает на свойство дыма подниматься вверх: *Yläh nouzou, tuah ei laskevu* (A. 157/6). — *Вверх поднимается, на землю не опускается*.

Близки ей следующие загадки: *Pmassa pusuu, a maahan ei putoo* (A. 136/45). — *В воздухе держится, а на землю не падает*; *Näet sen, vai et voi tarttuu* (A. 2/212). — *Видишь, но не можешь ухватиться*. А другая загадка «увидела» вместе с дымом и искры: *Mies truvasta tunkeutuu, sata silmyä selässä* (A. 26/11). — *Мужчина из трубы выбирается, сто глаз на спине*.

Сложнее найти объяснение обратному явлению, когда одна и та же загадка имеет разные отгадки. Это явление, вероятно, более позднее, вторичное. Первоначально могла существовать одна отгадка на каждую загадку, но с уходом старого предмета из быта загадка, древняя по происхождению, переходит на более современный предмет.

Многозначность загадки могла возникнуть и в связи с утратой тех связей, ассоциаций, по которым была выбрана метафора, и в связи с характером обобщения. Обобщенный характер описания в загадке и дает возможность перенести его свойства на другой предмет. Щель в бревне загадывается: *Ken ensimmäkse nakrau, kun pirttiä tulet?* (Конкка, № 38). — *Кто первый смеется, когда в избу входишь?* Эта же загадка отгадывается как скрип двери (А. 26/82). В загадке о двери использована звуковая аналогия скрипа со смехом, а в загадке о щели — внешнее сходство улыбки с щелью. В характере обобщения и заложена возможность переадресовки загадки на другие предметы.

Отгадка обозначает предмет, реже действие и очень редко какое-то абстрактное понятие. В этом смысле она конкретна, поскольку имеет дело с реальным миром. Но говорить надо только об относительной конкретности отгадки, поскольку она обозначает не данный определенный единичный экземпляр предмета, а предмет как таковой. Следовательно, отгадка неизбежно заключает обобщение, загадывается не строго определенный предмет, а предметы данного вида. Конкретность отгадки проявляется только в том, что она загадывает, как указала М. А. Рыбникова, видовые, а не родовые понятия (Рыбникова, 1932, 15).

Отгадка обычно состоит из одного слова, обозначающего предмет, иногда из двух слов, относящихся к паре предметов, связанных между собой, в быту часто выступающих в единстве. Карельские загадки загадывают вместе дверь и косяк, дым и огонь, угли и кочергу, котел и дужку, язык и зубы, речку и луг, лед и прорубь и т. д. Это — предметы, близкие по своему происхождению (дым и огонь) или выполняющие совместно общую функцию (язык и зубы); вместе они оказались не случайно, в них обязательно есть что-то общее, объединяющее.

Кроме вышеназванных парных предметов в отгадках встречаются и пары предметов, соединенные не по принципу каких-то общих признаков, а по резкой их противоположности. Это загадки-шутки. Отгадывающему предлагается из двух предметов выбрать лучший. Два предмета противопоставлены друг другу по вкусовым качествам или по полезности: *Ennenkö otat kuolieita kuopan täyven vain makijaista mal'jan täyven?* (А. 15/108). — *Что возь-*

мешь: полную яму мертвецов или полную чашу сладкого?
Отгадка оказывается неожиданной: репа и заячий помет.

Позитивной частью таких загадок-подвохов чаще всего выступают репа и моронка — древние карельские лакомства, а противопоставляются им помет, навоз, лягушка, змея и т. д.

Отгадка, хотя и значительно реже, может скрывать и целую группу предметов, обычно три-четыре. Так, в одной загадке загадываются ложка-зубы-язык, кочегда-помело-ухват, лошадь-воз с сеном-топор на возу, сети-лодка-рыба и т. д. Обычно эти предметы так или иначе связаны между собой, объединены в некий функциональный комплекс.

В сборниках Ганадера (№ 255) и Лепирота (№№ 1443—1447) есть загадка: Puun pukelo, maan makelo, heinän hiipra, aidan kiikka (kirves, kuokka (lario), viikate, harava). Загадка трудно переводима, отгадки у нее — топор, мотыга (лопата), коса и грабли. В вариантах загадка сохранилась до сих пор (А. 26/120; Konkka, № 83). В такой «наборной» загадке выбор предметов также не случаен; как видим, все предметы обозначают хозяйственный инвентарь.

Обычно загадки не просто перечисляют предметы, а передают какой-то процесс. Так, ложка, зубы и язык передают процесс еды: Puinen pistää, luinen leikkaa, pikkarainen hämmentää (Haavio, Hautala, 81). — *Деревянный подносит, костяной режет, маленький помещивает.* А сети, лодка и рыба передают действия человека по возвращении с рыбалки: сети развешиваются, лодка опрокидывается, рыба уносится в дом. Процесс действия связан с выполнением женских работ: доением коров, стрижкой овец, прядением шерсти, обработкой льна, вязанием на спицах и т. д. Хотя отгадок, обозначающих действия, по сравнению с предметными отгадками меньше, но они популярны и близки крестьянскому мировосприятию.

Очень незначительное количество в Карелии отгадок, обозначающих абстрактные понятия, такие как мысль, сон, мир, слава, терпение. Встречаются они только в одной-двух записях и, видимо, не имели широкого распространения: отгадка не любит обобщений, абстракций, то есть того, что нельзя увидеть и осязать.

Самыми популярными объектами загадывания в Карелии (учитывая количество записей загадок и их вариантность) оказались прялка, кошель, рыболовные сети, лодка, каменка в бане, самовар, дым и огонь, яйцо, водопад, зубы, глаза и т. д.

Метафоры в загадках

Изучению метафоры в разных аспектах посвящено немало работ, но в вопросах о происхождении и развитии ее до сих пор остается много неясного и противоречивого. Существуют определенные точки соприкосновения в происхождении метафоры (Мелетинский, 1972, 157), кеннингов и загадок и их связи с табу слов. Встречаются указания на связь загадок с кеннингами, приемом скальдической поэзии (Колесницкая, 1941; Стеблин-Каменский, 1957; Virtanen, 1960). Исследователи считают, что своеобразие метафор и кеннингов порождено древними формами мышления. «То, что для нас не более чем метафора, которую было бы нелепо понимать буквально, представляло сознанию средневековых людей в качестве символа, видимого образа незримых сущностей. Символ в средневековом его понимании не простая условность, но обладает огромным значением и исполнен глубочайшего смысла» (Гуревич, 1972, 265; там же о кеннингах, 72—73).

В эпической поэзии метафора употребляется в ряду других поэтических троп, а в загадке метафора доминирует. Большая часть загадок образована с помощью метафор. Известно, что еще Аристотель определил загадку как «хорошо составленную метафору». Самыми распространенными и, очевидно, древними являются метафорические загадки. Состоят они, как правило, из двух частей. Аарне вслед за Леманом-Ницше и Сидовым называл эти части основным и дополнительным элементами загадки (Aarne, 1917b, 1). Они всегда связаны между собой и выступают в единстве, но в загадывании им отведены прямо противоположные функции. Целью «основного элемента» является ввести отгадывающего в заблуждение, затруднить отгадку, а второго, «дополнительного», помочь разгадке.

К такому же пониманию загадки приближается А. Тейлор (Georges, Dundes, 1963). Загадка, по Тейлору,

заключает два описания предмета: неясное основное описание и дополнительные детали, которые вводятся для того, чтобы противоречить основному описанию. Называет их Тейлор по-разному — позитивные и негативные элементы, или фигуральное и буквальное описание.

Позитивная часть загадки вводит слушателя в заблуждение, так как иносказательное описание предмета принимается за буквальное. Так, в загадке: *(Что-то) имеет глаза, но не видит* — позитивный описательный элемент «глаза» — метафора отгадки «картошка», в то время как негативный описательный элемент «не видит» — совершенно дословный (Georges, Dundes, 1963, 76).

Основная часть загадки — это и есть метафора, тот предмет, которому уподоблена отгадка. Например: *Peronen tallissa, häntä katolla* (Konkka, № 41). — *Лошадь в конюшне, хвост на крыше*; *Pedru pellol hurpui, d'allad muah ei koskei* (А. 102/39). — *Олень на поле прыгает, ноги до земли не достают. Люлька*; *Ukkoni ryöök-käini kuusi kussakkuu vuyöllä* (Фон. 1532/4). — *Старичок низенький (неказистый) шестью поясами подпоясан. Бочка.*

Во всех этих загадках реальный конкретный предмет отгадки в тексте загадки заменен другим предметом — метафорой. Иногда между отгадкой и предметом замещения можно найти определенную аналогию, в таком случае — уподобление простое, логичное, очевидное, оно как бы лежит на поверхности, и отгадывающему ясно, почему отгадка уподоблена данному предмету. По Аристотелю, создавать хорошие метафоры — значит подмечать сходство.

Муравейник уподоблен котлу на основе сходства их внешней формы, а беспрестанное движение муравьев — кипению: *Kattila mäjellä kiehuu ilman puita, keittäjiltä, kokitta, kohentajitta, pavaritta, paistajitta* (Konkka, № 74). — *На горе котел кипит без дров, без кухарок, без коков, без поваров, без пекарей*; *Mies mečäh mänöy, rieskaset jälellä jääy* (Konkka, № 16). — *Человек в лес идет, сзади лепешки остаются. Следы от колец лыжных палок.* В загадке уподобление следов от лыжных палок лепешкам можно объяснить их совпадающей круглой формой. *Lindu siivet levitti, taivahan peitti* (А. 115/29). — *Птица крылья распластала, небо закрыла.*

Уподобление тучи птице в данном случае вполне закономерно и оправданно.

В некоторых загадках уподобление связано с какими-то древними ассоциациями, сейчас почти забытыми. Таковы загадки о рукомойнике, уподобленном берестяному или медному кабачку и целовальщику, о помеле, уподобленном медвежьей лапе, т. д.

В определенной группе загадок уподобление вообще носит формальный характер: Ukkoni luŕykkäni kaikilda helmet kaččou (А. 65/102). — *Маленький неказистый мужичок всем под подошвы заглядывает. Порог.* Очевидно, у «неказистого мужичка» нет общих черт с порогом. По мнению Л. Виртанен, «юмор загадок по большей части основан на том, что сопоставляются два предмета, у которых, по обыкновенным понятиям, не может быть ничего общего» (Virtanen, 1960, 149).

Формальным характером уподобления можно объяснить то, что совершенно разные отгадки уподобляются одному предмету. Кроме порога, еще множество самых разных отгадок уподоблены мужчине (старик) (mies-ikko): изба, дверная ручка, веник, дым, свеча, камень, лодка, репа, пень, самовар и др. Различные по свойствам, функциям и виду предметы уподоблены медведю: Katoksel kondie plässi (А. 157/10). — *Медведь на крыше пляшет. Дым;* D'oga pertis kondie čupus (А. 157/10). — *В каждой избе медведь в углу. Печь;* Ülen suuri korbi, korbes kondiet. Tiäid. — *Очень густой лес, в лесу медведи. Вши* (Лесков, № 125); Kontie korolla seisou, kolme jalkua perässä (А. 2/184). — *Медведь на возвышении стоит на трех ногах. Самопрялка, также котел* (А. 25/112; А. 26/82). А медведь на одной ноге — это гриб (Konkka, № 85).

Популярным является прием, при котором предмет уподобления вообще не назван, но он в загадке описывается как живое существо: Yhkäy, ähkäy kiukualla nousou. Taikina (Konkka, № 45). — *Пыхтит, кряхтит, на печке поднимается. Тесто;* Kiätöin, jalatoin seinällä nousou (Фоп. 1696/5). — *Без рук, без ног, на стену поднимается. Тесто.* Такова же загадка об ушате: Yöt kaččou, päivät kaččou, silmieh ei räpähytä. Korvon korvat (Konkka, № 30). — *Дни и ночи смотрит, глазами не моргнет. Уши у ушата;* Yöt vestäy, päivät vestäy, lastuo, ei sua. Kello (Konkka, № 29). — *Дни и ночи строгают,*

цепок нет. Часы; Mielletöin, kioletöin, muailman viisas. Pesmeni (Konkka, № 76). — Без языка, без разума, умнее всех. Безмен. По такому же принципу созданы загадки о серпе, ножницах для стрижки овец, о щели в стене, о водопаде, жвачке у коровы и т. д.

Излюбленным приемом метафоризации в карельских загадках является одушевление неодушевленных предметов, а обратный прием — показывать одушевленные предметы как неживые существа — встречается значительно реже.

Многие из наиболее популярных объектов загадывания, например самопрялка, кошель, сеть, самовар, ни разу не встречаются в качестве уподоблений, и наоборот — дикие животные, редко являющиеся предметом загадывания, в качестве предметов уподобления выступают часто. О медведе всего одна загадка, а как уподобление он использован часто. Совсем нет в Карелии загадок о волке, лисе, мало — о зайце, но уподобление волку и зайцу излюбленно. В южнокарельской загадке серп уподобляется волку: *Gurbselg hukk peldon puhastau (A. 157/10). — Горбатый волк все поле почистил. Воз сена — это тоже волк: Juoksoo hukku hurhettaa, hukal villat pörhöttee. Heinureki. — Бежит волк, трусит, у волка шерсть торчит. Воз сена (Макаров, Рягоев, 193).*

А в севернокарельской загадке волк — это челнок, с помощью которого ткут полотно: *Hukka uija ulloteli, ruaparursi pulloteli, sula iessä, jä jälessä (Фон. 1864/3). — Волк плыл, красный парус развевался, впереди талое, сзади лед; Susi juoksou suuren meren rannas, suuren sil'män kiiroittelov, pitkiä händyä pörhöttelöv. Nuotta (A. 103/20). — Волк бежит по берегу большого моря, большой глаз выпучил, длинный хвост взъерошил. Невод. Звон церковного колокола, раскаты грома уподоблены вою волка. Воз сена, метель, лодка, люлька, мука и другие предметы уподоблены зайцу. Soloi suot — müöti, jänöi jääd — müöti, plockk — oöin vastah. Kangas — kundonu. — Цапля по болоту, заяц по льду — стук лбами вместе. Ткут полотно (Лесков, № 24); Jänis juoksou jäätä myöte, pil'pettelöy pihua myöten, pisteleksi pinon loukkoh, suojeleksi čunalah (Фон. 1546/3). — Заяц по льду бежит, мчитя по двору, залезает в щель поленницы, прячется в клету (вариант: Jänis juoksi jeätä myöte, pirpetti pihoja myöte, pisti peäh pinon rakoh) (Virtaranta, 574).*

Предметы уподобления, так же как и отгадки, всегда конкретны, никогда нет уподоблений животному вообще, а называется конкретное животное. Исключение составляет уподобление птицам: *Pikku lintu liinahäntä läpi seinän lentelöy. Niekla ta rihma* (Konkka, № 12). — *Птица маленькая, хвост льняной сквозь стену летает. Ковш, туча, комар также уподоблены птице вообще, но чаще все-таки называются конкретные птицы: дятел, рябчик, ворона, журавль, глухарь и др. Tiainen tikun penässä ruotsiksi riukuttau* (А. 2/82). — *Синица на конце цепки по-шведски щебечет. Спичка.*

Из домашних животных в карельских загадках в качестве уподоблений наиболее популярны овца и конь. *Lampahat lahen takana syvääh kultaista kuluo, hopiaista heinän piätä. Hiilet hinkalossa* (Konkka, № 18). — *Овцы за заливом едят золотую траву, серебряные верхушки трав. Угли; Orih juoksou, oščuah nuolou. Kiukua lämpiey* (Konkka, № 19). — *Жеребец бежит, лижет свой лоб. Печь топится; Orih juoksi, ohjas lekku, reki rautani kročasi. Rukki* (Konkka, № 4). — *Бежал жеребец, хлопали вожжи, железные сани скрипели. Самопрялка.*

Река уподобляется кошу в загадке: *Orih d'uoksou, ohdaksed siih d'iäy* (А. 38/244). — *Жеребец убегает, вожжи здесь остаются.*

Самые различные по функциям, материалу, форме и цвету предметы загадывания — печь, рига, пень, мешок муки, каменка, ключ от амбара, дым, свеча и многое другое — карельская загадка уподобляет людям. Это может быть мужчина (*mies, mužikka*), старик (*starikkaini, starčad, ukkoini, ukko*), женщина (*akku-akkaini*), девушка (*neičyt, neitoni*), брат (*velli*), сестра (*sizär, čikko*). Иногда наблюдается «очеловечивание» животных. Кошка — это «мужик, идущий в лес» или «старик (бабка), залезающий на печь».

Л. Виртанен заметила, что при загадывании маленького предмета говорится о маленькой женщине или пизеньком мужчине, но очень редко предмет уподобляется ребенку (Virtanen, 1960, 154). Это замечание полностью относится и к карельским загадкам. Для карельской загадки характерно использование соответствующих эпитетов (*huučykkäini, гууҷуккәини, lylleröini*) или уменьшительно-ласкательных суффиксов (*mužikkaini, neitoni*) для указания на маленькие размеры предметов: *Mužikkaine*

gryuuhnäine kai kiäd kaččou. Kiägy ukxes (A. 38/245). — *Маленький мужичок у всех руки разглядывает. Дверная ручка; Lyhyt akka lylleröinen, peä tasanen talleröinen koko kansan syöttelöy (A. 68/173). — Бабка короткая, толстенная, голова круглая, гладенькая, весь народ кормит. Мешок муки.*

Только в единичных загадках встречается уподобление ребенку. Помело — это «kolme lasta karsinassa» (Фон. 1542/1) — *Трое детей в подполье*. В южнокарельской загадке вой ветра сравнивается с плачем ребенка: Itköy kui lapsi, ulvou kui koira (A. 157/12). — *Плачет как ребенок, воет как собака.*

Загадки используют в качестве уподобления и родственные отношения. Бревна сруба, жернова уподобляются мужу и жене; когда нужно указать однородные предметы, или предметы, связанные функционально, их называют братьями и сестрами. Глаза — это два брата или две сестры; концы мотовила, ножки стола, вымя у коровы загадка называет четырьмя братьями или сестрами. Kaksi vellestä, yhen muamon lapsia, kesällä kaunchemmat, talvella rumemmat. Päivä ja kuu (A. 12/78). — *Два брата, дети одной матери, летом красивее, чем зимой. Луна и солнце.*

В международных загадках дым и огонь — это отец и сыновья или мать и дочери.

По сравнению, например, с русской загадкой в карельских имена собственные в качестве уподобления встречаются значительно реже — и предпочтительнее имена мужские. В севернокарельской загадке веник назван Иваном: Picni Iivana huppiy hoppiu, yhteh čuppuh čurvistautuu (A. 2/28). — *Маленький Иван попрыгает-поскачет, в одном углу присядет.*

Общей северно- и южнокарельской является загадка: Yksi silmä Siitarilla, seki seipähän nenässä. — *Один глаз у Сидора, и тот на конце кола*. Отгадки к ней: riihen gerpänä — *окно в овине*; kezru, kečoi — *прясло и веретено*. Avai Pekko piiloizen, kai karju ulos. Lammahan babero. — *Открыл Петр щелочку — все стадо вон. Овечий помет* (Лесков, № 120). А в северной Карелии эта же отгадка загадывается: Piikki nosti peikaloh, pereh pellola remahti. Lammas ja lamraan papelot (Konkka, № 1). — *Колочка подняла большой палец, семья на поле выскочила*. Только в двух южнокарельских загадках встретились женские

имена — Окулина и Мотя: Okulin ojas, nenä kuival. — Акулина в канаве (ручейке), нос на суше. Ковш (Лесков, № 52); Pöroi da Mat'oi yhteh pezäh kävvhäh (А. 101/14). — Медведь и Мотя в одну берлогу ходят. Помело и кочерга.

В редких случаях и клички животных используются в качестве уподобления. Meijän Must'ikoi on moine: kannu vetty mi tahto — kai juow. Кулын рэщй. — Наша Чернушка (кличка коровы) такова — наноси воды сколько хочешь, она все выпьет. Каменка в бане (Макаров, Рягоев, 127); Ruskoini rubiriä, heinäni kytkyt (А. 73/28). — Краснуха с коростовой головой, а привязь травяная. Морошка.

Использование в загадках имен собственных продиктовано той конкретностью, точностью, к которой стремится загадка, но используются они в нарицательном смысле в целях аллитерации, экспрессии, большей выразительности, потеряв, естественно, всякую связь с конкретным именем собственным.

Неодушевленные предметы довольно редко используются в качестве уподобления. В основном это предметы домашней утвари: сковорода — это рига, следы от лаптей — амбары; здесь встречаются клубок (kezrä), кружка (tuorpi), корзина (vakka) и некоторые другие.

Небо, тучи, лед уподобляются видам одежды: небо — бабья сорочка на изгороди (akan räččinä aijal), тучи — одеяло (vaipra), лед и снег — шуба (turkki), ночь — мужчина с черным одеялом (mies, musta vaipra). Отгадки, являющиеся частью целого предмета, уподобляются этому предмету. Так, мох между бревнами сруба уподобляется болоту: suo pertiz — болото в избе (Лесков, № 115), соль — море в избе — meri pertiz (Лесков, № 116).

В целом неодушевленные предметы по сравнению с одушевленными в роли уподоблений менее популярны. Если одушевленные предметы встречаются в качестве предметов уподобления во множестве загадок, то каждый неодушевленный предмет, как правило, является метафорой только в одной загадке.

Особую группу составляют так называемые загадки-абракадабры, построенные на использовании слов, не имеющих конкретного смыслового значения.

Mi on piässä kiirin kuarin,	Что впереди вкривь-вкось,
mi on kiäritty perässä,	что перевязано сзади,
mi on kiiltäjä kiärityssä?	что блестит на перевязанном?
Heponi, heinäreki, kirves.	Лошадь, воз сена, топор.

(А. 29/1)

Mil'on virvet viirin-vuarin,
kiärityssä perässä kirkas?

Heinäreki.

(Фон. 1598/3)

На чем дратва крест-накрест,
что яркое на нем сзади?

Воз сена.

Приведенные загадки — это усеченные варианты древних цепных загадок, которые были широко распространены, а в Эстонии и в Ингерманландии цепные загадки сохранились в форме диалогических песен (Virtanen, 1966):

Hanriikki hatuli,
Sarvipää satuli,
karvoja kiskoo,
villoja viskoo.
Heinähanko.

(Haavio, Hautala, 259)

Sikli-sokitellen,
siiëü-viiëutellen,
juhku-jahkutellen.
Siekla, jauhinkivi, huhmari.

(Фон. 1690/5)

Jiestiy, jiestiy, kovestiu, kovestiu
jiestin jälki näkyy,
kovestin jälki ei nävy.
Reki ja vench.

(Konkka, № 51)

Mi on tehty minkin-mankin,
minkin-mankin mahtavasti,
hilahuttu hilakivillä,
voijettu vuaran mussikoilla.
Lehmän sitta.

(Konkka, № 52)

Загадки со словами, по имеющим конкретное смысловое значения, существуют и у других народов, например русская загадка:

Пришел шуру-муру,
унес чики-брики,
мякинчики увидали,
жителейкам сказали,
жителейки шуру-муру догнали,
чики-брпки отняли.

(Садовников, № 1553)

М. Кууси относит появление загадок-абракадабр к позднему средневековью, хотя отдельные признаки их

встречаются уже в раннекалевальских ценных загадках (Suomen kirjallisuus, 1963, 379).

Таковы основные способы замены отгадок предметами уподобления в карельских загадках. В тексте загадки никогда не называется предмет загадывания, то есть отгадка. Отгадка заменена другим предметом. Как выбирался предмет замены, существовал ли строгий критерий его выбора — сказать трудно. Ясно одно — предметы уподобления, так же как и отгадки, взяты из близкого окружения человека.

Популярность объектов загадывания и предметов уподобления не совпадает. Более того, создается впечатление, что загадка в качестве уподобления отдает предпочтение тем предметам, которые реже или даже совсем не являются отгадками. Например, собака в карельской загадке не загадывается, но используется в качестве уподобления. Трепание льна, рубка леса, звон церковного колокола уподоблены лаю собаки, соха — это собака, считающая волны. Загадок о сверхъестественных силах нет, а в качестве предметов уподобления они используются в целой группе загадок: сучок — это глаз беса (biesan silmä — А. 38/196), каменка в бане — бесова шапка (biesan suarka — А. 38/204), веник — жена водяного (vetehisen akka — Naavio, Hautala, 1950, 192), печь — черт в углу (čorttu čipus — А. 115/29), станок, с помощью которого ткут полотно, — чудо в избе (čuohto — А. 17/27).

В мире отгадки больше неодушевленных предметов, вероятно, потому, что их больше вокруг человека, их больше в природе, а при уподоблении явное предпочтение отдается одушевленным предметам.

В. В. Митрофанова пришла к выводу, что в русских загадках «мир предметов замещения оказывается несколько более широким и в охвате, разнообразии, а также во времени по сравнению с миром отгадок» (Митрофанова, 1971а, 150). А. Тейлор считает, что в европейской загадке мир сравнений уже мира отгадок, многие предметы, широко распространенные в отгадках (например, тыквенные растения, яйцо), совсем не встречаются в качестве предметов уподобления (Taylor, 1951, 5).

В карельской загадке круг предметов уподобления уже круга предметов загадывания по той причине, что многочисленный мир неодушевленных предметов слабо представлен в качестве предметов уподобления. Кроме

того, в уподоблении часто повторяются одни и те же предметы, особенно распространены уподобления людям и животным.

Связь между текстом загадки и отгадкой не может осуществляться через метафору: функции метафоры — затруднить отгадку, ввести отгадывающего в заблуждение, увести от правильного решения. Связь между загадкой и отгадкой осуществляется через «дополнительную» (по терминологии Аарне) часть текста загадки. Эта часть и помогает найти путь к отгадке, является связующим звеном между отгадкой и загадкой. Как мы видим, не весь текст загадки метафоричен, не все детали использованы в переносном смысле, в загадке есть и конкретные детали, используемые в прямом значении слов. Особенно важна роль дополнительной (конкретизирующей) части при формальном уподоблении, когда у метафоры нет никакой аналогии с объектом загадывания, когда метафора совсем «не подсказывает». Например, ключ от амбара и свеча уподоблены девушке: Neitoni nenä nykerö, perehen leipä takana, Aitan avain (Konkka, № 75). — *Девушка курносая, хлеб для семьи за ней*; Neiti nuori, nenä nykerö, liinaraijassa liikkuu. Tuohus (Konkka, № 73). — *Девушка молодая, курносая, в льняной рубашке ходит. Свеча*. Здесь в прямом значении использованы детали «хлеб для семьи» и «льняной».

Таковы же загадки: Ukoine krühnäine kaksele-piäle oksendav. Käästii. — *Горбатенький мужичок на две стороны плюет. Рукомойник* (Лесков, № 128); Ukoine krühnäine kaikile kättü annav. Kiägy. — *Горбатенький мужичок всем руку подает. Дверная ручка* (Лесков, № 129); Ukoine krühnäine, tuha(t) miestu kuadav. Vikateh. — *Горбатенький мужичок тысячу молодец роняет (валит). Коса* (Лесков, № 131).

Вторая часть во всех приведенных загадках более конкретна и в определенной степени «подсказывает» отгадку. Если предметы уподобления зачастую выбраны произвольно, не имеют никакой связи с отгадкой, то дополнительный элемент обычно имеет какую-то конкретную деталь, ведущую к отгадке. Это бывает цвет, форма, материал, количественные отношения, функция, действия предмета-отгадки. Этими прямыми свойствами и действиями в загадке как бы заложена «подсказка», возможность отгадки, это как раз то объективное, что ведет

к отгадке. Иначе загадку вообще невозможно было бы отгадать.

«Дополнительный» элемент загадки одновременно выполняет как бы двойную функцию: своей определенной достоверностью и конкретностью подсказывает отгадку, а с другой стороны, наряду с метафорой, составляет художественное своеобразие загадки. Здесь принцип в том, что свойства, качества, количественные отношения и действия, вполне реальные и уместные для отгадки, перенесенные на предмет уподобления, вызывают не существующие в природе картины, чем и создается необычность и неправдоподобность мира загадки, ее художественная специфика.

Не все загадки можно расчленивать так строго по системе, но многие метафорические загадки содержат «путающие» и «подсказывающие» части. В то же время известны загадки, которые невозможно разгадать, в которых нет конкретных деталей, вся загадка построена на переносном значении слов. М. Кууси в «Неписаной литературе» пишет: «Многие древние загадки. . . так затемнены, что их на протяжении столетий вряд ли кто-нибудь мог разгадать путем чистых логических умозаключений: их необходимо было только заучить и знать» (Suomen kirjallisuus, 1963, 380).

К таким загадкам, которые нельзя отгадать путем «логических» умозаключений, относятся и загадки-вопросы, требующие конкретных ответов, многие загадки-абракадабры. Анализируя загадку, нужно помнить, что загадка в целом — это художественная система и воспринимается слушателями как целое, в этой целостности ее эстетическая ценность.

Сравнения

Основным способом образования карельских загадок является уподобление предмета загадывания другому предмету, но наряду с уподоблением встречаются и сравнения. Неоднократно отмечалась широкая распространенность сравнений в загадках (Аникин, 1957, 77; Китиков, 1970, 219—220), однако данный способ образования загадок не является ведущим.

На первый взгляд метафора и сравнение — понятия достаточно близкие, но метафора в загадке полностью заменяет предмет загадывания, а при сравнении сопоста-

вляются два предмета по каким-то общим признакам: по цвету, размерам, форме, функциям. Сравнения, как правило, бывают двух видов: прямые и отрицательные. Прямые сравнения — такие, в которых «сопоставление изображаемого явления с каким-либо другим, похожим на него, дается в прямой утвердительной форме» (Абрамович, 1975, 156).

Самыми распространенными загадками, в которых использовано сравнение, являются загадки о сороке: *Musempi nokie, valkiempi vitie, korkiempi kotua, matalampi rekie*. Паракка (Konkka, № 70). — *Чернее сажу, белее снега, выше дому, ниже саней. Сорока*. Загадка о сороке международная, широко распространена у финнов, эстонцев, русских и других европейских народов (Аагле, 1917b, 78—79).

Другой пример — загадка о морозе: *Kulkou muat kun kuninkas, vajeltau kun valtaherra* (A. 12/52). — *Обходит земли, как король, путешествует, как господин. Мороз*. Мороз всемогущ, ему все подвластно, поэтому понятно и сравнение его с королем и господином.

Особой формой являются отрицательные сравнения, распространенные в фольклоре многих народов. В карельской загадке отрицательные сравнения не получили широкого распространения, они встречаются только в загадках о репе и павозном жуке: *On kuin vasta eikä ole vasta, on kuin keträ eikä ole keträ, häntä kuin hiirellä eikä ole hiiri*. Nauris (Haavio, Hautala, 252). — *Как веник, но не веник; как клубок, но не клубок; хвост, как у мыши, но не мышь. Репка; Pöräjäu kuin rappi, ei ole rappi, muaha mänöy, kuin tappa, ei ole tappi, lentäy kuin lintu, ei ole lintu*. Sontiainen (A. 25/106). — *Жужжит, как поп, но не поп, в землю входит, как кол, но не кол, летит, как птица, но не птица. Жук; Kiiltää, kuin rappi, ei ole rappi, laulaa kuin rappi ei ole rappi* Sittäpörrö (Фон. 1547/6). — *Блестит, как пуговица, но не пуговица; поет, как поп, но не поп. Жук*.

Этими примерами в основном и ограничивается количество карельских загадок, в основе которых лежит сравнение, прямое или отрицательное. Образование карельских загадок с помощью сравнения не является типичным приемом, хотя загадки, составленные с помощью сравнения, широко известны (в большинстве своем они международные) и, очевидно, довольно древние.

Эпитет

Эпитеты выполняют в загадках в первую очередь эстетическую функцию, в то же время они служат в системе загадки одним из средств, ведущих от загадки к отгадке, помогающих найти ее решение. Эпитет грамматически относится к метафоре и ее характеризует, по, как правило, указывает свойства и качества не метафоры, а отгадки — в этом «подсказывающая» возможность эпитета. *Ruskie lähtömä liävän ovilta heinyä kuutustau* (Фон. 1860/4). — *Красный теленок с дверей слева за сеном тянется. Огонь в печи.* Свойство отгадки — красный цвет огня — перенесен на метафору — теленок. *Hebo gaudaine, häнды liipaine* (А. 75/57). — *Конь железный, хвост льяной. Игла.* Соединяя несоединимое — красный теленок, железный конь, — эпитеты создают непривычные картины, алогизмы, которые так свойственны загадке.

Эпитеты в загадках указывают на размеры, форму, материал, цвет предмета, реже на оценочные, вкусовые качества. Загадка подчеркивает всегда что-то необычное и в размерах предмета, она склонна увидеть в предмете крайнюю степень качества и этим удивить. Подчеркиваются, например, маленькие размеры предмета, его неказистость (*pikkaraini, huuyökkäini, guššökäini* — маленький; *pikku lintu* — маленькая птичка; *pieni Iivana* — маленький Иван; *lyhyt akka* — маленькая, короткая бабка), или же предмет сильно преувеличивается (*suu suuri, kita leveä* — рот большой, пасть широкая; *pitku Semoi* — длинный Семен). Нередки противопоставления большого и маленького, широкого и узкого: *Pitempi pitkie puita, matalampi muan guojoja* (Конкка, № 56). — *Длиннее длинных деревьев, ниже низкой травы. Дорога;* *Pirtin levevys, lehen kepehys. Lämmin pirtissä* (А. 3/28). — *Широкой с избу, а легкий как лист. Тепло в избе;* *Suu suuri, mäнды pieni, männyn peez mezimöykky. Muuroi* (А. 115/29). — *Болото большое, сосна маленькая, на сосне медовый колобок. Морошка.*

Форма предмета также необычна, он или кривой, изогнутый, или совершенно прямой, гладкий: *Kiekeröini, kuakeroini kaikki pelot kävelöy* (А. 2/28). — *Кривой, изогнутый все поля обходит. Серп;* *Mi on suor a vuolomatta, silie kovertamatta. Kaisla* (Virtaranta, 573). — *Что гладкое без строгания, прямое без выпрямления? Тростник.*

Цветовые эпитеты в основном прилагаются к предметам, обладающим ярким цветом, — огонь, угли, ягоды — или резкой контрастностью цветов — белое и черное (лучина, день—ночь и т. д.). Надо отметить, что цвета используются только основные, явное предпочтение отдано черному, белому, красному, реже встречается синий и зеленый, а оттенки цветов, их многочисленные переходы в загадке не находят отражения. Цвет предмета отгадки перенесен в загадке на предмет уподобления, вот почему мы можем встретить явные нарушения существующих в природе цветовых сочетаний: *musta suu* (черный рот), *punainen tukka* (красные волосы), *punainen hepo*, *valkoinen harja* (красная лошадь, белая грива), *poigu sinine* (сын синий).

Такое необычное использование цвета свойственно не только загадке, но и эпической поэзии, где также встречаются неожиданные цвета:

*Min' oon neito maalta,
millä maal on puut punaiset,*

*puut punaiset, maat siniset,
keltaiset petäjän kerkät,
hopeaiset hongan latvat. . .*

Я девушка из той страны,
из той земли, где деревья

красные,
деревья красные, земли синие,
вершины сосен желтые,
верхушки сосен серебряные.

(Okkonen, 1913, 42—43)

Красный, белый, черный, синий цвета чаще других используются в рунах (Relander, 1894, 240). Те же цвета, кроме синего, встречаются и в загадках.

Рассмотренные непривычные цвета предметов возможны только в тексте загадки, в сочетании эпитета с метафорой, но кажущаяся явная нелогичность превратится в реальную логическую связь в сочетании этого же эпитета с отгадкой. Как мы видели, красный телянок — явный алогизм, но стоит перенести этот же эпитет с метафоры на отгадку (огонь), как всякая алогичность исчезает.

Для многих жанров фольклора характерно обращение к золоту и серебру. Карельская загадка также обращается к «золотому» и «серебряному» в качестве эпитетов: *Lampahat lahen takana syyväh kultaista kuluo, hopiaista heinän piätä. Hiilet hinkalossa* (Konkka, 1973, № 18). *Овцы за заливом едят золотую траву, серебряные верхушки трав. Угли; Kuldastu kerästy punuine täyzi. Hiilet tulehmos* (А. 38/245). — *Полные закрома золотых клубков. Угли;*

Läksi kuoma kuomihis,
piperi paperihis,
kirpoi kultani avuan;
kuu löysi, päivä peitti.
Kaste auringon laskiessa.
(Haavio, Hautala, 400)

Попшла кума к куме,
обронила ключи золотые,
луна нашла, солнце спрятало.
Роса.

В загадках использование эпитетов «золотой» и «серебряный» обусловлено, вероятно, тем, что горящие угли, роса при восходе солнца могут вызвать ассоциации с цветом золота и серебра.

Эпитеты указывают на материал, из которого изготовлен предмет загадывания, но в сочетании с метафорой они создают нереальные картины: железные сапоги (соха), деревянные челюсти (чесалки), железная кошка (игла) и т. д. Чаще других используются эпитеты: железный, деревянный, льняной, костяной, оловянный.

Более отвлеченные, оценочные, вкусовые эпитеты встречаются значительно реже: kieletoin, mieletoin (без языка, без разума), viisas (умный), kuuluv (известный), magie (сладкий), sukkelainen vikkelaäinen (лустрый, быстрый). Из множества загадок о языке только в одной использованы оценочные эпитеты: Mikä on liukkain da viekkain? Ihmisen kieli (А. 11/67). — *Что самое скользкое и хитрое? Язык.* Эпитеты, обозначающие цвет, материал, как правило, более конкретны, а эпитеты, обозначающие размер, форму и оценочные, — более общи, их подсказывающие возможности меньше.

Числительные

В загадках встречаются числительные двух видов: количественные, указывающие конкретное, точное число предметов или частей его, и числительные, используемые в качестве синонимов слов «много», «несколько», «масса». Функциональная нагрузка их в загадках разная. Конкретные числительные, как правило, помогают разгадыванию, своей количественной конкретностью «подсказывают» отгадку. Количественные признаки загадываемых предметов — шесть окон в избе, пять спиц при вязании, восьмериковые церкви и т. д. — точно отражены в загадках. Но, будучи точными по отношению к отгадке, они, перенесенные на предмет уподобления, смущают слушателя, делают содержание загадки неправдоподобным, фантастичным, например: Kontie korolla seisou, kolme jalkua

perässä. Rukki (A. 2/184). — *Медведь на трех ногах на возвышении стоит. Самопрялка.* У самопрялки действительно три «ноги»-стойка, но три ноги у медведя — картина совершенно невероятная.

В карельских загадках используются числительные от одного до десяти; только в международной загадке о годе (месяце, дне) встречается число 12. Мир загадок вполне обходится первой десяткой числительных. Числительные от одного до шести и восемь всегда конкретны, семь и девять используются и в конкретном, и в переносном смысле: голова — это кубок с семью отверстиями, а борона (Сейчээ сельгәнэ, сада ялганэ. Астова) — с семью спинами, со ста ногами (Макаров, 203). В загадке о медведе числительное также лишено абсолютной точности: Yheksän miehen vägi, uhen mieli (A. 157/9). — *Сила девяти человек, ум одного.*

Если нужно обратиться к отношениям больших количеств, загадка прибегает к числительным сто и тысяча, обозначая ими не сотню или тысячу конкретных предметов, а передавая понятие множества, массы.

Числительные в фольклоре многих народов являются одним из активных средств гиперболизации, у удмуртов излюбленные числа в загадках — 30 и 77 (Кралица, 1954, 146), у марийцев числительные 7, 9, 40, 41, 77 выступают в роли гиперболы (Китиков, 1973, 113), в карельской же загадке в целях гиперболизации используют числительные сто и тысяча. Это своеобразное явление характерно и для эпической поэзии, где также гиперболизация достигается сотней и тысячью:

Niin on vanha Väinämöine
ite kynti Sammon juuret
satasarvella härällä,
tuhat peällä tursahalla.¹

(Naavio, 1967, 115)

Так старый Вяйнямейнен
сам вспахал у Саммо корни
на сторогом быке,
на тысячеголовом чудище.

Сто и тысяча в загадках — это чисто символические числа, необходимые для заострения внимания, гиперболизации: там, где в обыкновенной речи сказали бы просто «много», «масса», «несколько», в загадке это уже сотня и тысяча или даже сто сотен и тысяча тысяч.

Сто и тысяча в загадках выступают и отдельно и вместе: Шада веллештӓ кай юхелӓ вюӓллӓ вюӓттӓ. Олгикубо. —

¹ О происхождении и значении слова tursas см.: Narva, 1933, 149—153; Naavio, 1967, 102—124.

Сто братьев одним кушаком опоясаны. Кубач (сноп) соломы (Макаров, 204); *Käzis püõrõv, tuhad silmäd. Žiitu. — В руках вертится, а глаз тысяча. Сито* (Лесков, № 146); *Тухат сийльмät, сада кивет. Верко. Тысячу глаз и сотню камней имеет. Невод* (Макаров, 207).

Такое бесчисленное множество предметов, по выражению Л. Виртанен, «помещается обычно на неправдоподобно маленькой площади» (Virtanen, 1960, 159): *Сада старчат юхол шиллуксел магатах. Лаги. — Сто старцев на одной подушке спят. Потолок* (Макаров, 193); *Миес меччäх мäннõу — сада шильмõя шелäппшä. Контти. — Идет человек в лес, на спине сто глаз мелькает. Кошель* (Макаров, 207). Целая группа загадок использует сочетание *šata sanččie, tuhat tunččie*: *Šata sanččie, tuhat tunččie yhellä vyöllä vüõletty. Olkikuro* (Konkka, № 53). — *Сто щетинок, тысяча иголок, одним поясом опоясаны. Сноп соломы; Sata sanččie, tuhat tunččie — iče sančči nuappupiä. Sian harjaksista tehty harja, jolla harjattiin liinaa.* (Konkka, № 54). — *Сто щетинок, тысяча иголок, сам круглоголовый. Щетка для обработки льна.*

Оба вида числительных — конкретные и гиперболические — в их противоположных функциях встречаются в одной загадке: *Шада шильмõя, какши корвуа. Ваккане. — Сто глаз, два уха. Корзина* (Макаров, 198). Много общего в использовании чисел в карельских и эстонских загадках: в Эстонии числительные также выступают в двух смыслах — конкретном и в гиперболическом (Laugaste, 1964, 82—89).

Пространство и время в загадках

Загадка не просто называет предмет, описывает его не изолированно, но помещает его в определенные пространственные и временные границы, показывая во взаимодействии с другими предметами. Загадка создает свой мир, с характерными только для него пространством, временем, конкретным бытом. Так как предметы загадывания и уподобления конкретны, будничны, повседневны, то и место их действия, пространство, где они расположены, предельно близки каждодневному окружению человека. В качестве места расположения или действия предметов загадка называет крестьянскую избу со всей ее обстанов-

кой и прилегающими к ней хозяйственными строениями: это может быть пол, печь, стена, стол, скамейка, подполье, хлев, амбар и т. д. Часто предмет загадывания оказывается в углу. Туда загадка помещает вепок, печь, рукомошник, икону. . . Вне пределов дома предмет в загадке «обитает» в поле, на горе, в пизине, на возвышенности. В нескольких загадках называется море.

Распространенным направлением движения в загадке является путь в лес или из лесу. Обычно такие загадки как бы состоят из двух частей: первая часть — реальная, конкретная, а вторая использует переносные значения слов. Известно несколько загадок с примерно одинаковой первой частью, указывающей движение в лес или из лесу: Миэш мәнөу меччäh, какси оюа яллелля. Шукшиэн лату. — *Человек в лес идет, за ним два ручья бегут. Следы от лыж* (Макаров, 209). Миэш меччäh мәнөу — сата шильмюä шелäшиä. Контти. — *Идет человек в лес, на спине сто глаз мелькает. Кошель* (Макаров, 207); Мужиккайнэ меччäh астуу, ненä тайваста вийлөу. Стойка олгapiэл. — *Мужик в лес шагает, носом небо скребет. Коса за плечами (на плече)* (Макаров, 206); Muzikka meččäh astuu, zirkalo sellän tagan. Kirves muzikal selläs (A. 113/30). — *Мужик в лес идет, зеркало за спиной. Топор на плече.*

Изображение необозримых просторов не характерно для загадки, хотя в единичных — очевидно, поздних — загадках оно и встречается: Siivittä yli muailman lendäy. Pilvi (A. 157/12). — *Без крыльев весь мир облетает. Туча;* Valged vate kaiken muailman kattoi. Lumi (A. 157/10). — *Белое покрывало весь мир покрыло. Снег.*

В целях резкого противопоставления предметов уподобления в одной загадке указывается два места действия: Mečäššä kasvau, koissa syntyy. Vasta (Фон. 1699/1). — *В лесу растет, дома рождается. Веник;* Mies pirtissä, piä pihalla (Konkka, № 90). — *Мужик в избе, голова на улице. Матица;* Неро tallissa, häntä katolla. Kiukua lämpiemässä (A. 18/90). — *Лошадь в конюшне, хвост на крыше. Печь топится.*

В указании места загадке свойственно преувеличение, замена части целым. Так, воду в ведре уподобляют морю: Lindu meres, händy mual (A. 97/37). — *Птица на море, хвост на суше. Ковш;* Pitkä piiska pihlajainen yli meren yltää. Padan pankka. (A. 68/173). — *Длинный прут рябиновый через море простирается. Дужка котла.*

При необходимости охватить более широкие пространства, выходящие за пределы каждодневного видимого мира, загадка обращается к конкретным географическим названиям. Но география эта, несмотря на конкретность названий, условна. Использование географических названий отдаленных мест — это своего рода символическое отпесение в чуждую область часто непонятного действия, совершаемого предметом загадывания. Таковы загадки о громае, снегопаде, ветре, книге и письме, присваивающие месту действия конкретные географические названия. Загадки эти международные и широко распространены в разных странах. Карельские варианты этих загадок местам действия дают русские или финские географические названия — Питер, Москва, Новгород, Киев, Helsinki, Häme и даже Suomi, — причем в загадках из южной Карелии название финских городов не встречается ни разу, а на севере Карелии, в силу былых экономических связей и географической близости, чаще упоминаются финские города.

Кроме непосредственных соседей карел — русских и финнов, — пространственные представления в карельских загадках связаны и с Эстонией: Viipsinpuut Virolta nostih, aitan alla kiäcerrettih (А. 2/82). — *Мотовило в Виро подняли, под амбар бросили. Радуга.*

Пространственные представления в загадках привлекаются шире, чем временные, указания на время действия носят суммарный характер: летом—зимой, днем—ночью, реже весной—осенью, утром—вечером. Данные временные понятия используются только для указания не прерывности какого-либо процесса: Yöt huhuou, päivät huhuou, venehtä ei tuuva. Koski (Konkka, № 28). — *Ночами зовет переправу, днями зовет переправу, лодку не пригонят. Водопад; Yöt vestäy, päivät vestäy, lastuo ei sua. Kello (Konkka, № 29). — Дни и ночи строгают, щепок нет. Часы; Yöt loukku loukuttau, päivät loukku loukuttau, ei kuituri kuraha, ei päistäröt pärähä. Kello (Фоп. 1594/26). — Дни и ночи треплет лен, ни волкна, ни кострики. Часы.*

Суммарные временные понятия указывают также на противоположные свойства предметов загадывания, проявляющиеся, соответственно, в разное время: Päivät põlkkünü, yöd lavtannu. Posteli. — *Днем бревном, ночью плотом. Постель (Лесков, № 28); Kesät juoksendelou,*

talvet makuau. Veneh (A. 38/196). — Летом бегают, зимой спит. Лодка; Talvella lakki piässä, kesällä lakitta (A. 22/62). — Зимой в шапке, летом без шапки. Пень; Kesän leski, talven leski, sykysyllä nuori morsien. Huasie (Konkka, № 9). — Летом вдова, зимой вдова, осенью молодая невеста. Прясло.

В большинстве загадок пет специального упоминания времени, но действие загадки, как правило, совершается в настоящем времени. Настоящее время в загадках — это не время момента совершения действия, а время действия, происходящего всегда, постоянно, — это как бы настоящее длительное, а не мгновенное или одноразовое. Прошедшее время встречается реже настоящего, будущего времени карельская загадка вообще не знает.

Аллитерация в загадках

Одной из ярких черт художественного своеобразия карельской загадки выступает аллитерация. Явление аллитерации очень древнее, происхождение ее связывают с параллелизмом и повторами, но многое в ее предьстории остается неясным до сих пор. Об аллитерации написано немало (Евсеев, 1960, 131—141; Kuusi, 1953, 198—207; Leino, 1970, 18; Лаугасте, 1970).¹ Было множество попыток выделить и объяснить ее эстетическую, поэтическую, музыкальную функции, но «причины и следствия аллитерации известны недостаточно: не известно точно, почему и как явления аллитерации возникают, почему ее применяют и каковы воздействия аллитерации на слушателя» (Leino, 1970, 22).

Русскому языку более свойственна аллитерация внутри слова, в прибалтийско-финских языках аллитерацией принято называть звукоповторы в начале слова. Различают аллитерацию сильную (vahva) и слабую (heikko) (Leino, 1970, 12). При сильной аллитерации слова начинаются с одинаковой согласной, за которыми следуют одинаковые гласные (hongat hoiski, liinat liikkuu), или с одинаковой гласной (aitta alla). При слабой аллитерации гласные разные (sata silmyä selässä; yhkäy, ähkäy).

Степень аллитерации зависит от многих условий, в том числе от специфики жанра. Например, аллитерация чаще

¹ Подробную библиографию см.: Leino, 1970.

встречается в лирических и свадебных песнях, реже в заговорах и эпических рунах (Leino, 1970, 30). Замечено, что в текстах, записанных в разных местах и от исполнителей с разным уровнем мастерства, степень аллитерации неодинакова. Э. Г. Лаугасте в работе, посвященной изучению аллитерации в эстонских народных песнях, выводит 78 типичных случаев аллитерации, которые объединены в три группы с семью подгруппами (Лаугасте, 1970).

Специальных работ, рассматривающих аллитерацию в загадках, нет. П. Лейно приводит в качестве параллелей к пословицам загадки, состоящие из 4 слов с двумя парами аллитераций (Leino, 1970, 93).

Аллитерация — один из широко встречающихся и самых устойчивых художественных приемов карельской загадки, она характерна как для стихотворных, рифмованных, так и для прозаических форм, за исключением загадок в форме вопросов, в которых аллитерация обычно отсутствует.

В загадках прозаической формы отсутствует рифма, редки параллелизмы, а аллитерация сохраняется, хотя и не в такой активной степени, как в загадках калевальского размера.

Можно выделить несколько групп активной аллитерации в зависимости от количества слов с аллитерацией в каждой отдельной загадке.

1. Загадка полностью построена на аллитерации: *Lihani lihaista lipettäy lihasella lippahalla. Lapsi nännie syö* (Фон. 1696/7);¹ *Kičeräine, käčeräine, kai käded kaččou. Kiägu* (Лесков, № 14); *Čulkamo čupussa, čupihiiri čulkkamossa* (Фон. 1864/3); *Kontien kopra karsinassa. Navu.* (Фон. 1699/6).

2. Только одно слово из всей загадки не аллитерирует (иногда это служебное слово — предлог, союз, наречие; может быть и глагол): *Piikki nosti peikaloh, pereh pellolla pemahti* (Konkka, № 1); *Killeroittau, kalleroittau kadajaizen kuoren alla* (A. 38/244); *Lauttani lahella läksi, lauttani täysi laulajia. Sorsaparvi* (A. 23/50); *Luikkau laikkau luisien lukkujen takana. Kieli* (Konkka, № 6); *Kappi seisou kankahalla kaheksalla kanta-piällä. Kirikkö* (Konkka, № 20); *Pyy lenti pyhäjokeh,*

¹ В этом разделе мы сочли возможным не переводить загадки, поскольку аллитерацию при переводе сохранить невозможно.

pyhäjoki pyörimäh. Härkimellä huttuo hämmennetäh (Konkka, № 32); Mies pirtissä, piä pihalla. Muatinčča (Konkka, № 90).

3. Два ряда аллитерации встречаются в одной загадке: Lemmen lehti lekahti, kaikki kansa kačahti. Ovi (Konkka, № 35); Nellä neittä niemen nenässä yhteh kappah kusella käyvväh. Lehmää lypsetäh (Фон. 1600/12); Karvani kačottelou, nilapiätä nielläkseh. Lampahan vuonna. (Konkka, № 34); Kykräselkä, käkräselkä, aallokossa ajeleiksen, koskessa kupasteleiksen. Kauha juomapytyssä (Haavio, Hautala, 58); Neiti nuori, nenä nykerö, liinapajassa likkuu. Tuohus (Konkka, № 73), Piiterissä pilkotah, tänne lassut lennetäh. Kirja (Konkka, № 31).

4. Три-четыре пары аллитерации в одной загадке: Ukko ull'as, piä pallas kosessa kumartau. Kivi (Фон. 1040/1); Kylän koira kyykylläh kaikki lainehet lukou, kaikki uallot arvelou. Uatra (Konkka, № 43); Liinat liikku, hongat hoiski, alla uartehet makasi, piällä peipposet perehti. Riiehen punta (Фон. 1864/3); Haurikki hatuli, sarvipää satuli, karvoja kiskoo, villoja viskoo. Heinähanko (Haavio, Hautala, 259).

Это примеры наиболее яркой аллитерации, их легко можно умножить, но, естественно, не во всех загадках аллитерация так выразительна. Чаще всего аллитерирует не вся загадка, а только часть ее. Но в редкой загадке аллитерация полностью отсутствует — хотя бы одна пара аллитерирующих слов есть почти в каждой загадке: Biessan silmä seinässä. Oksa (A. 38/196); Mit lukut lattiassa. Oksat (A. 2/184); Mečässä kasvau, koissa syntyy. Vasta (Фон. 1699/1); Mečäs kazvaa, seinäl seižou. Ovi (A. 68/13); Läri näkyu, lämpimän pitäy. Ikkunalasi (Konkka, № 42).

Явная тенденция к аллитерации наблюдается, например, в загадках о возе сена. Изменение уподобления вызывает немедленно и изменение других слов в загадке: Juoksoo hukku hurhettaa, hukal villat pörhöttee (Макаров, Рягоев, 193); Jänöi juoksou diädy myö, karvat ribistäy muadu myö (A. 133/54); Lammas matkuau mečästä, villat muata viilletäh (Фон. 1701/12).

Обязательным условием аллитерации в загадках является то, что слова с одинаковыми звуками должны стоять рядом или разделяться только одним словом. Если они отнесены дальше, то эффект аллитерации раз-

рушается: Uuha kypsä, kalat uuvet, kaksisuarani kapusta. Nuotta (Фон. 1594/7). Аллитерация в словах uuha, uuvet уже воспринимается не так ярко, как в другой паре слов в этой же загадке: kaksisuarani—kapusta. По наблюдениям П. Лейно, степень использования частей речи в аллитерации различна: служебные слова, как правило, не аллитерируют, в глаголах и существительных аллитерация заметно растет. Объясняется это богатством их словарного состава и возможностью варьировать словами путем подбора синонимов (Leino, 1970, 262). Аллитерация прилагательных и числительных самая распространенная. Вот некоторые примеры аллитерации числительных: nellä neittä; kaksi kullaista käkie; kaheksalla kantapiällä; sata silmyä, kaksi korvua; kaksi miestä karsinassa; kuusi kaikella kylällä; sata sanččie, tuhat tunččie; kylän koira kolmijalka; kuusi poikoa kupeilla; viizi vellesty; seičče sel'gäne.

Иногда требованиями аллитерации определяется выбор слов, особенно это заметно в подборе соответствующих прилагательных-эпитетов в целом ряде загадок: Lyhyt akka lylleröini, paksu akka palleroini vettä korvosen vetäy (Konkka, № 10); Pikku akka pilleröini korvosen vettä vetäy (A. 12/78); Musta akka mulleroini, paksu akka palleroini vettä korvon vetäy (A. 18/90); Kyykeröini, koukeroini, ympäri kylän kiertäy, kylän piäh kyykistäytyy. Tie (Konkka, № 5).

Степень аллитерации в загадках в северной и южной Карелии заметно отличается. Для сравнения сопоставим несколько записей загадок разных собирателей:

А. С. Степанова, Н. А. Лавонен.	Калевальский р-н. (записано от Т. Федоровой).	1973 г.	Из 67 загадок — 8 без аллитерации, т. е. 88.1% загадок с аллитерацией.
У. С. Конкка.	Калевальский р-н (записано от А. Ильиной, А. Васара, П. Пертту).	1970 г.	Из 90 загадок — 8 без аллитерации, т. е. 91.1% загадок с аллитерацией.
А. С. Степанова.	Калевальский р-н (записано от разных лиц).	1966 г.	Из 82 загадок — 7 без аллитерации, т. е. 91.4% загадок с аллитерацией.
П. Я. Куйкка.	Южная Карелия (записано от А. Ф. Никифоровой).	1940 г.	Из 40 загадок — 18 без аллитерации, т. е. 55% загадок с аллитерацией.
Н. Ф. Лесков.	Южная Карелия.	1893 г.	Из 162 загадок — 76 без аллитерации, т. е. 53% загадок с аллитерацией.

Записи по южной Карелии отделены друг от друга большим промежутком времени, но данные из коллекций Н. Лескова и П. Куйкка мы приводим потому, что они самые полные и каждая составлена одним собирателем. За последние годы традиция сильно разрушилась, появилось много загадок — прямых переводов с русского, в которых явление аллитерации, естественно, утрачивается.

Таким образом, аллитерация в загадках из северной Карелии встречается значительно чаще, чем в загадках из южной. Кроме того, в северокарельских загадках аллитерация преимущественно сильная (созвучие согласных и гласных), а в южнокарельских — в основном слабая (созвучие только согласных). Объяснить данное явление можно общей фольклорной традицией, поскольку «минимальная степень насыщенности аллитерацией встречается в устной народной поэзии юго-восточной Карелии» (Евсеев, 1960, 137).

Аллитерация как одно из устойчивых средств художественной системы карельской загадки особенно проявляется в рифмованных загадках. Благодаря аллитерации загадка становится поэтической, музыкальной, что облегчает ее запоминание.

Одной из разновидностей аллитерации является звукоподражание, создаваемое повторением определенных звуков в словах. Звук, издаваемый ножницами при стрижке овец, передается повтором -ps, -ss: Nipsau-napsau, käyvä kapšau tiheässä viidakošša (A. 28/254). В загадке: Ukko uunilta urahti, muori nurkassa välähti (A. 25/118) — звуки -u, -uu -г передают раскаты грома.

Движения rukki (самопрялки) передают загадки: Нипсаа-напсаа, käyvä капсаа, пикку хенкселит шелäшшä. Рукки (Макаров, 201). Orih juoksi, ohjas lekku, reki rautani kročasi. Rukki (Konkka, 4).

Иногда звукоподражательными являются не отдельные звуки, а целые слова. Размол зерна на жерновах или в ступе, просеивание муки передаются так: Sikli-soklitellen, siičču-viičutellen juhku-jahkutellen. Siekla, jauhinkivi, huhmar (Фон. 1696/7).

Другим видом звукоподражания является использование междометий: Čiu-čau čolovannikka, tuohini kabakka, Käzienpesuastie (A. 26/82);

Yksi sanou: juhku-jahku,
toini sanou: juhku-jahku,
kolmas sanou: juhku-jahku,
nell'äs sanou: juhku-jahku,
viijes sanou: viu-vau,

viu-vau.
Иерони.

(Фон. 1598/3)

Одни говорит: юхку-яхку,
другой говорит: юхку-яхку,
третий говорит: юхку-яхку,
четвертый говорит: юхку-яхку,
пятый говорит: viu-vaу,

виу-вау.
Лошадь.

(в вариантах: top-top (Фон. 1602/11), stuk-stuk (Л. 94/33)).

Многие глаголы не только называют действие, но передают его с помощью звукоподражания — прием оно-матопен (Квятковский 1966, 186). Как правило, такие глаголы никогда не выступают одни, а всегда попарно. Звукоподражание достигается повтором близких по звучанию слов: Metsässä kasvaa, koissa syntyy, seinällä nirajaa, narajaa. Ovi. (Л. 2/82); Alla ähkäy, piällä löyhkäy. Kylpeminen (Konkka, № 63); Kaarne lenteä liipotteli, vesi siivistä sirisi. Vene ja aivot (А. 68/106); Yhkäy, ähkäy, kiukualla nousou. Taikina (Konkka, № 45); Puhkau, rahkau, kiukualla nousou. Taikina (Фон. 1601/6); Luikkau-laikkau luisien lukkujen takana. Kieli (Konkka, № 6); Koira haukuo kolkuttau, mäen piällä mölkyttäy, sopimusta solkuttau, mies kielestä pitelöy. Kirikön kellot (А. 169/12); Сусп уйя уллахтаа: шула иэлли, йиä ялелля. Канкахан кутомини: суккула, лоймет, вуатэ (Макаров, 202).

Кроме звуковых повторов, в загадках представлена лексическая анафора — повторение одинаковых слов (Квятковский, 1966, 35): Joka čurpuh čuihkau, yhteh čurpuh čurpistautuu. Vasta (Л. 2/212); Čeppi čiepin piässä, čiepin piässä čieppi (А. 65/102); Neljä jalkaa, neljä silmää, kaksi päätä, ilman nenää, ilman suuta, ilman häntää (А. 25/128).

В большой группе загадок повторяются глаголы: Yöt kaččou, päivät kaččou, silmieh ei räpähytä. Korvon korvat (Konkka, № 30); Yöt huhuou, päivät huhuou, venehtä ei tuuva. Koski (Konkka, № 28).

В силу краткости жанра такие повторения одинаковых слов в загадках не беспримечательны, хотя и достаточно распространены. Выразительным видом повторов в карельских загадках является синонимия, т. е. повторение слов близких не по звучанию, а по значению. Прием синонимического параллелизма в загадках также связан с общей фольклорной традицией. Аналогичное явление широко встречается и в рунах. Этот прием обусловлен возможно-

стями использования карелами лексики финского и русского языков. Вот ряд примеров: Kattila mäjellä kiehuu ilman puitta, keittäjittä, kokitta, kohentajitta, pavaritta, paistajitta. Muurahaiskeko (Konkka, № 74). — *На горе котел кипит без дров, без кухарок, без коков, без поваров, без пекарей*; Viron uuhi, saksan lammas koppien kotih tulou, taputellen tanhueh. Sammakko (A. 158/33). — *Эстонская ярочка, немецкая овца, прыгая, домой идет, торопится в загон. лягушка*; Kylän koira kyykylläh kaikki lainehet lukou, nurmen uallot arvuau. Uatra (A. 26/82). — *Деревенская собака, пригибаясь, волны считает, все волны на лугу знает. Соха*; Ikkunasta akkunaan poikki rautani korento. Kattilan pankka (A. 25/141 a). — *Из окна в окно железное коромысло. Дужка котла*; Kylun koukku, saunan salpa, perehen torakaričča. Minja talossa (A. 29/1). — *И кочергой в бане, и задвижкой в бане, и причина всех ссор в семье. Невестка в доме*;

Jänis juoksi jäätä myöti,
koputti kovua tietä,
miepä hännässä häipätin,
saparossa saipatin.
Kesryäy rukilla.

Заяц по льду бежал,
барабанил по твердой дороге,
я к хвосту приценилась,
за хвостик держалась.

(A. 68/246)

Благодаря такому разнообразию художественных приемов карельские загадки звучны, поэтичны, легко запоминаются. В художественном отношении они многими нитями связаны с эпической поэзией карел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обрядовые функции загадок, их связи с исторической действительностью, весь их художественный мир в целом убеждают нас в том, что жанр загадки древний, многими средствами художественной выразительности связан с другими жанрами фольклора, но в то же время достаточно своеобразный и отличный от них. Проблема происхождения жапра пока не решена, хотя ставилась в разные периоды и решалась исследователями разных направлений и с разных позиций.

По-своему подходил к этой проблеме А. Аарне. Его занимало не происхождение жапра в целом, а определение времени и места возможного возникновения отдельных конкретных загадок. Он исследовал загадки, имеющие международное распространение, и появление их в Финляндии объяснял заимствованием. Аарне совершенно не касался загадок, бытующих только в Финляндии, имеющих свой национальный колорит, своеобразные художественные особенности.

М. Кууси проблему происхождения загадок связывает с поэтикой фольклора, с историческим развитием художественных стилей народного творчества. Исходя из своей периодизации эпоса, основанной на стилистических особенностях рун (Suomen kirjallisuus, 1963; рецензия: Конкка, 1966), и применяя ее к загадкам калевальского размера, М. Кууси определяет «возраст» последних. Аллегорические загадки калевальского размера он считает самыми древними, относит их к ранней калевальской поэзии. Древними являются и так называемые аналити-

ческие многочленные загадки, когда в одной загадке загадывается целая серия предметов:

Mikä pöytä pöydän päässä,	Что за боченок за столом,
mikä raappana rahilla,	что за скребок на лавке,
mikä heikko hinkalossa,	что за слабый в закутке,
mikä kiilu penkin alla? . . .	что за блеск под скамейкой? . . .
Isäntä, emäntä,	Хозяин, хозяйка, ребенок
lapsi kätkyessä, kirves. . .	в люльку, топор. . .

Свое происхождение аналитические загадки ведут от древних «цепных» загадок калевальского размера. Кууси тоже относит их к ранней калевальской поэзии. Загадки с числами (дерево с 12 ветками — год) он считает для Финляндии довольно поздними. Совершенно отличаются от древних загадок и по форме и по содержанию загадки-вопросы: Кууси называет их загадками философского характера (Что слаще меда? — Сон). Поздними являются и «я»-формные загадки, в которых предмет-отгадка как бы сам себя представляет.

По мнению Кууси, загадки-вопросы, «я»-формные, головоломки, загадки с условиями выбора (или—или) не являются загадками в прямом смысле слова, так как в них отсутствует аллегорическая образность, свойственная настоящей загадке. Так своеобразно, исходя из стиля загадки, Кууси относит возникновение разного типа загадок к тому или иному периоду (Kuusi, 1962).

В современной науке достаточно широко распространено положение о генетической связи загадки с тайной речью (Зеленин, 1929; Аникин, 1957; Гасанов 1968; Махмутов, 1969, и др.).

По мнению И. М. Колесницкой, основой загадки послужила иносказательная речь, встречающаяся в сказках, она «являлась как бы зерном современной загадки, ее первичной формой, которая, развиваясь, приобретала ряд новых черт и свойств, образовала самостоятельную форму, создавая жанр загадки». Иносказательная речь «представляет собой не что иное, как целую систему замен, связанных с табу слов, с запретами названия целого ряда предметов» (Колесницкая, 1941, 119, 121).

В загадках действительно встречаются слова-замены, есть они и в карельских загадках: Rörön jalka kiukuassa, rörön jalka karsinassa (Haavio, Hautala, 125). — Медвежья лапа в печке, медвежья лапа в подполье (rörö — вместо общепринятого kontio, karhu). Но это еще не дока-

зательство прямой связи загадок с табу слов. Проблема эта достаточно сложна и противоречива.

У большинства европейских народов или совсем нет, или очень редки загадки о волке, медведе, лисе, то есть об обитателях лесов; нет загадок о болезнях и сверхъестественных силах. Создается впечатление, что слов и явлений, связанных с табу, избегала и загадка, предпочитала о них не загадывать. Но, с другой стороны, в качестве предметов уподобления волк, заяц и особенно медведь употребляются достаточно часто.

В решении проблемы происхождения загадок много противоречивого и неясного, исследователи зачастую приходят к диаметрально противоположным выводам. Так, одни считают, что загадки-вопросы — наиболее древний вид загадок (Воскобойников, 1957), а другие, напротив, называют их позднейшими (Анцелане, 1956).

В науке обсуждается вопрос, оригинальны ли загадки американских индейцев или они заимствованы (Scott, 1963). В связи с вопросом о происхождении загадки вырисовывается целый круг перешенных проблем. Нам представляется, что этот вопрос на материале одного народа решить невозможно, нужно широкое сравнительное изучение загадок многих народов, особенно народов, находящихся на ранних ступенях общественного развития. Необходимо учитывать возможность заимствования загадок одним народом от другого, этническую общность близких народов, роль мифологических верований, реальных исторических данных и т. д.

Когда будет написана история поэтических стилей, выявлены генетические предпосылки возникновения метафор, эпитетов, сравнений, вполне вероятно, что появятся реальные условия решения вопроса о происхождении загадок.

Возможно, решение кроется в изучении взаимосвязи и взаимодействия загадок с другими жанрами. Пока нет единой точки зрения по вопросу о происхождении и взаимосвязи пословиц и загадок. По мнению Э. Тейлора, «загадки появляются в истории культуры вместе с пословицами и долго идут рядом с ними, но под конец расходятся по различным дорогам» (Тейлор, 1939, 53). В то же время существует точка зрения, что загадки древнее пословиц, что происходил переход загадок в пословицы (Кралина, 1954, 145—146; Китиков, 1973, 142).

Может быть, одним из доказательств более древнего происхождения загадок по сравнению с пословицами можно считать то, что народам Крайнего Севера загадки в какой-то мере известны, а пословиц, как правило, у них совсем нет (Попов, 1937, 17; Воскобойников, 1967).

Интересные аспекты могут быть найдены при изучении связей и параллелей загадок многих народов, в частности карельской, с загадками других финно-угорских народов, а также русскими.

Очевидное совпадение загадок многих народов замечено уже давно. В этих совпадениях проявляется международный характер жанра. Карельская загадка также обнаруживает интернациональные связи. Определенное сходство наблюдается между карельскими и русскими загадками. Одни совпадения, очевидно, можно объяснить прямым заимствованием, другие — действием общих закономерностей в развитии жанра.

Самый простой путь заимствования — это прямой перевод загадок с одного языка на другой, как, например: *Musta hevone skokkiv tulee. Koukku* (A.32/172). — *Черный конь прыгает в огонь* (ср.: Митрофанова, № 3479); *Kaks kol'šad, kaks p'okkad, keskel naglane. Nozliččemed* (A.157/19). — *Два кольца, два конца, посредине гвоздик* (ср.: Митрофанова, № 4721).

Заимствование русских загадок особенно заметно в южной Карелии. Кроме известных исторических и экономических факторов, свою роль сыграло здесь и возросшее влияние русской книжной культуры и распространение грамотности. Можно говорить не только о влиянии русской загадки на карельскую, но и о взаимовлиянии. В русских районах Севера мы находим загадки, которые явно возникли под влиянием карельских: *Ruočin (šigapan) stuarostu pertiz. Šikku*. — *Шведский (цыганский) староста в избе. Светец* (Лесков, № 105). У русских эта загадка: *Что в избе староста?* (Митрофанова, № 3264) — приведена в единственной записи В. Ф. Хотьковского из Олонецкой губернии. В его же коллекции имеется загадка: *В руки войдет, а в избу не войдет. Норило — шест, употребляющийся при ловле рыбы зимой* (Хотьковский, 1912—1913, 465). В Карелии эта загадка бытует до сих пор (последняя запись 1960 г.), всего в Архиве имеется 14 ее записей. В силу широкой распространенности приведенных загадок у карел и единичности записей

у русских, причем только в северных областях, можно предположить, что данные загадки заимствованы русскими у карел.

Бывают случаи интересных совпадений, сходных форм, параллельных образов, но при этом нельзя говорить о заимствовании — у каждой загадки свой колорит, своя специфика выражения.

Lihani lihaista lipettäy lihasella lippahalla. Lapsi nänniä syö (Фон. 1696/5). — *Мясистый мясистого сосет на мясистом ларце. Ребенок сосет грудь.* Русская загадка: *Живая живулька сидит на живом стульчике, теревит живое мяско* (Митрофанова, № 1317).

Sulkkamo čurussa, čupihiiri čulkkamossa (Фон. 1864/3). — *Лукошко в углу, землеройка внутри. Беременная женщина.* Русская загадка: *Хлеб в углу избы лежит, а в хлебе крыса сидит* (Митрофанова, № 1306).

В загадках может быть общей только метафора, предмет уподобления, здесь нет еще признаков заимствования. В загадках двух разных народов одинаково «увиден» предмет загадывания. Таковы карельская и русская загадки о муравейнике: Kattila mäjellä kiehuu ilman puitta, kaittäjittä, kokitta, kohentajitta, pavaritta, raistajitta (Konkka, № 74). — *На горе котел кипит без дров, без кухарок, без коков, без поваров, без пекарей; В лесу котелок кипит, кипит, а укипи нет* (Митрофанова, № 718); *За полем горшочек и кипуч и горяч* (Митрофанова, № 719).

В поэтической загадке о росе вечерняя и утренняя зори изображены так:

Läksi kuoma kuomihis,
riperi paperihis,
kirpoi kultani avuan;
kuu löysi, päivä peitti.
Kaste auringon laskiessa.
(Haavio, Hautala, 400)

Пошла кума к куме,
обронила ключи золотые;
луна нашла, солнце спрятало.
Роса.

Загадка перекликается с не менее поэтической русской загадкой о росе:

Заря-зарница, красная девица,
врата заперла, по полю гуляла,
ключи потеряла, месяц видел, а солнце скрало.

(Садовников, № 2015)

И в карельской и в русской загадках роса уподоблена потерянным ключам, загадки по смыслу близки, но о пря-

мом заимствовании вряд ли можно говорить, параллели здесь гораздо глубже. Подобные совпадения карельских и русских загадок могут быть результатом проявления каких-то общих закономерностей в возникновении и развитии жанра. Много общих загадок карельских и финских, эстонских и ингерманландских. Нелегко установить, является ли данное сходство результатом позднейшего заимствования или загадки ведут свое происхождение от эпохи прибалтийско-финской общности.

В процессе заимствования прослеживается определенная закономерность: в южной Карелии обнаруживается большее русское влияние, а на севере больше загадок, общих с финскими. Но в целом на фоне международных интернациональных связей карельские загадки имеют свои специфические, только им свойственные черты, обнаруживаемые и в бытовании, и в этнографических деталях, и в художественной системе. Эти особенности, ведущие в глубокую древность, позволяют заключить, что карельская загадка — явление национального художественного творчества, связанного с традициями народного быта, с историей и культурой народа. Многие вопросы карельской загадки и, шире, жанра загадки в целом требуют дальнейшего исследования. Известный финский фольклорист М. Хаавио справедливо замечает, что «в мире загадок еще достаточно места фольклористам, как и ученым, изучающим народную психологию и эстетику, и немало работы. . . языковедам» (Haavio, Hautala, XVII).

СОКРАЩЕНИЯ

- А. — Архив Карельского филиала АН СССР; в числителе — номер коллекции, в знаменателе — номер записи).
- АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
- МГУ — Московский государственный университет
- Фоп. — Фонотека Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР; в числителе — номер кассеты, в знаменателе — номер записи.
- FFC — Folklore Fellows Communications.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja.
- KSV — Kalevalaseuran vuosikirja.
- SKES — Suomen kansan etymologinen sanakirja.
- SKS — Suomalaisen kirjallisuuden seura.
- SKVR — Suomen kansan vanhat runot.
- STAEP — Suomalainen Tiedeakatemia. Esitelmät ja Pöytäkirjat.
- SUSA — Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. Лавонен

№ фонотеки	Информатор, возраст и место рождения	Место и год записи	Собиратель
Фон. 1526/2	Меккелева Мария Николаевна, 75 л. Паданы.	Паданы Медвежьегорского р-на, 1971.	Н. Лавонен, А. Степанова.
Фон. 1530/13	Тепцова Мария Ивановна, 65 л. Паданы.	То же.	Те же.
Фон. 1536/1	Кардинана Ульяна Михайловна, 58 л. Юшкозеро.	Юшкозеро Калевальского р-на, 1971.	А. Конкка, Н. Лавонен, П. Лукина.
Фон. 1542/1	Кузьмина Мария Алексеевна, 60 л. Юшкозеро.	То же.	Те же.
Фон. 1544/20	Панкратьева Кира Тимофеевна, 74 г. Пиизма-губа.	» »	» »
Фон. 1547/6	Кузьмина Мария Алексеевна, 60 л. Юшкозеро.	» »	» »
Фон. 1594/7	Мякеля Ольга Михайловна, 66 л. Хяме.	Кепа Калевальского р-на, 1971.	А. Степанова.
Фон. 1594/26	Левицкая Мария Степановна, 58 л. Войница; Степанова Агафья Яковлевна, 67 л. Шомбозеро.	То же.	»
Фон. 1596/4	Ахонен Мария Филипповна, 79 л. Ладвозеро.	» »	»
Фон. 1598/3	Карпова Иринея Лукинична, 67 л. Кенттиярви.	» »	»

№ фонотеки	Информатор, возраст и место рождения
Фон. 1696/5	Архипова Мария Клементьевна, 67 л. Колвица.
Фон. 1699/8	Еголаева Варвара Арефьевна, 71 г. Кундозеро Кестеньгского р-на.
Фон. 1699/6 Фон. 1701/1	Архипова Варвара Филипповна, 52 г. Д. Хейнярви Кестеньгского р-на.
Фон. 1701/12 Фон. 1702/1 Фон. 1702/3	Койкерова Мария Ивановна, 67 л. Хейнярви.
Фон. 1859/12	Добрынина Татьяна Федоровна, 70 л. Алаярви.
Фон. 1860/4 Фон. 1860/14 Фон. 1860/16	Кузьмина Авдотья Яковлевна, 78 л.; Степанова Агафья Яков- левна, 67 л. Шомбозеро.
Фон. 1860/28 Фон. 1862/11 Фон. 1862/26	Степанова Федосья Захаровна, 66 л. Шомбозеро.
Фон. 1862/34	Степанова Анна Афанасьевна, 77 л. Гайколя.
Фон. 1863/3 Фон. 1863/6	Ватаен Анна Матвеевна, 76 л. Костамукша.

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

Место и год записи	Собиратель
Колвица Кандалакшского р-на Мурманской обл. 1972.	Н. Лавонен, А. Степанова.
Княжая губа Кандалакшского р-на Мурманской обл., 1972. То же.	Те же. » »
Зеленоборский Кандалакшского р-на Мурманской обл., 1972.	» »
Калевала, 1972.	В. Федотова.
Кепа Калевальского р-на, 1973. То же.	Н. Лавонен, А. Степанова. Те же.
Калевала, 1973.	» »
» »	» »

№ фонотеки	Информатор, возраст и место рождения
Фон. 1863/12 Фон. 1864/2	Галактионова Кристина Ивановна, 80 л. Понкалакши.
Фон. 1864/3 Фон. 1864/5 Фон. 1865/10	Федорова Татьяна Филипповна, 77 л. Сапповаара.
Фон. 1866/3	Дорофеева Мария Никифоровна, 73 г. Войница.
Фон. 1867/9	Федорова Татьяна Филипповна, 77 л. Сапповаара.
Фон. 1987/11 Фон. 1987/12	Маликина Мария Васильевна, 82 г. Хяме.
Фон. 1992/11	Киэливяйнен Дарья Ивановна, 73 г. Войница.
Фон. 1993/5 Фон. 1993/13	Дорофеева Евдокья Петровна, 61 г. Вокнаволоок.
Фон. 1995/3	Мякеля Агафья Яковлевна 77 л. Вокнаволоок.
Фон. 1995/4	Липкин Александр Петрович, 65 л. Вокнаволоок.

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

Место и год записи	Собиратель
Калевала, 1973.	Н. Лавонен, А. Степанова.
» »	Те же.
» »	» »
» »	» »
Войница Калевальского р-на, 1974.	Н. Лавонен, П. Лукина, Р. Ремшуева.
То же.	Те же.
Вокнаволок Калевальского р-на, 1974.	Н. Лавонен, Р. Ремшуева.
То же.	Те же.
» »	» »

№ фонотеки	Информатор, возраст и место рождения
Фон. 1996/4 Фон. 1996/5	Ремшусва Анастасия Григорьевна, 68 л.; Мелентьева Мария Григорьевна, 65 л. Толлорека.
Фон. 1999/14	Денисов Федор Федорович 65 л. Толлорека.
Фон. 2000/3 Фон. 2000/5 Фон. 2000/8	Ремшуева Александра Андреевна, 60 л. Вокнаволоок.
Фон. 2213/10	Карпова Анастасия Никитична, 73 г. Софьянга.
А. 17/25	Ремшу Татьяна Алексеевна, род. 1898 г. Вокнаволоок.
А. 23/50	Хямяляйнен Евгения Ивановна, род. 1882 г. Кивиярви.
А. 169/12	Лукина Екатерина Тимофеевна, 1903 г. Пизьма-губа.
А. 169/16	Кривкина Ольга Ефимовна, Вокнаволоок

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

Место и год записи	Собиратель
Вокнаволоок Калевальского р-на, 1974.	Н. Лавонен, Р. Ремшугева.
То же.	Те же.
» »	» »
Кестеньга Лоухского р-на, 1975.	Н. Лавонен, Н. Онегина.
Калевала, 1941.	К. Луото.
Калевала, 1945.	Э. Гран.
Юшкозеро Калевальского р-на, 1971.	А. Конкка, Н. Лавонен, П. Лукина.
То же.	Те же.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдыракунов, 1973 — Абдыракунов Т. Киргизские народные загадки. АКД. Фрунзе.
- Абжанов, 1966 — Абжанов М. Казахские народные загадки. АКД. Алма-Ата.
- Абрамович, 1975 — Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение. М.
- Аврорин, Кузьминский, 1949 — Аврорин В. А., Кузьминский Н. И. Представления о речей о вселенной и путешествиях шаманов. — Сб. МАЭ, XI, М.—Л.
- Адамбаева, 1966 — Адамбаева Ж. Д. Литературно-стилистические и языковые особенности казахских загадок. АКД. Алма-Ата.
- Алимов, 1969 — Алимов А. Каракалпакские народные загадки. АКД. Нукус.
- Аникип, 1957 — Аникип В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.
- Аникип, 1960 — Аникип В. П. Об историческом приурочении пословиц, поговорок, загадок. — Советская этнография, № 4.
- Анцелане, 1956 — Анцелане А. Я. Вопросы изучения латышских народных загадок. АКД. Рига.
- Афацасьев, 1865 — Афацасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М.
- Бахтин, 1965 — Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.
- Березовский, 1962 — Загадки. Упорядкування, вступна стаття та примітки П. Березовського. Київ.
- Богатырев, 1963 — Богатырев П. Г. Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни. М.
- Бонч-Бруевич, 1954 — Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — Советская этнография, № 4.

- Вийдалепп, 1964 — В и й д а л е п п Р. Я. Исполнение народных сказок как производственно-магический обряд. М.
- Вийдалепп, 1965 — В и й д а л е п п Р. Я. О характере, функциях и рассказчиках эстонских народных сказок. АКД. Таллин.
- Воскобойников, 1957 — В о с к о б о й н и к о в М. Г. Эвенкийская загадка. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 132, Л.
- Воскобойников, 1967 — В о с к о б о й н и к о в М. Г. Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ.
- Гасанов, 1968 — Г а с а н о в М. М. Афористические жапры Дагестанского фольклора. Канд. дисс. (рукопись). Махачкала.
- Георгиева-Стойкова, 1961 — Г е о р г и е в а - С т о й к о в а Ст. Български народни гатанки. София.
- Георгиева-Стойкова, 1970 — Г е о р г и е в а - С т о й к о в а Ст. Български народни гатанки. София.
- Герд, 1928 — Г е р д К. П. К изучению удмуртских загадок. Научное общество по изучению Вотского края. Труды, вып. 5.
- Гуревич, 1972 — Г у р е в и ч А. Я. Категории средневековой культуры. М.
- Гучене, 1968 — Г у ч е н е Г. Использование народных загадок в воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста. АКД. Вильнюс.
- Даль, 1955 — Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.
- Дземидок, 1974 — Д з е м и д о к Б. О комическом. М.
- Добролюбов, 1962 — Д о б р о л ю б о в Н. А. Собрание сочинений в девяти томах, т. III. М.—Л.
- Евсеев, 1960 — Е в с е е в В. Я. Исторические основы карело-финского зпоса, кн. 2. М.—Л.
- Евсеев, 1964 — Е в с е е в В. Я. Сравнительно-историческое изучение загадок финно-угорских народов. — Тезисы докладов научной конференции, посвященной итогам работ Института языка, лит-ры, истории за 1963 г. Петрозаводск.
- Евсеев, 1968 — Е в с е е в В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л.
- Жукова, 1957 — Ж у к о в а А. П. Образцы загадок коряков Пенжинского района. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 132, Л.
- Зеленин, 1915 — З е л е н и н Д. К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. Пгр.
- Зеленин, 1929 — З е л е н и н Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть I. Сб. МАЭ. VIII. Л.
- Зеленин, 1934 — З е л е н и н Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л.

- Ивлева, 1972 — И в л е в а Л. М. Скоморошина (общие проблемы изучения). — В кн.: Славянский фольклор. Отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. Л.
- Иопова, Пуговкина, 1936 — И о н о в а М. Н., П у г о в к и н а М. И. Якутские загадки. — Советский фольклор, № 4—5.
- Капица, 1927 — К а п и ц а О. И. Программа для собирания детского фольклора. Издание общества изучения Карелии. Петрозаводск.
- Квятковский, 1966 — К в я т к о в с к и й А. Поэтический словарь. М.
- Китиков, 1967 — Марийские народные загадки. Сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола.
- Китиков, 1970 — К и т и к о в А. Е. Общность элементов поэтики загадок поволжских и пермских финно-угорских народов. — Вопросы финно-угроведения, вып. V, Йошкар-Ола.
- Китиков, 1971 — К и т и к о в А. Е. Марийские народные загадки. АКД. Тарту.
- Китиков, 1973 — К и т и к о в А. Е. Марийские народные загадки. Йошкар-Ола.
- Колесницкая, 1941 — К о л е с н и ц к а я Н. М. Загадка в сказке. — Уч. зап. ЛГУ, вып. 12, № 81. Серия филологических наук.
- Колпакова, 1935 — К о л п а к о в а Н. Северная загадка. (Из записок фольклориста). — Звезда Севера, № 6.
- Колпакова, 1965 — К о л п а к о в а Н. Отражение явлений исторической действительности в свадебном обряде русского Севера. — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М.
- Конка, 1959 — К о н к а У. С. «Финская школа» о сказке. — Труды Карельского филиала АН СССР, вып. XX, Петрозаводск.
- Конка, 1963 — Карельские народные сказки. Сост. У. С. Конка. М.—Л.
- Конка, 1966 — К о н к а У. С. О 1-й книге восьмитомной истории финляндской литературы. («Неписаная литература»). — Скандинавский сборник. XI. Таллин.
- Конка, Тушицына, 1967 — Карельские народные сказки. Южная Карелия. Сост. У. С. Конка и А. С. Тушицына. Л.
- Кралина, 1954 — К р а л и н а Н. Загадки удмуртского народа. — Записки Удмуртского науч.-иссл. ин-та языка, литературы и фольклора, вып. XVI, Ижевск.
- Курбанов, 1960 — К у р б а н о в К. Туркменские народные загадки. АКД. Чарджоу (Каракалиакский филиал АН Узбекской ССР).
- Лаугасте, 1970 — Л а у г а с т е Э. Г. Начальная и внутренняя аллитерация в эстонских народных песнях. Автореф. докт. дисс. Тарту.

- Левпя, 1970 — Левпя Ю. И. Русская загадка: синтез, структура, отгадывание. — Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту.
- Левпя 1973 — Левпя Ю. И. Семантическая структура русской загадки. — Труды по знаковым системам. VI. Тарту.
- Лесков, 1893а — Лесков П. Загадки карел Олонецкой губернии. — Живая старина, вып. IV.
- Лесков, 1893б — Лесков П. Доклад о поездке в Олонецкую губернию летом 1892 года. — Живая старина, вып. II.
- Макаров, 1959 — Макаров Г. Н. Карельские пословицы, поговорки, загадки. Петрозаводск.
- Макаров, Рягоев, 1969 — Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Л.
- Махмутов, 1969 — Махмутов Х. Ш. Татарские народные загадки. АКД. Казань.
- Мелетинский, 1968 — Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.
- Мелетинский, 1972 — Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства. — В кн.: Ранние формы искусства. Сост. С. Ю. Неклюдов. М.
- Миллер, 1865 — Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. I, вып. 1. Изд. 2-е. СПб.
- Митрофанова, 1963 — Митрофанова В. В. О сходстве русских и болгарских загадок. — Русский фольклор, т. VIII, М.—Л.
- Митрофанова, 1965 — Митрофанова В. В. Историческая действительность в загадках. — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М.
- Митрофанова, 1966а — Митрофанова В. В. Специфика русских народных загадок. — Русский фольклор, т. X, М.—Л.
- Митрофанова, 1966б — Митрофанова В. В. Современное состояние русских народных загадок. — В кн.: Современный русский фольклор. Отв. редактор Э. В. Померанцева. М.
- Митрофанова, 1968 — Митрофанова В. В. Загадки. Л.
- Митрофанова, 1971а — Митрофанова В. В. Художественный образ в загадках. — В кн.: Современные проблемы фольклора. Под ред. В. В. Гура. Вологда.
- Митрофанова, 1971б — Митрофанова В. В. Ритмическое строение русских народных загадок. — Русский фольклор, т. XII, Л.
- Нардшина, 1971 — Нардшина Ф. А. Афористические жанры Башкирского фольклора. АКД. Уфа.
- Ойунская, 1970 — Ойунская С. П. Якутские загадки советского периода. — В кн.: Вопросы филологии. По материалам юбилейной сессии, посвященной пятидесятилетию Октябрьской революции. Якутск.
- Ополовников, 1955 — Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М.

- Пичков, 1959 — П и ч к о в А. Пенецкие загадки. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 169, Л.
- Попов, 1937 — П о п о в А. А. Долганский фольклор. «Советский писатель».
- Пропп 1963а — П р о п п В. Я. Фольклор и действительность. — Русская литература, № 3.
- Пропп, 1963б — П р о п п В. Я. Русские аграрные праздники. Л.
- Пропп, Путилов, 1958 — П р о п п В. Я., П у т и л о в Б. И. Былины в двух томах, т. 2. М.
- Путилов 1960 — П у т и л о в Б. И. Об очередных задачах изучения истории русского фольклора. — Советская этнография, № 4.
- Романов, 1962 — Р о м а н о в Н. Р. О чувашских загадках. — Уч. зап. Чувашского науч.-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики, XXI, Чебоксары.
- Рыбникова, 1932 — Р ы б н и к о в а М. А. Загадки. М.—Л.
- Садовников, 1876 — С а д о в н и к о в Д. Загадки русского народа. СПб.
- Садовников, 1959 — С а д о в н и к о в Д. И. Загадки русского народа. Изд. МГУ.
- Салманович, 1973 — С а л м а н о в и ч М. Я. Румыны. — В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX—начала XX века. М.
- Самородов, 1969 — Устноэпическое творчество мордовского народа в 8 томах. Т. 4, кн. 2. Мордовские загадки. Предисл., прим. К. Т. Самородова. Саранск.
- Серебрянников, 1918 — С е р е б р я н н и к о в В. Загадки как народное развлечение. Пермь.
- Смирнов, 1917 — С м и р н о в А. М. Сборник великорусских сказок Архива РГО, вып. 1 и 2. Пгр.
- Соколова, 1960 — С о к о л о в а В. К. Фольклор как историко-этнографический источник. — Советская этнография, № 4.
- Стеблин-Каменский, 1957 — С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. О некоторых особенностях стиля древнеисландских скальдов. — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. XVI, вып. 2.
- Суфиев 1965 — С у ф и е в А. Таджикские народные загадки. АКД. Душанбе.
- Таросва, 1959 — Т а р о с в а Р. Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время. — Труды Карельского филиала АН СССР, вып. XXII, Петрозаводск.
- Таросва, 1965 — Т а р о с в а Р. Ф. Материальная культура карел. М.—Л.
- Тейлор, 1939 — Т е й л о р Э. Первобытная культура. Соцэкгиз.
- Хотьковский, 1912—1913 — Х о т ь к о в с к и й В. Ф. Историко-бытовые условия жизни Олонецкого края по данным народно-литературной старины. ИРЛИ, Р. V, к. 192.
- Худяков, 1864 — Х у д я к о в И. А. Великорусские загадки. — Этнографический сборник, вып. VI.

- Хусаинова, 1967 — Хусаинова З. Основные особенности и источники узбекских народных загадок. АКД. Ташкент.
- Фядосік, 1972 — Загадки. Рэд. А. С. Фядосік. Мінск. «Навука і тэхніка».
- Цициус 1957 — Цициус В. И. Загадки пегидальцев. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 132, Л.
- Чистов, 1970 — Чистов К. В. Фольклор и этнография. — В кн.: Фольклор и этнография. Л.
- Чичеров, 1957 — Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М.
- Aarne, 1916a — Aarne A. Gananderin arvoituskokoelma. — Virittäjä, N 4.
- Aarne, 1916b — Aarne A. Muuan kirvestä merkitsevä arvoitus. — Virittäjä, N 7.
- Aarne, 1916c — Aarne A. Vielä muutamia kirvestä merkitseviä arvoituksia. — Virittäjä, N 8.
- Aarne, 1917a — Aarne A. Arvoituksen tutkimuksesta. — STAEP, 1916. Helsinki.
- Aarne, 1917b — Aarne A. Vertailevia arvoitustutkimuksia. Tulta ja sauhua, harakkaa ja munaä merkitsevät arvoitukset. — SUSA. Helsinki.
- Aarne, 1918 — Aarne A. Vergleichende Rätselforschungen I—II—III—FFC, N 26—28. Helsinki.
- Aarne, Krohn, 1922 — Suomen kansan arvoituksia. Valikoima. Helsinki.
- Bødker, 1964 — The Nordic riddle. Terminology and bibliography. By Laurits Bødker in co-operation with B. Alver, B. Holbek, L. Virtanen. Copenhagen.
- Davenport, 1952 — Davenport Willian A. Fourteen Marshal lese riddles. — Journal of American Folklore, Philadelphia.
- Eisen, 1913 — Eisen M. J. Eesti mõistatused. Tartu.
- Elliott, 1960 — Elliott Robert C. The power of satire: magic, ritual, art. Princeton, New Jersey.
- Franssila, 1900 — Franssila K. A. Kansanrunouden tutkimuksia. Iso Tammi, I. Helsinki.
- Frazer, 1920 — Frazer J. The golden Bough, v. 7, 9. London.
- Frazer, 1922 — Frazer J. The golden Bough, v. 3. London.
- Ganander, 1970 — Ganander Christfrid. Aenigmata Fennica. Suomalaiset arwotukset. — SKS.
- Georges, Dundes, 1963 — Georges Robert A. a. Dundes Alan. Toward a structural definition of riddle. — Journal of American folklore, N 76.
- Goldstein, 1963 — Goldstein Kenneth S. Riddling traditions in Northeastern Scotland. — Journal of American Folklore, N 76.
- Haavio, 1935 — Haavio M. Suomalaisen muinaisrunouden maailma.

- Haavio, 1955 — Haavio M. Kansanrunouden maailmanselitys. Porvoo—Helsinki.
- Haavio, 1967 — Haavio M. Suomalainen mytologia. Porvoo—Helsinki.
- Haavio, Hautala, 1950 — Haavio M., Hautala J. Suomen kansan arvoituskirja. Porvoo—Helsinki.
- Hakulinen, 1942 — Hakulinen E. Tuliperäisiä affektisanoja. — KSV, 22.
- Hart, 1964 — Hart Donn V. Riddles in Filipino Folklore. Syracuse university press.
- Harva, 1933 — Harva Uno. Turisas. Suomi 5 : 16.
- Harva, 1935 — Harva Uno. Kalevalan 23 : 91—94 säkeiden selitys. Virittäjä.
- Hautala, 1945—1946 — Hautala J. Suomalaisten arvoitusten julkaisemisen ja tutkimuksen historiaa. — KSV, 25—26.
- Hautala, 1947 — Hautala J. Hiiden hirven hiihdäntä. Helsinki.
- Hautala, 1948 — Hautala J. Vanhat merkkipäivät. Helsinki.
- Hautala, 1954 — Hautala J. Suomalaisen kansanrunouden tutkimus. Turku.
- Holmberg, 1923 — Holmberg U. Metsän peitossa. — KSV, 3.
- Jolles, 1956 — Jolles A. Einfashe formen. Halle.
- Jyrinoja, 1965 — Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. SKS.
- Kaivola-Bregenhøj, 1974 — Kaivola-Bregenhøj A. Arvoitusten mahdollomuuskuvastoa. — KSV, N 54.
- Kanteletar, 1942 — Kanteletar elikkä suomen kansan vanhoja lauluja ja virsiä. — SKS, Helsinki.
- Kekkonen, 1929 — Kekkonen U. Kansanomaisia rakennustapoja ja koristemuotoja Karjalasta kahden puolen rajaa. Helsinki.
- KKS, 1974 — Karjalan kielen sanakirja. Helsinki.
- Konkka, 1973 — Konkka U. Suu sanou hyvän sanan, sitä mieli muistelou. — KSV, 53.
- Korhola, 1961 — Korhola Leena. Suomalaisista sateenkaariarvoituksista. — KSV, 41.
- Krohn J., 1885 — Krohn J. Suomalaisen kirjallisuuden historia. I. Kalevala, Helsinki.
- Krohn K., 1915 — Krohn K. Suomalaisten runojen uskonto. Helsinki.
- Kurki-Suonio, 1961 — Kurki-Suonio S. Kuolema suomalaisissa arvoituksissa. — KSV, 41.
- Kuusi, 1953 — Kuusi M. Kalevalaisen runon alkusointuisuudesta. Virittäjä.
- Kuusi, 1956 — Kuusi M. Arvoitukset ja muinaisusko, Virittäjä.

- Kuusi, 1960 — K u u s i M. Seitsemän arvoituspähkinää. Jumin keko. Helsinki.
- Kuusi, 1962 — K u u s i M. Sananparret ja arvoitukset. Oma maa, II.
- Laugaste, 1964 — L a u g a s t e E. Arvud cesti rahvaluules. Matemaatika ja kaasaeg. IV. Tartu.
- Kemppinen, 1967 — K e m p p i n e n Iivar. Haudantakainen elämä karjalaisen muinaisuskon ja vertailevan uskontotieteen valossa. Helsinki.
- Leino, 1970 — L e i n o P. Strukturaalinen alkusointu suomessa. Helsinki.
- Leskinen, 1934, 1936 — L e s k i n e n E. Karjalan kielen näytteitä. II, III. Helsinki.
- Leskov, 1972 — L e s k o v N. Siämäjärven seudun arvoituksia. — Punalippu, N 6.
- Ljeskov, 1918 — L j e s k o v N. Aunuksen läänin karjalaisten arvoituksia ja sananlaskuja. — Virittäjä, s. 83—90.
- Lönnrot, 1851 — L ö n n r o t E. Suomen kansan arvoituksia ynnä 189 viron arvoituksen kanssa. Helsinki.
- Lönnrot, 1902 — Elias Lönnrotin matkat. Helsinki.
- Mägiste, 1959 — M ä g i s t e J. Mihin menet, sen väärä vänttyrä? Virittäjä.
- Nirvi, 1932 — N i r v i R. E. Suistamon keskusmurteen vokalismit. — Suomi, V : 13.
- Nirvi, 1944 — N i r v i R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä. Helsinki.
- Normann, 1941 — N o r m a n n E. Eesti mõistatuste repertuaarist. — Eesti keel ja kirjandus, N 3.
- Ojansuu, 1934 — Lyydiläisiä kielennäytteitä. Koonneet Heikki Ojansuu, Juho Kujola, Jalo Kalina ja Lauri Kettunen. Helsinki.
- Okkonen, 1913 — O k k o n e n O. Väreistä vanhassa suomalaisessa kansanrunoudessa. Virittäjä.
- Paulaharju, 1924a — P a u l a h a r j u S. Kun Kittilässä pantiin Hyymälään. — KSV, 4.
- Paulaharju, 1924b — P a u l a h a r j u S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo.
- Reinilä, 1957 — R e i n i l ä Anna-Maria. Pyy lensi Pyhäjokeh. — KSV, 37.
- Rolander, 1894 — R e l a n d e r O. Kuvakielestä vanhemmassa suomalaisessa lyyrillisessä kansanrunoudessa. Helsinki.
- Salola, 1960 — S a l o l a Eero. Hölmölään kylä. Helsinki.
- Scott, 1963 — S c o t t Charles T. New evidence of American Indian riddles. — Journal of American Folklore. Vol. 76.
- Sihvo, 1969 — S i h v o H. Karjalan löytäjät. Helsinki.
- Siukonen, 1952 — S i u k o n e n Leena. Antti Aarne arvoitusten tutkijana. — KSV, 32.

- SKS, N 965: Suomalaisen kirjallisuuden seura (arkisto). N 965, ke-
rännyt I. Manninen, 1917. Копии А 2/5.
- Stepanova, 1973 — *Stepanova A.* Pohjois-Vienan perin-
nettä. — Punalippu, N 10.
- SKES, 1955 — Suomen kansan etymologinen sanakirja. Suomalais-
Ugrilainen seura. Helsinki.
- SKVR — Suomen kansan vanhat runot.
- Suomen kulttuurihistoria, 1933 — Suomen kulttuurihistoria, I.
- Suomen kirjallisuus, 1963 — Suomen kirjallisuus, I. Kirjoittamaton
kirjallisuus. Helsinki.
- Standard dictionary, 1950 — Standard dictionary of folklore, mytho-
logy and legend. New York.
- Taylor, 1954 — *Taylor A.* English riddles from oral tradition.
Berkeley and Los Angeles.
- Viidalepp, 1965 — *Viidalepp R.* Eesti rahvajuttude laadist,
funktsioonist ja jutustajatest. Dissertatsioon filoloogiakandi-
daadi teadusliku kraadi taotlemiseks. Tallinn.
- Viidalepp, 1969 — *Viidalepp R.* Rahvajutustaja rahva hul-
gas. — Etnograafia muuseumi aastaraamat, XVI. Tallinn.
- Virtanen, 1960 — *Virtanen Leea.* Arvoitus ja sen tehtävä.
Jumin keko. Helsinki.
- Virtanen, 1962 — *Virtanen Leea.* «Suomalaisten arvoitusten»
eri painokset. — KSV, 42.
- Virtanen, 1966 — *Virtanen Leea.* Suomalais-virolainen arvoi-
tussarja. Helsinki.
- Virtaranta, 1958 — *Virtaranta P.* Vienan kansa muistelee.
Porvoo—Helsinki.
- Virtaranta, 1964 — *Virtaranta P.* Lyydiläisiä tekstejä. I,
III. Helsinki.
- Väisänen, 1933 — *Väisänen A. O.* Kantele ym. soittimet suo-
malaisissa arvoituksissa. — KSV, 13.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Загадки в народно-бытовой традиции	13
Обрядовая функция загадок в прошлом	14
Временные ограничения в загадывании	17
Наказания в системе загадывания	27
О позднейшем периоде бытования карельских загадок	39
Глава II. Карельская загадка и действительность	48
Крестьянский быт	49
Природа и человек	67
Тема социального протеста	74
Глава III. Художественная организация загадок	83
Отношения загадки и отгадки	84
Метафоры в загадках	88
Сравнения	98
Эпитет	100
Числительные	102
Пространство и время в загадках	104
Аллитерация в загадках	107
Заключение	114
Сокращения	120
Приложение	121
Литература	125

Нива Александровна Лавоцени

**КАРЕЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ
ЗАГАДКА**

*Утверждено к печати
Карельским филиалом АН СССР
Институт языка, литературы и истории*

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректор *С. В. Добрильская*

Сдано в набор 10/VI 1977 г. Подписано к печати 22/XI 1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 4¹/₄=7.14
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7.А. Изд. № 6570. Тип. зак. № 469.
М-24307. Тираж 8500. Цена 35 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

Адреса и почтовые индексы магазинов:

- 480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, ул. Джанаридзе, 13
320005 Днепронетровск, пр. Гагарина, 24
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 303
252030 Киев, ул. Ленина, 42
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28
343900 Краматорск, ул. Марата, 1
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2
192104 Ленинград, Литейный пр., 57
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2
199004 Ленинград, 9 линия, 16
220072 Минск, Ленинский пр., 72
103009 Москва, ул. Горького, 8
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
630076 Новосибирск, Красный пр., 51
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6

*Для получения книг почтой заказы просим направлять
по адресу:*

- 117464 Москва, В-464, Мичуринский пр., 12
Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы
«Академкнига»
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7
Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»

35 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ